

Туда начинается

РАДУГА

ИРЕНА ЛЕУХИНА

Мне пришлось переехать в новый город. В новый дом. Почти в новую семью.

Я золушка с двумя вредными сестрами и лицемерной опекуншей.

Но только я не милая и наивная девчонка, к которой прилетает фея. Я беру всё в свои руки и действую. Иду к своей цели.

Но мне приходится делать выбор.

Моя любовь или мечта?

Что я выберу сейчас? А не пожалею ли я об этом?

Где начинается радуга?

Ирина Леухина

Когда гадалка отошла от меня, я заплакала. Я ведь сама понимала, что сказка не может длиться вечно. Я перед собой ставила цель — свобода. А она может быть достигнута только совместно с профессиональным успехом. Мне нужно стать той, кем мечтала. Еще с тех времен, когда была жива мама.

Я стану популярной и успешной, но будет ли ему место рядом со мной. К тому же есть это чертово «НО».

Это моя любовь к нему. Я люблю его так сильно, что готова отказаться от мечты всей своей жизни. Я могу ради него отказаться от свободы. Я готова прожить ради него в аду, который именуется мой нынешний дом. Я готова стать его женой, матерью детей. Хотя никогда не имела тяги к быту.

Я люблю его.

Но есть ли место для меня в его мире. Где мать — ревнивая истеричка. Где ему пришлось давно стать мужчиной и взять на себя ответственность за мать и маленькую сестру. Где ему школьнику приходится зарабатывать и вести переговоры с отцом по поводу алиментов. Потому что отец не хочет видеть жену истеричку, подарившую ему детей.

Так где мое место? И что выбрать.

Цель, но остаться без своей любви.

Или остаться с любовью. Правда без денег, цели и возможно карьеры.

Сомневаюсь, что гадалка действительно имеет дар к прорицанию. Но она смогла задать вопрос, который я боялась произнести. Она верно подметила, что я не могу выбрать оба варианта. Нужно выбрать что-то одно.

И ведь остается еще моя семья. Тетя с ее мужем и двумя дочерьми. Я словно золушка бегаю по делам, а они недоумевают, почему я им грублю. Они забрали у меня наследство моих родителей. Они относят ко мне, словно я ничто. И мне приходится работать, чтобы заработать себе на будущее. Ведь в моих планах стоит пункт о переезде в столицу. Время на вежливость не остается.

Благо на юге работы много. Особенно летом. Тогда я бы не смогла накопить столько. И радует то, что выплаты сиротам приходят мне. Сомневаюсь, что я бы их получала. Не при таком отношении.

Так что я рискну выбрать? Цель или любовь?

Или найти третье решение? Которого нет.

Какой мой выбор? Это должна сделать я. И только я. Что для меня важно?

Это мой поворот. Это моё судьбоносное решение. От которого зависит всё мое будущее.

Так что: цель или любовь?

Глава 1

— Ксюша, тебе пора садиться на самолет, — низкорослый дядя Миша. Друг и сосед моих родителей чуть не плача обнимает меня. — Тебе нужно лететь к своей тете. Чтоб душа ее черная не почернела еще сильнее.

Выругался дядя Миша, но заметно сдерживал себя в выражениях из-за меня. Он никогда не ругался при мне. Если только его не вывести из себя специально.

— Но я ее не знаю, — хнычу я. — Я хочу к маме.

С трудом произношу эти слова и жмурюсь. Потому что поверить в правду сложно. Особенно если она разрушительна.

— Знаю, Ксюш. Но лучше жить среди родных, чем в приюте.

Успокаивает больше себя, чем меня.

Его виноватый вид говорит о многом. Особенно о том, о чем он не хочет говорить. То, что он не смог сдержать свое обещание. Данное мне в день похорон родителей.

— А вы, дядь Миш. Почему вы не можете меня забрать к себе?

Папа говорил, что видеть слезы его девочек ему страшно. Мама говорила, что мои слезы для нее отдаются болью в сердце. Но сравнения с ревушим мужчиной у меня нет.

Дядя Миша всегда сильный, готовый проучить любого ради меня. Он всегда стоял в ранге с отцом. Достойный уважения. Он стоял в аэропорту, провожая меня. Дочку погибшего друга. Девчонку, которую он не раз спасал от неприятностей. Он стоял и плакал, что не смог. Не смог мне помочь и мне приходится улетать в неизвестность. К незнакомой родне на юг.

— Потому что не родня. Потому что не женат. Потому что мой доход средний по стране. — дядя Миша еще крепче прижал меня к себе и прошептал в макушку. — Будь сильной, Ксюша. Ты всегда была такой. Ты сможешь пережить горе. И не забывай про свой план. Он должен быть исполнен. Ты обещала матери.

— Но ее нет. — глухо возразила я. — Кто тогда проверит на уровень исполнения?

— Я.

«На самолет Боинг 737–800 объявляется регистрация. Пассажиры проходите к пятому окну для регистрации».

— Тебе пора, Ксю, — потрепал как малолетку по голове и залихватски улыбнулся.

Он, как обычно, пытается скрыть боль. Поздно. Я видела, как вы страдали только что.

Отхожу от родного дяди на несколько шагов, но резко торможу и кидаюсь к нему.

— Я обещаю тебе, дядь Миш. Я исполню свою мечту. А вы обещайте мне найти свое счастье. Хорошо?

Я отпрыгиваю от него и несусь к пятому окошку для регистрации. В руках у меня паспорт и бумажка с распечатанным билетом. Дядя Миша из-за этого надо мной долго смеялся. Что я не верю электронным билетам. Точнее мне спокойнее, когда подхожу к окну с распечатанным листом, чем без него. Словно только с бумажкой я имею право пройти на посадку.

За мной успела образоваться длинная очередь. А передо мной осталось зарегистрировать только двоих. А нет, троих. Подошла без очереди семья с младенцем.

Оборачиваюсь. Дядя Миша ушел. Не хочет показывать слез. Да и пора ему. Работа не ждет.

Но что ждет меня?

Еще девчонку — Ксюшу Малахову. Неделю назад мне исполнилось семнадцать. И завтра я пойду в новую школу. Через пять часов я окажусь в новом доме. А две недели назад я потеряла обоих родителей. Трагическая случайность, которая стоила их жизни.

Друзья же звали меня Малахитом. Потому что крепка как камень. И вытянуть из меня эмоции сложно. Потому что глаза у меня глубокого зеленого цвета, напоминающий малахит. А еще они шутили, что все мои желания исполнялись. Словно во мне живет малахитовый амулет. Мама даже однажды мне подарила серебряное кольцо. Толстый ободок, а по центру маленький круглый камень малахита. Мой талисман.

Может я действительно под покровительством малахитового камня. Но одно желание, которое я страстно желала. Он не исполнил.

— Девушка, проходите на посадку. Вас уже ждут бортпроводницы.

Рассеяно киваю и прохожу к стойке проверки.

Как же страшно начинать что-то с нуля. Но еще страшнее, когда за спиной не стоят близкие. Я сильная, как мантру повторяю про себя. — Я смогу справиться со всеми трудностями. Они ведь только временные. Может тетя милая и добродушная. А ее дочери станут мне подругами. Одна из них вообще моего возраста. Другая на пару лет старше. Студентка. Ее дядя. Муж тети. Вообще может мировой мужик. Такой же, как и папа и дядя Миша. Мама про сестру говорила мало. У них общего было мало. Может поэтому не общались.

Как же убого звучит. Буду решать проблемы по мере их поступления.

Тем временем прошла без эксцессов проверку. А потом взошла на борт.

— Ксения? — ко мне подошла миловидная брюнетка стюардесса. — Вам ведь семнадцать. Я ответственна вас посадить, а потом высадить по прилету.

— Понимаю.

— Какое ваше место?

Молча протягиваю ей билет. Говорить я не хочу. Устала. За последние две недели я постоянно говорила пустые слова. Что понимаю, что принимаю, что готова.

За спиной часто слышала гадости. Что у Малаховых осталась бесчувственная дочь. Только потому что не хотела реветь при них. Все мои слезы видел один дядя Миша.

— Пройдемте.

Ответственный посадил меня на нужное место и ушел выполнять свои обязанности. Самолет постепенно заполнялся людьми. Я откинулась на кресло, и уставилась в потолок.

Я справлюсь.

Я должна.

Мне некуда деваться, кроме как идти вперед.

— Пристегните ремни безопасности, и приведите спинки кресел в вертикальное положение. Самолет летит на посадку.

Заученными до автоматизма движениями стюардессы проверяли кресла и ремни у пассажиров. Ко мне снова подошла Алиса, назначенная для присмотра стюардесса, и проверила мой ремень рукой.

Реагировать на ее движение не хотелось. Хотя внутри что-то екнуло и хотело огрызнуться.

Мягкая посадка. И пассажиры аплодируют пилотам. А я с равнодушием оглядываю салон и достаю с верхнего отсека свой рюкзак.

Интересно меня встретят или нет?

Нотариус передал мне номер тетки, и я ей отправила еще вчера номер рейса и время прилета. В ответ пришел только адрес квартиры.

Меня это покорило, но я смолчала. Общаться с кем-то либо не желала. Уход родителей на меня сильно повлиял в эмоциональном плане.

Я до этого не было падка на эмоции. Понять их или показать на снимке я могла. В жизни я их скрывала. Из-за этого многие считали меня высокомерной и равнодушной. Камень. Кремень. Малахит. Так как-то подредактировал мою фамилию обиженный ухажер. И всем понравилось.

Подруга меня потом просветила, что малахит как символ дарит исполнение желаний. Он использовался раньше как оберег и покровитель духовности и интеллекта. Она шутила, что тот парень подарил мне незримый талисман.

И шутка в какой-то мере стала реальностью. Многие мои желания исполнялись по мановению волшебной палочки. А мама как узнала про мое прозвище в школе, стала рекомендовать мне использовать псевдоним в работе.

Но мой талисман дал сбой. Две недели назад.

И я снова возвращаюсь к причине переезда сюда.

Мой спуск с трапа прошел без приключений. Но жар дня меня поразил. В моем городе в это время бывает жарко, но не душно как здесь. Из-за духоты мое дыхание сперло, а голова утяжелилась. Верный признак к возможному обмороку. Низкое давление, духота, отсутствие завтрака и волнение последних недель. Сказывается на мне сейчас.

Мне приходится опереться на боковую стенку трапа. Пара минут. Учащенное глубокое дыхание. И мне становится легче.

Нужно поесть и тогда головная пульсация должна пройти.

— Вам помочь?

Отрицательно махаю незнакомке, но она продолжает настороженно вглядываться в мое лицо. Приходится разжать губы и произнести:

— Со мной все хорошо. Идите. Не волнуйтесь.

Мой покер фейс сыграл свою роль. Девушка перестала переживать и отошла. А мне пришлось делать глубокие незаметные вздохи и продолжать путь.

Внутри аэропорта приятно холодили кожу кондиционеры. Мне стало намного легче, но пару только что купленных шоколадок я заживала рядом с автоматом. Это не совсем то, что мне на данный момент нужно.

Но правило: ешь что дают. Или что можешь купить на свои деньги. Меня убеждает в правильности своего выбора.

Оглядываюсь по сторонам. Но нигде нет таблички с моим именем.

Меня никто не будет встречать?

Достаю из рюкзака телефон и набираю сообщение тете. Маячок о доставке тут же мелькнул. А потом и галочка посинела. Но ответ не пришел.

Начало впечатляет, конечно. Но что ты хотела, Ксюша. Ты ведь и предполагала, что тебя встретят так. А точнее никак.

Подхватила чемодан в одну руку. Рюкзак был меня за спиной. А прикрепленная к чемодану сумка все норовила упасть. Чудно. Кряхтя, я отправилась к выходу. Не буду же я ждать с моря погоды. Это не в моем характере.

А тетя? Пусть отмаливает свои грехи потом сама. Помогать ей в прощении я не буду.

Неожиданная боль в боку. Плюс резкое столкновение с метеором. И я со всеми вещами валюсь на бок. Какая-то наглая выхухоль сбила меня и пронеслась мимо.

Ругаюсь сквозь зубы и пытаюсь встать. Только прижимающий сверху чемодан не облегчает мне работу.

Как же бесят такие люди. Ладно сбил. Со всеми бывает. Но как минимум извиниться, а еще лучше помочь. Почему мозгов не хватает это сделать.

Толкаюсь вверх, но изможденный организм дает осечку. Я невероятно устала за эти две недели. Могла бы вообще остаться здесь. На полу. Уставшая и изможденная. Мне бы поспать и поесть. И так хочется домой.

Отдохнуть я не успела. Потому как неожиданная помощь пришла. От парня выше меня роста. Как я поняла лежа на полу, что он выше меня? Для девушки роста в один метр семьдесят шесть сантиметров определение насколько ниже или выше парень вырабатывается автоматически. Потому как приятнее, когда он выше, чем ты. Вот и приходится определять кто выше с первого взгляда. Даже издалека. Даже если он возвышается, а ты лежишь пластом на грязном полу.

— Ты как? Или оставить тебя тут? Извини не понял сразу, что тебе понравилось лежать под ним, — незнакомый темноволосый парень с искривленными губами в подобии усмешки поднял мой чемодан, чтобы снова на меня положить.

— Хей, — выкрикнула я и выставила руки. — Нет, подожди. Помоги лучше встать. Я уже налегалась.

Парень в псевдо-извинительной манере поджал губы и отставил чемодан. А потом с легкостью поднял меня и поставил.

На мне были мои старые джинсы и футболка. Обтряхивать себя не видела смысла. А вот взглянуться в спасителя хотелось. Он действительно был выше меня. Сантиметров на десять. Как минимум. Темные волосы пострижены под канадку* и небрежно уложены. Белая футболка с песочными шортами. Кроссовки и носки. Присмотревшись внимательнее я увидела в одежде бренд. Я не первый год связана с модой. И потому определить бренд могу с легкостью. Он еще и состоятелен.

Темно-карие глаза с интересом меня осматривали. Ему заметно понравилось то, что он видел.

А мне было побоку его внимание.

Я привыкла к вниманию. И к тому что нравлюсь внешне людям. Спаситель бесспорно симпатичен мне. Более того он красавчик. В этом я признаюсь самой себе. Но во мне есть

один дефект. Я не испытываю желаний быть любимой. Из-за этого я остаюсь равнодушной к такого рода проявления внимания.

Сложно объяснить даже себе. Но я сколько наблюдала за подругами. Им всем хотелось любить и быть любимой. А мне — нет. Я любила родителей. Но от других мне не хотелось любовного внимания. Также мне не хотелось и любить других.

Камень. Что с меня взять.

— Так и будем стоять или познакомимся, — насмешливый взгляд. Гордая осанка. Он привык к любованию и восхищению со стороны девушек. Сомневаюсь, что он получал отказы. А сколько ему лет? Не больше двадцати на вид. — Я...

Он хочет познакомиться. Что логично для него. Красавчик подошел ко мне ближе, чтобы мы пожали друг другу руки. Физический контакт для нового знакомства важен как никогда.

Только что-то пошло не так.

С визгом к нему на шею кинулась девушка. Которая кстати говоря меня и сбила. Ее красная мини-юбка запомнилась мне.

— Матвей, я так рада тебя видеть. Вот узнала, что ты прилетаешь и захотела встретиться.

Вот ловелас. А хотел познакомиться. С полуулыбкой собираю свою поклажу. Изредка поглядывая за парочкой. Что-то на его лице не написана радость. Скорее обреченность. Сочувствую.

— Света, — прорычал Матвей. — Ты такая непонимающая с тысячного раза.

Красавчик отошел от девушки и раздраженно на нее поглядывал. Так она скорее фанатка его, чем подружка. Такая, как она не отвяжется просто так. Ладно. Можно и ему посочувствовать.

— Это что из-за нее, — всплакнув Света уставилась на парня. А потом резко развернулась ко мне и, ткнув в меня пальцем, прокричала. — Это все ты виновата!

Упс! Кажется мне не рады. Самую малость.

*канадка — мужская прическа на короткие волосы. Выбривают затылок и виски. Прическа напоминает британку. Но челка короче у канадки. И может быть небрежной.

Фурия в красной мини-юбке стремительно побежала на объект своей ненависти. На самом деле я уважаю таких людей, которые видят свою цель. И ни какие преграды не могут остановить движущую машину как человек с целью.

Эта Света была именно такая. Способы добиться цели не подходили конкретно сюда. Но все же она целеустремленная личность. За это можно ее похвалить.

НО...

Я случайно стала преградой к ее цели. Я встала на пути бронетранспортера в действии. Миниатюрная девушка со светлыми волосами. Имя ей подходит. Светлая такая. Портили картину одни глаза. В которых сейчас полыхала ярость.

Связываться с ней мне не хотелось.

Она с визгом кинулась на мои волосы, вцепившись в них, и яростно дергая их в разную сторону. Ее ногти царапали кожу на голове. А мне только оставалось прикрывать свое лицо от фурии в действии. От ревнивой фанатки, когда она узнала, что ее объект обратил внимание не на нее.

Спаситель оказался не эгоистом. Что радует. Плюсик к его характеру можно и добавить.

Матвей подхватил Свету на руки. И видимо от счастья быть в объятиях кумира, она выпустила мои волосы.

— Матвеюшка, — белугой завывла Света. Она так мило состроила глазки. И я бы не поверила в то, что она только что яростно рвала волосы сопернице. — Она такая опасная.

Сидя на руках парня, девушка кивает в мою сторону. А я в ошалевшем состоянии выпускаю свою челюсть на пол.

Это она про меня? Это я опасная?

А кто напала на меня? И если бы не Матвей, то нас бы разнимала охрана.

Она уже бежит к нам разбираться.

Матвей тоже заметил ребят в форме и помахал им. Они остановились вдалеке, но с опаской поглядывали в нашу сторону.

Надо срочно сматываться. Пока не поздно.

— Так девочки, — поставил Свету и встав между нами начал Матвей. — Я понимаю, я красавчик. И драться за меня вам охота. Но проясним одну штуку. — Я с возмущением на них взглянула и показательно отвернулась. — Драки прерогатива мужчин. Девчонки этим не занимаются. Если вы еще раз начнете драку, то сделаете меня не-мужиком. Мы поняли друг друга?

Он по очереди заглянул в наши глаза. Если Света как болванчик закивала. И теперь я была уверена, что больше в меня кидаться никто не будет. То я отразила в своих глаза — скептицизм.

Матвей меня понял. Он усмехнулся, но украдкой. Не хочет повторить ревность Светланы?

— Давайте уже поедem, — предложил парень.

Я отошла от них собирать свои раскиданные сумки. Он прав. Пора ехать. Никто не встречает меня.

— Слушай, — поставил чемодан рядом со мной и с виноватым видом посмотрел на меня. — Я до сих даже имени твоего не знаю. А ты пострадала из-за меня. Давай хоть

подвезу.

— Чтобы я еще больше пострадала? — едко подметила и выпрямилась я. — Если ты меня подвезешь, то твоя фанатка приревнует меня. Снова. И тогда, когда ты не будешь свидетелем нашего общения, меня будет поджидать стрелка за домами. Тебе может плевать. Но один годик я хочу прожить здесь более и менее спокойно.

— Один год? Значит у меня есть время познакомиться с тобой? — с улыбкой отметил Матвей и заметно расслабился. — А то я подумал, что ты тут на отдых.

— Ты даже имени моего до сих пор не знаешь. Я думаю тебе как раз годик на это и пригодится.

Пикироваться с ним приятно. Не то, что другие. Отвергаешь их, а они обижаются. Пошутил — обижаются. Иногда кажется, что ты не девочка. А смесь едкой язвительности и скепсиса.

— Да, мам. Я в аэропорту. Кого встретить? Сестру? Двоюродную. Но мам, зачем нужна сирота из Сибири. Пусть отправляется в приют. Мы то тут причем. Моего возраста? Ну ладно. Уже приехала. А как зовут. Оксана Малахова. Хорошо. Встречу и привезу. Поняла, мам.

Не-е-е-т!

У Вселенной точно с чувством юмором неполадки. Либо где-то закоротило. Не может быть правдой.

— Матвей, — Света подошла к нам и виновато прошептала. — Мне нужно встретить одну бедную родственницу. А самолет уже прилетел.

— Так это ведь замечательно, — воскликнул явно обрадовавшийся парень. — Родственные узы самые важные и крепкие. Обязательно иди и встречай свою родственницу.

— Ты не обижаешься?

— Что ты, как я мог, — переигрывал свою партию. Но оставался милым. Жаль мне его омрачать.

— Самолет уже давно прилетел, — заметила я.

— Правда, — воскликнула девушка. — Блин, придется теперь по всему аэропорту бегать, чтобы найти ее. Наверняка спряталась в каком-нибудь углу и замерла. Чтобы никто не увидел.

— Вот правильно, — подталкивая начал Матвей. — Будь благородной. Иди найди ее и приведи домой. Как ее зовут?

— Оксана Малахова.

— Вообще-то Ксения, — поправила ее я.

— Что? Но мама сказала Оксана.

Матвей замер и задумчивым видом взглянул на меня. Озарение в глазах. А потом насмешка направленная на Свету.

Умный парень. Догадался.

— Ксения. Не знаю в каких документах углядела твоя мама имя Оксана. Но я Ксения Малахова. И, по-видимому, твоя родственница, сестра.

Опешившее лицо стоило того произведенного эффекта.

— Что же давайте я вас подвезу до дома. Я правильно понял, что Ксюша будет жить у вас.

— Правда, — неверие в глазах Светы поражал уровень ее безумства. — Ты подвезешь меня до дома?

— Конечно, я вас подвезу.

— Не думаю, что это хорошая идея, Матвей.

Зря я это сказала. В глазах Светы возмущение. А мне с ней жить еще год. Матвей же был обрадованным.

— Мне несложно. — он подхватил мою сумку, и отправился вперед.

Света поскакала с ним. А мне пришлось топтать за ними.

— Запрыгивайте, — приказал парень, открывая машину.

Ксюша затормозила перед автомобилем. Жар в южном городе не уменьшился. Хотя время было послеобеденное. Аэропорт находился в городе. И она заметила как в двух шагах от парковки тормозит троллейбус на остановке.

Ехать с «любимой» сестрой не хотелось. Но здравый смысл возобладал. Она сегодня не единожды чуть упала в обморок. Она не ела больше суток. А сон в последнюю неделю стал редкостью. Слишком тяжелые мысли не давали уснуть.

Света уже запрыгнула в белоснежную инфинити кью 50, а Матвей сложил в багажник свой и мой чемодан. А мне трудно — сделать последний шаг.

Словно именно этот шаг разделит мою жизнь на до и после.

И этот год либо сделает меня сильнее, либо сломает меня.

— А мне понравилось, — хриплый голос сзади вырвал меня из себя.

— Ты про что?

— Как ты произносишь мое имя. — я отхожу от него, чтобы сесть на заднее сидение. — И кстати, — останавливаюсь, чтобы посмотреть в его лицо. И он искренними эмоциями произнес: — Я сочувствую твоей трагедией. Остаться одной — это в любой момент трудно. И тяжело.

Искренне. За две недели я не раз слушала такие слова. Но его были одни из искренних. За это я была признательна ему.

— Спасибо.

— А вот мы и приехали, — мужской голос разбудил меня.

Я уснула в машине Матвея. Голова в болезненном спазме сжалась. И я резко прикоснулась к вискам в надежде хоть как-то облегчить боль. Матвей стал моим персональным спасителем на сегодня. Он заметил мой жест и протянул с переднего сидения воду и таблетку.

— Что это? — хрипло спросила я, забирая одну лишь воду.

— Таблетка. Слабое обезболивающее. Извини, сильными не пользуюсь.

Присматриваюсь к его лицу. А ему словно стыдно признаваться в том, что у него только такое лекарство. Эта мысль вызывает у меня улыбку. Поэтому я спокойно беру лекарство и выпиваю его.

— А почему только слабое?

— Я спортом занимаюсь. Из-за сильных могут дисквалифицировать, — он произнес и вышел.

Словно это болезненная тема. Может его уже достали одинаковыми вопросами и только.

Света уже ждала своего кумира на тротуаре и возбужденно подпрыгивала. Мда, ей энергии не занимать. Вываливаюсь на улицу и у меня вырывается стон.

Как же тут жарко! Как они тут живут в такой жаре.

Матвей тем временем вытащил мой чемодан и сумку, а со мной в кабине был только рюкзак. Света недовольно на меня поглядывала, и я прошла мимо их и устало присела на скамейку. Голова уже не болела, но мушки бегали перед глазами. Лучше пересидеть такое состояние.

— Ну и чего ты расселась, — преградив солнце, Света встала передо мной. От этого стало легче. Но если бы она понизила тональность, то моей бедной головушке стало бы еще лучше.

— Устала, — обмахиваюсь рукой и скалюсь ей. — Вот решила отдохнуть. Или это возбраняется?

— В другой жизни отдохнешь. А ну вставай и потопали домой.

— Не уж-то Матвей уехал, — оглядываюсь и замечаю парня, который машет мне около машины. — Странно!

— А ты по мне уже соскучилась?

— Скорее удивленна. Почему твой мопс активизировался? Думала ты уехал, а нет.

— Как ты меня назвала, — визгливо выпалила сестренка. А мне осталось только поморщиться. Визжит она противно. — Мопс! Какой я тебе мопс?

— Самый настоящий и ревнивый, — отреагировала я.

Почему я не могла смолчать. Вот что у меня за характер. Скрывающая эмоции личность и в то же время защищающая как себя, так и других. Могла ведь промолчать и стерпеть. Так бы и прожила серой тенью в квартире родственников. Не смогла. Не продержалась ни часа.

Молодец!

— Света, — прикрикнул на нее Матвей. И девушка сдулась.

Что же определяем. У моей сестры острая форма не сдержанности.

Подъездная дверь открылась и из нее вышла девушка. Симпатичная даже очень. Я с

мамой часто бывала на съемках и видела много лиц. Красивых и не очень. Умеющие себя подать и не умеющие. Вот эта девушка красавица. Нежные тонкие черты лица. Хорошие гладкие волосы. Кожа даже издали видна ее идеальность.

НО.

Она совсем не могла себя подать. Свое красивое лицо она прятала под ворохом волос. Тонкие руки спрятались в карманах. Плечи слегка сутулые. И казалось, что она хочет исчезнуть.

Услышав голос Светы, девушка еще ниже опустила голову. Хотя куда уж ниже. Света ее не заметила. А вот Матвей.

— Здравствуй, — махнул ей парень. — Опять прячешься?

Девушка шуганулась, но улыбнулась. Он тоже заметил ее манеру ходить.

Цербер развернулся и замер. У Светы внутри точно компас имеется. Настроенный на улыбку Матвея.

— Ой, мышка, — фальшиво радостно воспела сестра. — А ну, исчезни пока тебя не съели!

Ну нет! Мысленно взмолилась я. Почему она не промолчала. И почему я не могу промолчать.

— А ты я смотрю у нас кошка? Чтоб шугать ее? Или все же мопс. Который может только тявкать?

Что с моим голосом. В нем столько холодности и язвительности. Была бы человеком, то у меня бы мороз по коже прошел. И это заметили все. Матвей с расширенными глазами уставился на меня. Не ожидал от меня такого. Девушка испуганно замерла. А Света шокировано оглянулась. Неужели думает что это кто-то другой.

— Сиротка, — издевательски начала Света. А у самой голос задрожал. — Ты бы лучше промолчала!

Ну все!

— Я Ксения, — встаю в свой немалый рост и выпрямляюсь. — Хотя для тебя Малахит.

— Как-как? Малахит?

— Ты главное не услышала, глухая, — медленно подошла к Свете и взглянула на нее сверху вниз. — Так обращаться с мирными людьми — нельзя. А меня ты не посмеешь называть «сиротой».

— А то что? — визгливо уточнила она.

Тьфу, реально мопс.

— Я в приют уеду. А твоей продажной мамаше скажу, что лишилась квартиры стоимостью в пять миллионов по вине дочери.

Лицо Светы покрылось красными пятнами. Неужели я угадала с тайными намерениями своих родственников. Так себе перспектива.

Но случилось главное. Света замолчала и озлобленно отошла от меня. Разберусь с ней позже.

— Вот и чудно. Рада, что мы поняли друг друга, — повернулась к Матвею и киваю ему. — Спасибо что подвез.

— Не за что, — с ухмылкой подмигнул он и сел в машину.

— Давай помогу, — ко моим вещам подбежала незнакомая красавица. И она с благодарностью протянула мне руку. — Я Арина. Живу в квартире напротив Юрьевых.

— Буду знать, — пожимаю ее руку и отмечаю. Что ее кожа действительно мягкая на

ощупь, как и на вид. — Спасибо, Арин.

Машина с визгом уехала со двора. Арина взвалила на себя в начале чемодан, но силой она не обладала достаточной, чтобы его катить. Пришлось ей передать свой рюкзак. А самой нацепить на себя дорожную сумку и катить за собой набитый чемодан.

Света молча шествовала с нами и открывала двери.

Уже у самой квартиры Арина убежала. А Света, отперев замок, тихо спросила:

— Что же ты, Малахит. Сразу не поехала в приют?

— Не твое дело, — грубо перебила ее и открыла дверь.

А там меня уже ждали.

Невысокая объемная женщина. Про таких дают смягчающую характеристику как детородная. А еще они представляются очень милыми и добрыми. Но тот экземпляр был другим. Я оглянулась на Свету, а потом с недоумением вернула взгляд на женщину. Света намного милее той, что стояла в проходе. И вымученная улыбка тут только мешала. Неухоженная кожа настораживала, а руки высушенные и покрытые экземой пугали.

Может это не тетя? Ну не может у такой женщины родиться такая, как Света. Не удивлюсь если сестренка ведет свой бьюти-блог.

— Оксаночка!

Или нет. Голоса у них похожи.

— Вы и есть моя тетя? — уточнила я, а сама скрестила пальцы.

— Конечно. Я твоя тетя Маша. А ты Оксаночка. Такая худенькая. Такая высокая.

Она причитала дальше. Описывая всю мою внешность. Странно, что не затронула мои гороскопы. Но в этот раз мой покер фейс сломался. Скептически взглянула на хозяйку и медленно осмотрела прихожую. И то, что я видела, мне категорически не нравилось.

Может я успею вернуться домой?

Тетя Маша заметила мое пренебрежение и остановилась. Присмотрелась ко мне внимательнее и показала свое лицо.

Жадная и лицемерная баба, которая готова урвать свой кусок пирога. Она пропитана фальшивостью и покусана ложью. Теперь понятно почему моя мама с ней не общалась.

— Я Ксения, — выдавила из себя свое имя.

Но кажется, меня тут будут звать как хотят.

Я никогда не ставила учебу в школе как что-то главное в моей жизни. Она скорее была необходимостью. И стандартной частью моей жизни.

Моя мама Юлия Малахова была фотографом и чуточку моделью. Ей нравилось находить новые свежие лица, а потом оставлять их на память камеры. Она считала, что в объектив камеры она видит мир иначе.

Лучше. Красивее. Счастливее.

С самого детства я присутствовала на съемках и принимала в них участие. Мне нравилось позировать и менять образа. Мне казалось, что я фея, которая перевоплощается каждый раз во что-то новое.

Для меня модельная школа была в приоритете, чем обычная. Но мое это не позволяло мне быть худшей. Даже в том, что мне априори не нравилось.

Училась я в школе хорошо. Но это благодаря моей амбициозности и нелюбви к проигрышу.

Это хорошие качества. И они часто выручали меня в жизни. Но честно, я завидовала тем, кто мог послать куда подальше то, что ему не нужно. И заниматься только тем, что ему нравится. Обманное чувство. словно если ты откажешься от одного, то начнешь тратить больше времени на любимое дело.

НО.

Есть вероятность перегрева. А впоследствии ненависти к тому, что раньше безмерно любил.

Так было у одной знакомой в школе моделей. Она почти забросила основную школу. А потом поняла, что ей разонравилось.

И это было дико. Она бросила модельную школу, а обычной она была в отстающих.

Тогда я осознала, как же мне повезло иметь такое это. Которое не позволяет быть худшей хоть в чем-то.

Раньше я как-то не философствовала. Да я и раньше не оставалась одна на длительное время.

Сейчас я одна шла в школу. Света давно убежала. Она только на скорую руку объяснила куда идти и всё.

Школьников было много. А я одна.

Интересные чувства. Непривычные.

В прошлой школе я была звездой. А в этой хочу быть тенью. Надеюсь у меня получится.

Когда я подошла к зданию, линейка перед входом уже началась. Первый сентябрьский день был теплым. Но при этом жар не жалил, а приятно согревал. Ветер с моря обдувал, создавая прохладу. Что радует в переезде, так это близость моря. Нужно туда сходить.

А пока... учителя радостно вещали о начале года. Желали успеха. А потом пригласили учеников прозвенеть в первый звонок. Традиция. Ученик последнего класса должен нести первоклассницу. Для меня — самый милый и запоминающийся момент с линейки.

Высокий темноволосый парень поднял девчущку на плечи и понес.

Вот так новость.

А Матвей оказался школьником. Уже знакомый мне парень нес маленькую светленькую

девочку с двумя косичками. А она с усилием трясла колокол и трезвонила в него. Вот мой первый звонок в новой школе. Матвей проходит рядом со мной и подмигивает мне с озорной улыбкой. А я...

А у меня нет настроения улыбаться ему. Я стою не в толпе и этим отличаюсь. Многие косятся на меня. Старшеклассники в основном друг друга знают. А тут новое лицо.

Сбоку ко мне подбежала Арина.

Смущенная и оттого более красивая, она встала рядом со мной. Сарафан и кружевной фартук. Форма напоминает советскую. И длинная французская коса сзади. Ей очень шло.

Я же в этот день напялила плиссированную юбку с прошлого года и блузку, кое-как отглаженную. Не люблю мятую одежду. Но тетка долго гладила вещи Светы, а потом и Любы. Своей второй дочери.

Выбор был не велик. Либо слегка мятое, либо опоздание.

— Ты ведь в наш класс? — вместо приветствия спросила Арина.

— А у вас много одиннадцатых в школе? — уточняю, а сама вспоминаю разговор с директором по телефону.

Вроде она букву не говорила.

— Только один, — согласно кивнула и покраснела Арина. — Ты права. После девятого многие ушли.

Школьники гурьбой исчезали в здании. Мне вдруг расхотелось туда идти. Вот что я там получу?

Но я ведь не могу не пойти.

Эта мысль убивала. Потому что за ней следовала и причина. Почему я не могла. В глазах тут же защипало. И только усилие воли заставило меня успокоиться. Добавился и болевой прием. Ногти в кожу отрезвляет.

— Пойдем? — спрашивает девушка.

Я же молча следую за ней.

Она говорит что где находится. А ее слушаю, но не запоминаю. Сейчас не до этого. Школьники разбежались по углам, а мы поднимались к нашему классу.

Перед дверью Арина не стопорилась. Она зашла туда спокойно. А я вот задержалась.

Трусиха!

Упрекнула сама себя. И решительно открыла дверь в новый мир.

— А вот и наша новенькая, — молодая и улыбочивая учительница встречает меня. Почти с объятиями. — Я Валерия Ивановна Савянова. Я классный руководитель 11 класса. А ты Ксения Малахова?

— Да, — согласно киваю и поправляю рюкзак на плече.

— Так можешь сесть пока к Свете. У нее свободно.

— Неет, — выкрикивает с места сестра. — Не хотелось бы. Вдруг ко мне Матвей сядет.

По классу после ее слов пробежались смешки.

Ее фанатизм этим парнем известен многим?

Так стоп! Матвей? Здесь? И мне с ним учиться в одном классе. С любимой сестрой.

Вселенная шутит так, что ... слов нет после этого.

Кому смешно? Только не мне.

— Матвей к тебе точно не сядет. И Глеб тоже.

— Ага.

— Глеб только с Рустамом сидит. А Матвей один на галерке.

— А где они?

— Глеб младшую сестру провожает в первый класс.

— Люська в первый пошла?

— А Матвей?

— Курит наверное.

— Как всегда.

— Так класс, — Валерия Ивановна подняла руки, выставив ладони вперед. — Давайте тише. Проходи Ксюш, тогда к Арине. У нее свободно.

Я посмотрела в указанном направлении и обрадовалась. Лучше с ней.

Дверь в класс открылась. Но первый вплыл запах курева. А за ним последовал Матвей. Говорил, что спортсмен, а курит.

— Опа, новенькая с нами, — ухмыльнулся парень, делая ко мне несколько шагов. — Садись ко мне, Малахит.

Тишина в класс опустила мгновенно.

Судя по всему, то, что произошло сейчас было сюрреалистической правдой.

А хотела остаться тенью на год. Я уже провалила свой план.

— Я сяду к Арине.

— УУУУ.

— Уверена? — Матвей подошел ближе и заглянул мне прямо в глаза.

Он всерьез думает, что смущусь перед ним? Или надеется, что я не смогу выдержать его взгляд. Не на ту напал.

Прямой взгляд. Пару минут. И парень отступает.

— Абсолютно.

Вот черт. Мой голос стал стужей.

Дверь снова открылась, прервав наш бой.

А когда я посмотрела, кто пришел, то замерла.

Это был высоченный и широкоплечий парень с темным ежиком и черными глазами. С загорелой до темна кожей.

Это что школьник?

— У нас новая учительница? — звучный бас привлек классную руководительницу.

И мне кажется, я услышал ох с ее стороны. Я бы на ее месте — сбежала.

— Ам, — залепетала учительница. — Да. Я Валерия Ивановна. А Вы-ы?

— Марков Матвей, — то ли мне представился, то ли замершей учительнице.

После этого Матвей нагло подмигнул мне и прошел мимо на свое место.

— Рустам Исаев, — пробасил одноклассник.

— Прохо-одите и не опаздывайте больше.

Взяла себя в руки Валерия Ивановна. А я вот еще стояла истуканом.

Надеюсь больше меня никто не добьет чем-то новеньким. А то я боюсь передозировку шокотерапии.

Рустам же еще целую минуту стоял и нервировал учительницу. Точнее своим немигающим взглядом. От которого волосы дыбом вставали. Как его учителя опрашивают? Валерия Ивановна смотрела на класс, но ее напряженная фигурка не двигалась. Только шуганулась немного, когда Рустам прошел мимо к своей парте.

— Ксения, ты тоже садись.

Я только за.

Но дверь снова открылась и вошел он.

— Оу, Глеб пришел.

— Глеб!

— Глебушка, наконец-то.

— Алмазов, тебя долго не было.

Парень кивнул ребятам и подошел к учителю, не глядя на меня.

— Вы Валерия Ивановна? Я староста класса Глеб Алмазов.

— Хорошо, — заметно устало проговорила она. — Садись на свое место.

Глеб ей улыбнулся и пошел, мимоходом взглянув на меня.

Сколько длился этот момент? Скорей всего от силы десять секунд. Но для меня миг замер.

Мы взглянули друг на друга одновременно. Мне показалось, что в этот миг мир исчез. Класс пропал за гранью Вселенной. Возможно в другом мире остался этот город.

Но мы с ним были в двух шагах друг от друга. И остальной мир нас не касался.

А потом он сделал шаг, и я тоже.

Мы одновременно шли по разным проходам между парт.

Я заставила себя отвернуться от него и сесть к Арине. Я чувствовала его взгляд. Я заметила, что он сел к огромному Рустаму. Но я больше на него не смотрела.

Класс притих.

Учительница начала свою приветственную речь.

А я была в моменте. В моменте встречи с его взглядом.

Глава 6

— Расскажешь мне про класс? — тихо спрашиваю у Арины, когда математик дал нам тест на проверку остаточных знаний.

Прошло несколько уроков, но понять кто есть кто я не смогла. Матвей молчал и не смотрел на меня. Обиделся на мой отказ? Света оказывала мне нейтральное приветствие. Точнее она меня игнорировала. Так же поступали еще несколько одноклассников. Кто-то приглядывался с интересом. Кто-то с недоумением.

Открытого негатива не было. Но и радости от моего прихода я не видела.

Может и хорошо. Спокойный год. Тихая тень. Тишь и гладь.

— Да, конечно, — она стеснительно улыбается и воровато оглядывается в поисках строго учителя. — Ты про кого-то конкретного?

— И да, и нет, — обтекаемо отвечаю и тоже оглядываюсь. — Мне с ними год учиться. Не хотелось бы неожиданных подножек получить. Или начать общаться с тем, кто окажется прогнившим. Ты меня понимаешь?

Арина испуганно округляет глаза и в то же время понимающе кивает. Видимо у девушки есть проблемы с местной девичьей знатью. Раз она быстро ухватила суть. Не люблю я неожиданности. Хотя все проблемы я встречаю стойко. Но сюрпризы не моё. Поэтому нужно подготовиться.

— А с кого начать?

Желание попросить начать с Глеба скрутило меня. Но я стойко сломала его и прошептала:

— Давай по порядку.

— Хорошо, — Ариша приподнимает голову и всматривается в спины одноклассников. Незаметно она тыкает в парня за первой партой у окна. — Это Саша Воропеев.

— И что за человек? — уточняю и сканирую его. С виду тихий спокойный. На даже в тихом омуте разная жуть обитает. — Почти отличник. Спокойный парень. Живет в соседнем от нас дворе. Плох только в иностранном. А так отличник. Любит математику и физику. Если в этом проблемы, может помочь.

Киваю и ставлю зарубку. Если что реально можно обратиться. Математика мне давалась. А с физикой были определенные трудности. Если учитель заартачится, то придется хотя бы немного понять предмет.

Ладно об этом подумаю позже.

— А с ним?

— Аня Гордеева. Местная хулиганка. Учится на тройках. Если в туалете накурено, то это она, — с неудовольствием вспоминает соседка. — Так-то она нормальная. Никого не травит. Но и не защищает. Может спокойно ударить. Так что не советую с ней связываться.

— Она только Сашку донимает?

Обращаю внимание как Аня приближается к самому уху парня, а он вздрагивает. Смотрит на нее с укоризной и отворачивается. А она снова к нему.

Мило. Эта картина заставляет меня улыбнуться.

— Ну да, — совсем тихо ответила Арина. — С первого класса так. Никто даже не рисковал дергать ее за косы раньше. А она Сашку постоянно дергала.

— Хорошо. Давай следующий ряд.

Арина поднимает голову от теста и зашептала:

— Чуть полноватая. Это Олеся. Предупреждаю! Секреты ей не говори. Разболтает. Она местное неофициально живое радио.

— А рядом сидящая Бэмби?

— Маша, — вздыхает соседка. — Бэмби? — задумавшись продолжает. — А ей подходит. Отличница. Когда же она получает четверку — ноет.

— А тройку?

— Плачет.

— А двойку?

— К счастью такого не было. А то бы потоп наступил.

Усмехаюсь. А в тихой Арине сарказм существует. По внешнему виду и не скажешь.

— Перед нами футболисты?

Указываю на парней в футбольной форме с номерами 15 Быстров и 6 Ветров.

— Да, они футболисты и Антоны.

— Не поняла? Шутка такая что ли? — Ариша покачивает головой и едва заметно улыбаясь. — Антон Быстров и Антон Ветров. Быстрый ветер летит за мячом? — уточняю я со смешком.

Арина тихонько смеется в ответ.

— Нет, правда. Они не родня. Но вроде соседи.

— А еще и друзья, и все делят между собой, — ворчу я почти про себя.

Я поворачиваю голову влево и не хотя охаю. На меня уставились две идентичные пары глаз.

Близнецы?

Передо мной почти близнецы, а сбоку настоящие.

Тихонько пихаю локтем соседку и кошу взгляд.

— Ариш, а это?

Она меня тут же понимает и улыбается.

— Олег и Ян Бельковы. Даже не пытайся у меня узнать кто из них кто. Сама не знаю.

Ребята заметили мой заинтересованный взгляд и улыбнулись мне. Абсолютно одинаково.

А это жутко.

— Вторая парта у окна?

— Клава, — моментально откликается одноклассница. — Единственная внучка у библиотекарши школы. Учится старательно. Преуспевает в литре. Но среднячок в учебе. Иногда Света с подружками над ней издеваются.

— Из-за чего?

— Внешнего вида.

Приглядываюсь и понимаю о чем девушка. Симпатичные черты лица портит неухоженная кожа, туго сплетенная коса и ужасная юбка ниже колен. По фигуре: не понятно, какая она у нее. Из-за одежды не разглядишь какой цветок спрятан внутри.

— А парень?

— Денис? — уточнила Арина. — В основном троечник. Равнодушный к классу и общественным мероприятиям. На сколько знаю, что он фотограф.

— Правда? — не веряще переспросила и уставилась на него. — А хороший?

— Не знаю. Видела как он подрабатывал в фотоателье.

— Валентина, — резкий окрик учителя заставил вздрогнуть всех. — Ты снова фотографируешься. Вместо того чтобы учиться!

Я дружно с Ариной пригнулись к парте, чтобы не привлечь гнев учителя на себя.

Алексей Иванович встал около третьей парты возле окна. Он скрестил руки на груди и ждал, когда школьница уберет телефон с парты. Там сидели две тощие брюнетки. Они вместо того, чтобы послушаться. Яростно стучали по экрану, печатая. А наращенный маникюр звонко цокал.

— Я Тина, а не Валентина, — обиженно протянула девушка и отложила на край стола аппарат.

Она небрежно откинула волосы и нагло уставилась на учителя.

— Хорошо, — сквозь зубы процедил мужчина. — А ты Кристина почему взяла телефон? — он устало вытер лоб, а потом язвительно добавил: — Или может ты тоже Тина, а не Кристина?

— Ой, а вы как угадали? — хихикнула вторая.

Класс вторил ее смеху.

Я присмотрелась к девушкам и не увидела ничего настоящего. Девчонки, которым вряд ли есть восемнадцать уже выглядели как старшекурсницы.

Как, по-моему, это извращение. Отказ от естественности вверх глупости. Это сравнимо с отказом от себя.

— Мы бьюти-блогеры 2Тинас. Подпишитесь на наш инстаграм и узнаете как нужно ухаживать за кожей лица.

Обескураженное лицо старого учителя вызывало жалость. Бедняга. Людям старой закалки трудно привыкнуть к веяниям современной моды. Он скорее подумает, что девчонки страдают странной формой психоза. Чем действительно чем-то заняты.

— Живо! Телефоны на край стола. И больше их не трогать!

— Не имеете право! — дружно воскликнули Тины и замолкли.

— Имею! — рявкнул учитель, и отобрал телефоны. Он вернулся к своему столу и гаркнул на весь класс: — Продолжайте решать тест!

Класс со вздохом уткнулся в листы. Мне же оставалось решить пару примеров, а Арине почти половина теста.

Ей математика дается не так легко как мне.

Добиваю примеры и протягиваю ей листок.

— Держи как пример для решения.

Соседка удивленно на меня взглянула, а потом поспешно уткнулась в листы. Чуть не уткнувшись носом в парту.

— Спасибо, Ксю.

Дело у нее пошло быстрее. И уже она заканчивает свой тест. Она возвращает мой листок и шепчет:

— Ты уже поняла, что Тины блогерши. Немного глупые, но красивые.

— Они со Светой дружат?

— Точнее она позволяет им быть рядом. Она на фоне них становится эффектнее. Платиновая блондинка, миниатюрная. Так еще на много умнее.

— Она действительно умная, — с сомнением спрашиваю и через плечо смотрю на сестру. Третья парта по центру. Слева от нее прихвостни. Спереди два дубля. Сзади Матвей. В которого она влюблена. Она часто на него оглядывается. А он ее игнорирует.

— Почему же Света к нему не села? Наглости ей не занимать ведь.

Задаю вопрос себе. Но оказалось, что вслух.

— Он не пускает ее к себе. Для всех было шоком, что он пригласил тебя.

— Ерунда, — отмахиваюсь от слов Арины. — Для него это игра.

— Возможно, — протягивает неоднозначно девушка. — Она села туда, потому что Мрак общается с Бельковыми.

— С двойниками?

— Ага. Там она изредка получает внимание.

— Жалкое зрелище, — протягиваю и оборачиваюсь назад.

Потому что кто-то коснулся моего плеча.

За мной, улыбаясь, сидела высоченная девушка. Я высокая при своих метр семьдесят пять, но она выше. Ее ноги достигают меня и выглядывают из-под ее парты.

— Добро пожаловать в мир лилипутов, — усмехается дылда. — Я Нина. И наконец еще одна девушка почти моего роста.

— Сколько? — хриплю я.

— Метр девяносто.

— Мда. Неожиданно.

— А мне как приятно. Что я не единственный жираф женского пола здесь.

— Ксюша.

— Круто, могу ежедневно загадывать желание, — махая рукой назад, Нина поясняет. — там тоже Ксюша сидит.

— Каратаева Нина, — строгий голос учителя прерывает нас. — Вы все?

— Нет, — мямлит с улыбкой девушка и утыкается в тест.

— А вы? Новенькая. Какая фамилия?

— Малахова, — с вызовом отвечаю и гордо поднимаю голову.

Ненавижу, когда на меня пытаются давить.

Даже когда учитель просто пытается придавить минимально своим авторитетом для создания порядка.

— Вы все, Малахова?

Тишина в классе оглушает. Они все ждут от меня реплики похожую на Нинену.

Тихое мямленье и извинения. Но Малахит оправдываться никогда не умела. Из-за этого ловила множество проблем.

Встаю с места. А учитель оказался даже ниже моего роста. Он в шоке поднимает на меня свой взгляд, а я... протягиваю работу и громко говорю:

— Малахова Ксения выполнила работу на сто процентов. Держите.

Всучаю ему бумаги и сажусь обратно.

Алексей Иванович уходит с моей работой, вчитываясь в мои закорючки. Почерк у меня — вырви глаз. Интерпретировать бывает сложно. Особенно с не привычки.

Пусть помучается немного, — ехидно думаю и откидываюсь.

— Круто ты с ним, — шепчет Арина. — Ты смелая.

Шепотки в след за словами Арины прошли по классу.

— А кто Нина? — шепчу я. — И Ксюша.

— Нина баскетболиста. Часто разнимает спорщиков. Обожает философствовать и быть зверем во время игры. Она прикольная.

— А Ксюша?

— Объект травли.

Оглядываюсь назад и вижу забитую девчонку. Ее испуганные глаза встречаются с моими. И она пугается моего прямого взгляда.

Бедняжка.

— Кто там остался? — возвращаюсь с вопросом к Арине и оглядываюсь. — Про Матвея я все поняла. Как только ты его назвала?

— Маркова? Мрак. Его черный юмор идет впереди него самого. Мрачные шутки. Насмешливые. Даже над учителями. А если злиться, то словно тучи сгущаются.

— Ты так фантазируешь? Или любишь описывать красочно?

— Нет, правда. Его многие опасаются.

— Проехали. А шкафчик? Кто он?

— Шкафчик, — не поняла сразу Арина. — Ты это про Исаева?

— Вроде.

— Ему только так не говори, — предупреждает. — Рустам Исаев. Самбист. Чемпион региона. Друг Глеба. Все время молчит, но если посмотрит. То мурашки по коже.

И правда. Оглядываюсь на Рустама. Но встречаю взгляд симпатичного парня. Глеб как я поняла. Он смотрит на меня, а я на него.

И снова я не могу оторваться от него. Время замирает. А я словно в вакууме. Но его пихает Рустам, и Глеб отвлекается.

И я тоже отворачиваюсь.

— Арин, поддвигаюсь к ней, почти утыкаюсь в ее волосы. — А что за тип Глеб?

— Глеб, — покраснев Арина дернулась в сторону. — А что с ним?

— Расскажи про него.

Девушка нервно оглянулась в сторону парня, а потом с тоской взглянула на меня.

— Что тебе про него рассказать?

— Что можешь.

— Не из богатой семьи, — без энтузиазма начала она. — Ответственный. Активист. Учится хорошо. Информатика и математика его основные предметы. Часто катается на олимпиады.

— Это все? — приподняв бровь уточнила я.

— Ну, он хороший парень, — смешалась девушка. — на много лучше Матвея.

Я оглядываюсь в сторону парня, отмечая его мужественные черты в лице и крепкие руки. Он красив. Этот Глеб.

А Арина судя по всему, влюбленна в него.

— Ладно, — хлопаю ее по плечу и встаю. Вместе со мной звенит звонок. — Спасибо, Арин. Покажешь дорогу к следующему кабинету?

— Конечно.

Она тоже соскакивает с места и собирает свои вещи.

Можно сказать небольшой экскурс по одноклассникам прошел успешно.

Эти дни вошли в мой рейтинг как самые фиговые дни моей жизни. Злобная сущность тети Маши проснулась после долгой спячки. Все свои завистливые чувства, которые когда-то были направлены на маму, она перенесла на меня.

Постоянные упреки и лживые обвинения злили меня. Но я молча всё терпела.

«— Оксана, ты не помыла посуду.

— Оксана, ты не убрала вещи.

— Оксана, ты слишком худая. Ешь, а то будешь как мама без рожи и кожи.»

Я только сжимала рот и молча выполняла домашнюю работу.

Даже если посуду забыла помыть Света, а не я. Вещи вообще принадлежали старшей дочери тети. Любочке, любящая юбочки. И которой тетя Маша каждое утро выглаживала юбки. А я из-за этого ходила мятой.

Моя внешность занимала особое место для их всеобщей зависти.

Света третировала мой рост. Хотя сама довольно часто интересовалась, где и как можно увеличить его. Прознала про операцию по увеличению роста. При помощи вставок пластин в коленные чашечки.

Любочку бесили мои выглядывающие ноги. Они по ее мнению были кривыми и их нужно было прятать. А не выставлять на показ прохаживаясь в короткой юбке. Я же недоумевала как она не стесняется ходить с волосатыми ногами под светлыми копронками. Я ведь, как и все, замечала каждый волос на ее ноге. Или она думала, что никто этого не видит?

А тетя Маша была уверена, что я вся не такая. Она любила всё то, что я не любила. И для нее это был показатель моей никчемности, а не нашей с ней индивидуальности.

Мне оставалось молчать. Иначе я бы не прожила в этом доме больше одного дня.

Когда я пришла в их дом, меня беспокоил и дядя.

Я не святая простата. И предполагала, что возможно могла вырисовываться и такая проблема как приставания старого хрыча. Он мне не кровный родственник. К тому же после знакомства со злобной фурией, которая является моя тетя. Страшилась, что муж и жена из одного теста.

К счастью, обошлось.

Юрьев Сергей, мой дядя и муж тети Маши. Оказался в принципе не заинтересованным в семье и в чем-либо помимо работы и телевизора. Он приходил домой, ел ужин и валился на диван смотреть телек. Его никто не трогал. Он мало говорил. А если его о чем-нибудь спрашивали, то его максимум словарного запаса: «да, дорогая / хорошо / угу».

Проблем в этом плане мне не предвиделось. Что радовало.

В школе было проще.

Света там ко мне не подходила. Никто не знал, что мы живем в одной квартире и то, что мы вроде как сестры.

Матвей тоже меня не трогал и больше не приставал завуалированными предложениями. Обиделся парень на меня из-за моего отказа.

Мое общение ограничивалось двумя. Я общалась с Ариной и иногда с Ниной. Ко мне, правда, пытались подкатить братья Бельковы. Но грозный взгляд Матвея их остудил.

Больше никто и не рисковал.

А Глеб.

Я призналась сама себе, что он мне понравился. По-настоящему. И возможно если бы передо мной не маячила идея-фикс. И я была бы обычной девчонкой без планов и целей. Я бы в него тут же влюбилась.

НО.

Я тормозила себя.

А Глеб хоть и поглядывал на меня заинтересовано. Ничего не предпринимал в отношении меня. От этого я испытывала облегчение.

Отказывать парню в котором заинтересована сама — труднее.

Неделя новой жизни подошла к концу неожиданно быстро. Уровень моих знаний для этой школы был хороший. Это облегчало мне учебу здесь.

Как всегда у меня вылилась проблема только с одним предметом. Родной язык вместе с литературой был для меня камнем преткновения. При знании правил написания слов я все же допускала ошибки. Чаще из-за невнимательности, чем по не знанию. С литературой у меня был косяк в том, что я не любила художественную. От слова совсем.

Ни классика, ни современная. Мне она не нравилась.

Не понимала я. Зачем мне тратить время на прочтение чей-то истории. Мне что своей жизни не хватало. Одно дело почитать что-нибудь про психологию, нон-фикшн или даже обычный учебник. От этого хоть польза.

А не художественную мифическую историю с зубодробящей любовной истории. Где в конце герой плачет либо от счастья или горя.

Пфф.

Маргарита Геннадьевна моих мыслей не оценила. И чувствую с ней я в скором времени поцапаюсь.

— Пожалуйста, не нужно!

Меня остановил этот жалобный писк. Голос знакомый. Я его слышала, когда он отвечал на уроке.

Ксюша.

Не я, а вторая.

Маленькая забитая девчонка, изгой.

Если зайти за угол, то там будет закрытое место. Без окон. Туда в принципе никто не ходит. Кроме курильщиков.

Но школа почти опустела. Последние уроки закончились десять минут назад. И сомневаюсь, что кто-то в субботу задержится в школе.

Кроме меня. Которой дома хуже, чем в школе.

— Но почему я? Пожалуйста, я ведь домой пошла.

— Заткнись, уродка!

Хлесткий звук пощечины остановил меня. Я готова была уйти. И бросить ее.

Но бить кого-то просто так.

Я не могу.

Плевать. Видимо вам суждено увидеть истинный гнев Малахит.

Сжимаю кулаки и захожу за угол.

Ксюша зажата около стены. У нее красная щека с явными отметинами ладони. А перед ней две девчонки из параллели.

Про них знаю одно. Без разрешения Светы они ничего делать не будут. Значит буллинг

разрешен с вольной руки заводилы.

Что ж Света. Видимо и тебе придется увидеть мое реальное лицо.

Устала врать самой себе.

Я не тихушница Ксю. Молчаливая и проходящая мимо. Я Малахит. Непробиваемая и прямолинейная. Какая есть.

Давайте познакомимся.

— Отвалили от нее.

Морозным голосом приказала я. Тролли как в замедленной съемки повернулись ко мне.

На их лицах замерла ироничная улыбка. Она так и говорит:

«Кто у нас такой смелый».

Но мне не то что страшно. Мне наплевать.

Я вижу перед собой тех, кого я готова растерзать.

— Ты кто такая?

— Да это новенькая. Света про нее говорила.

— И что говорила.

— Не трогать.

— Ты кто такая? — вновь выкрикнула первая.

А я растянула губы в зловещей улыбке. От чего девчонки испуганно замерли.

Они не знали чего от меня ждать. А я знала. Ничего хорошего.

— Малахит.

— Кто?

Последующий за вопросом издевательский смех рвет мое терпение в клочья.

Усилие воли держит меня на месте. А они даже не подозревают, что назревает.

— Ма-ла-хит? — по слогам повторяет первая. Самая бойкая из двойки.

Вторая же с сомнением поглядывает на подругу. В ней просыпается инстинкт самосохранения.

Жертва обстоятельств.

— Наслаждайся, Ма-ла-хит, — произносит первая и заносит свою руку над Ксюшей.

Девчонка, в которой промелькнула надежда, сжалась. Привычка всех жертв. Быть готовой к смягчению удара.

Как давно ее так выслеживают?

Как давно для нее школа стала адом?

У меня нет времени рассуждать на такие темы.

Рука нахалки летит в сторону Ксюши, а я лечу в след за ней.

Миллиметр.

Один крохотный миллиметр от лица.

Я успела.

Перехватила за запястье и сжала. Ярость придавала сил.

Я не силач и не профессиональный спортсмен. Я с детства занималась в школе моделей.

Спорт в моей жизни был только для удовольствия и поддержания стройной фигуры.

Но бурлящая ярость во мне придавала невероятные силы.

Я сжимала свою руку, а кисть противницы заметно побледнела.

Меня выдавали глаза.

Потому что я молчала. Я только смотрела на человека, возмнившего себя не-пойми-кем. Выше твари дрожащей, что ли?

Моего взгляда было достаточно, чтобы смелость у обеих иссякла.

Ксюша открыла глаза. А в них плескался страх. И недоумение.

Как люди могут так друг другу относиться? Как они могут бить другого просто так?

— Ты. Больше. Никогда. Её. Не. Тронешь.

После своих слов я отбрасываю ее руку, словно она прокаженная, и хватаю Ксюшу. Ей давно пора домой.

Мы вышли из-за угла. А за нами топот ног.

— Хей, Малахит, мы не договорили.

Я подталкиваю Ксюшу. Ей лучше уйти. Но она не понимает моей безмолвную просьбу и стоит истуканом рядом со мной.

Я же разворачиваюсь и вижу как самая смелая и наглая девка летит на меня. С явным намерением вцепиться в мои волосы и расцарапать лицо.

Я готова ее встретить.

Кулаки непроизвольно сжимаются. Тело напрягается. Все чувства во мне обостряются.

НО.

Мелькнула тень.

Меня кто-то подхватывает и выводит из-под удара. И летящий на меня буллер

спотыкается в пустоту.

Меня прижимают сильные мужские руки. А запах табака, розмарина и цитруса сказали, кто мне помог. Теплый и сильный он крепко прижимал к себе. Его дыхание было тяжелым. А сердце гулко билось.

Матвей снова стал моим спасителем.

— Мрак, — сипло проговорила лежащая на асфальте девчонка. — Я не знала, что она твоя. Я...

— Ты как? — спросил у меня Матвей, щекоча дыханием шею.

— Всё норм.

— Иди к моей машине, Малахит.

Сказал и подтолкнул.

Быстрый взгляд на его лицо. А он даже на меня и не глянул. Только повторно подтолкнул.

Влезать в их разборки мне не хотелось. Схватила Ксюшу и повела к знакомой машине Матвея.

— Я-й пойду, — Ксюша затормозила у авто, не желая подходить ближе.

— Уверена?

— Да. С-спасибо тебе, Малахит.

— Ксюша. Малахит я только для таких, — кивнула в сторону школы.

Одноклассница застенчиво улыбнулась и убежала домой. Надеюсь там ее не вылавливают буллеры.

Сзади снова мелькнула тень.

— Может просветишь?

Матвей приблизился ко мне и залихватски улыбнулся. Как в первую нашу встречу. Ему идет улыбка.

— Ты про что?

— Может у тебя диссоциативное расстройство идентичности? А мы и не знаем?

— Ты имеешь виды про раздвоение? — с колебанием уточнила. — А при чем тут это?

— А как объяснить: то ты тихая и смиренная Ксюша. Которая мало общается и вообще не влезает в активность класса, — Матвея замолчал в раздумьях вглядываясь в меня. — То ты Малахит. Дерзкая и прямолинейная. Которая не пройдет мимо несправедливости. И которая будет отстаивать свое мнение до конца. Кто из них ты?

Не могу на него смотреть.

Потому что он задел то, что не хотела затрагивать я. Когда я летела сюда, я хотела отказаться от самой себе. Хотела предать себя. Чтобы пережить горе. И новые обстоятельства.

Но ведь жизнь постоянно меняется. И я что, при каждом стрессе буду отказываться от своей сущности?

Разве это правильно?

Отворачиваюсь от парня и замечаю двоих.

С другой стороны улицы стоит Глеб и Рустам. Они смотрят на нас и что-то обсуждают.

Матвей оглянулся, чтобы узнать. Что меня так заинтересовало.

Что-то меня выдало. Или же Матвей телепат. Он сложил неизвестные даже для меня иксы с игреками, и выдал.

— Тебе ОН понравился?

— Что?

— Я спрашиваю...

— Я слышала, что ты спросил, — нагло перебила его. — К чему этот вопрос?

— Просто так, — отстранено ответил и обошел машину. — Садись. Подвезу.

Кинула взгляд на парочку друзей, но их уже там не оказалось. Доеду до дома в повышенном комфорте. Не радуется то, что дома я окажусь раньше, чем планировала. Так еще если Света увидит, она мне проест весь мозг.

Ну да ладно. Устала я за эту неделю.

— И кстати, — Матвей завел двигатель, когда я села и закрыла дверь. — Малахит круче Просто Ксю.

Он повез меня домой. А я вспоминаю его слова.

Конечно, круче. Малахит ведь настоящая. А Просто Ксю вымышленная. Рожденная в горе почти месяц назад. Она мое прикрытие. Она моя маска. От правды. Что и у камня есть сердце. Хоть и каменное.

Но нужна ли она мне сейчас? Вот на этот вопрос мне предстоит еще ответить.

Мы молчали до самого подъезда. Говорить о произошедшем не хотелось. Я думала о словах Матвея. И о самом парне думала.

Внешне обычный расхлябанный, а внутри цельный.

Взрослеют люди раньше времени из-за страданий и проблем, которые человек решает. Если их не решать, то они его поглощают.

И Матвей видимо из тех, кто научился быть взрослым.

Либо я разучилась считать людей. Или же парень стал для меня полнейшей загадкой. Которую я не разгадаю.

Плавно тормозя недалеко от дома, он не поворачиваясь произнес:

— Ближе не буду подъезжать. Незачем дразнить дракона.

— Ты это про Свету?

Кивок в пустоту.

Его игнор смешит и злит. Моя бровь подскакивает и изгибается. Но что-то говорить ему я не стала.

Не хочет говорить, ну и черт с ним. Открываю дверь и с мощным хлопком закрываю. Знаю, вещь не виновата. Но злость нужно куда-то выплескивать. А Матвей меня разозлил.

Вроде взрослый и думающий. Но вот снова что-то придумал и обиделся. Даже нормально поговорить с ним невозможно.

Не собираясь оставаться рядом с ним слишком долго. Я потопала в сторону дома. В руках сжимала ручку от сумки.

Я не остановилась, когда услышала как выбрался из машины Матвей. И даже когда он меня окрикнул. Я разозлилась. Потому общаться с ним больше не хотела.

Даже пусть он еще трижды спасет меня из неприятных ситуаций.

Но Мрак был другого мнения.

Не прошло и секунды как он меня догнал и остановил у детской площадки.

На ней в это время задорно играли детишки. Мама столпились у лавочки и что-то бурно обсуждали. А дети громко вереща бегали, и резвились на свежем воздухе.

Я хочу вернуться в детство. Где я маленькая девочка. Где родители мои живы. Где я только пробовала быть моделью и мама делала мои первые профессиональные фото.

НО.

Это никогда не вернётся.

— Малахит, — глухо прошептал Мрак и взял меня за локти. Немного притянув к себе. — Ксюша, я не хотел срывать на тебе.

— А ты и не срывался на мне. Ты молчал. Скорее я на тебе.

— Почему ты сюда переехала?

Я подняла голову, взглянув на него. Он точно телепат. Не бровь так в глаз бьёт. Задаёт самые болезненные вопросы для меня. Но он мне никто, чтобы перед ним душу раскрывать.

— Решила жить рядом с морем, а не в приюте.

— А зачем решила претвориться тенью?

— Хочу прожить этот год тихо.

Матвей отпустил мои руки и отступил. Он как-то грустно улыбнулся.

А мне показалось, что он разглядел что-то во мне. То, что скрыто от многих.

— Ксюх, не нужно. Солнце всегда остаётся солнцем. Поверь мне. Даже если его спрятали тучи. Лучи все равно пробивают дорогу.

— А как ты объяснишь ночь? — с сарказмом уточняю и скрещиваю руки на груди.

— Тогда солнце светит с другой стороны планеты. А не гаснет. И не претворяется луной. Не пытайся больше прятаться.

Он щёлкнул меня по носу и ушёл. Я слышу как завелся двигатель. Как резко рванул с места водитель.

А я стою и думаю. О его словах.

Он прав. Как не хотелось послать Матвея. Сказать что он полный придурок. Но я не могла. Потому что он был прав.

А я ведь за прошедшую неделю ничего не узнала для своей цели. А мне нужно узнать многое. Про местных фотографов, конкурсы, красивые места, визажисты. Много. А я даже ни разу не подумала об этом. Окунулась в трясину и спряталась.

В задумчивости я зашла в квартиру и не заметила как меня, перехватила тетя.

Она злобно пыхтела. А от напряжения ее толстые щеки покраснели. И стали похожи на спелые помидоры.

— Почему так поздно. Ты давно должна была прийти и начать уборку во всей квартире. Ещё сходить в магазин и купить продукты на неделю. Помыть окна и переглядеть всё постельное. А ну живо за работу.

В подтверждение ее слов, она сильно толкает меня в плечо. Я же врезаюсь в стенку, а в голове звучит только один вопрос.

Что!?

Она за кого меня принимает. Помочь помогла бы. Но быть служанкой — ни за что.

— У меня трудная неделя была, — предельно вежливо отвечаю и прохожу мимо. Потирая пострадавшее плечо. — Пусть ваши дочери уберутся. Они вообще по дому не работают.

— Мои дочери учатся, — пафосно произнесла тетя и гордо вскинула голову.

Ой ли.

— А я что ли нет?

— Ты сейчас же примешься за уборку, — пыхтя как паровоз прошипела тётя надвигаясь на меня.

Я снова упираюсь в стенку. И чувствую момент.

Здесь и сейчас. Происходит мой выбор. Что выберу я?

Быть тенью? Служанкой дома у злобной опекуниши. У вредных сестер. В школе тихушница, которая и слова не скажет.

Или же....

Стану собой. Настоящей. Вернусь к себе.

— Нет.

Тетя закинула руку, собираясь меня ударить.

Что за день у меня. Каждый хочет ударить.

Но толстые формы тети замедляют все ее движения. И я с лёгкостью перехватываю и толкаю женщину. Она неуклюже валится на пуфик и ахает от неожиданного отпора.

Или она всерьез была уверена, что я как овечка пойду на заклатие?

— Не смей, — рычу я и наступаю. Приближаюсь к ее лицу и выдыхаю прямо в неё. — Или не увидишь моего наследства. Поняла?

Не дожидаясь ответа ухожу в свою комнату.

К счастью отдельную. Слышу за спиной стоны и яростное пыхтение. Но они меня не берут. Потому что я выбрала.

Если я продолжу быть тихой, то на меня повесят всю работу по дому. Будут сидеть на шее. Гнобить и унижать. А я такого не хочу.

Значит нужно вернуть саму себя.

С возвращением, Ксюша Малахит.

Скидываю сумку и сажусь за ноут. Нужно узнать этот город получше.

Глава 10

— Класс, а теперь запишите свое домашнее задание и можете быть свободны, — Валерия Ивановна отошла к доске и открыла спрятанную запись.

Одноклассники одновременно протяжно вздохнули, но заскрипели ручками кто куда. Добрая учительница по иностранному языку что-то ещё дополняла. Но я ее уже не слушала. Записывала коряво домашку и скидывала тетради в сумку.

— А это обязательно? — устало протянула хулиганка класса и закинула руку на соседа ботаника.

— Да, Аня. Обязательно.

— Но...

— Ты что не слышала, что тебе сказали, — с места выкрикнул Рустам и поднялся со стула. Он был таким большим, что казалось что его тень накрывает даже первую парту. За которой развалилась Аня. — Делай, что сказали.

Девушка внешне, а внутри была настоящим пареньком. Она не то, что испугалась. Она нагло вскинула одну бровь и посмотрела на Рустама. В то время как остальные сжались от мощного голоса одноклассника.

— А ты чего так перевозбудился?

Вопрос так и остался без ответа. Рустам прошел мимо и грустно посмотрел на нашу классную.

Чем дело кончилось я не поняла. Мне нужно было как можно быстрее на встречу.

Я быстро попрощалась с Ариной и Ниной и выбежала из класса.

На улице теплая южная погода. По моим меркам до сих пор летняя. За две недели она толком не изменилась.

Поэтому я в лёгкой курточке. Больше дань привычке, чем необходимости.

Мне нужно скорее на автобус, чтобы доехать до соседнего более крупного города, чем этот. Там мне предстоит пообщаться с местными фотографами и возможно обсудить мои съемки.

— Малахит, тебя подвезти?

Матвей как черт из табакерки. Выпрыгнул из ниоткуда.

Когда я на следующий день после нашего с ним разговора пришла в школу, он откуда-то прочуял. Что я выбрала.

Я тогда зашла в класс, а он улыбался от уха до уха и на весь класс выкрикнул.

«Привет, Малахит!».

Я не собиралась строить из себя кого-то в школе. Но посыл Матвея был обозначен. И теперь во всей школе знали обо мне.

Как о новенькой девчонке, приехавшая из холодных мест. С зелеными глазами и именем Малахит. И смешно и грустно.

Теперь мне не отвертеться от внимания остальных.

Света в тот момент сидела вся красная с опухшими глазами. Потому что дома я с ней поговорила о буллинге. Что я встретила кое-кого и что мне не понравилось. И попросила ее запретить своим шестеркам гнобить девчонок. Не с первого раза, но она меня поняла.

Но плакала она скорее из-за того, что увидела меня у машины Матвея. Или же ей рассказали, кто мне помог.

Думать о Свете мне больше не хотелось.

В тот вечер я узнала много интересной информации. Также я составила список фотографов, с которыми я бы хотела поработать. Но к сожалению они все жили и работали в соседнем городе. Ехать мне примерно полчаса. Но время есть время. И искать его надо в мелочах.

И Матвей мог бы мне помочь. Но просить его о помощи я не буду. Слишком много его в моей жизни стало. Значит надо по немного отрывать, пока не прикипел.

— Я не домой, — отмахиваюсь от парня и пробегаю мимо.

— А куда? — с недоумением Мрак уставился на меня. А в глазах упрек. Вот поэтому его нужно отрывать, пока не вздумал меня принять за свою часть.

— По делам.

Я с ним не прощаюсь. А только машу рукой и убегаю через парк. Так ближе до остановки, к которой должен приехать автобус.

Как только я подошла к остановке, подъехал и нужный транспорт.

Воодушевленная таким приятным знаком. Я села в самый конец, вдела наушники и включила музыку. Через окно я рассматривала город, в котором мне предстоит прожить год. А я ведь его так и не рассмотрела.

*

— У тебя хорошее портфолио, Ксюш, — молодой фотограф рассматривал книжку с моими фото и нежно гладил по ним. — Но тут ты слишком мала. Нужно новые фотографии. Свежие. Где ты старше.

— Нужно новое портфолио? — с напряжением уточнила я.

— Да. Особенно если ты хочешь поучаствовать в конкурсе.

— А когда он?

— В начале декабря заканчивается прием заявок. К этому времени должно быть готово портфолио и сделаны конкурсные фото. По заданным параметрам. Также 15 января проходит очная ставка призеров. А в конце января награждение победителей.

— Сейчас октябрь.

— Знаю.

— Уже известна тематика конкурса?

— Через неделю будет известна.

Я откидываюсь на кресло и задумываюсь. Мне нужно это участие. И нужно портфолио. Для него нужно три вида съемок. А для этого нужно искать либо универсала фотографа. Либо разных для каждого вида съемок.

А еще визажист.

И где мне их всех взять?

А еще деньги. Нужна работа.

— Ладно, спасибо. Ром, я запишу твои контакты?

— Конечно, Ксюш. Тебя снимать я уверен одно удовольствие.

Улыбаюсь на его комплимент. И мы обмениваемся контактами.

Прощаюсь и выхожу из фотоателье. Последнее на сегодня. Мой план выполнен. Можно ехать домой. Вроде должна устать за этот долгий день. Но я наоборот чувствую воодушевление и подъем. Так и хочется горы свергать, а не домой ехать.

Прохожу мимо фонтанчика в торговом центре. И меня остановила девочка.

Нет, она меня не тормозила. Она печальная сидела около фонтана и со страхом

оглядывалась. Казалось, что она заблудилась.

На вид девочке лет семь. Не больше. Пройти мимо для меня кошунство.

— Привет, — дружелюбно улыбаюсь девочке и присаживаюсь рядом. — Ты не потерялась?

Девочка посмотрела на меня и шмыгнула носом. Говорить она со мной не хотела. Или боялась.

— Правильно делаешь, что не общаешься с незнакомцем. Меня зовут Ксюша. Я могу с тобой посидеть?

— Зачем? — удивленно спрашивает она.

— Чтобы убедиться. Что за тобой кто-нибудь придет. И ты потом уйдешь домой.

Девочка грустно вздыхает, а по ее щеке прокатилась одна слеза.

— Не плачь, — сгибаюсь, чтобы посмотреть на ее личико и приподнимаю его. — Я тебя не дам в обиду. Кто с тобой? Я дождусь твою маму, пока она не придет.

— Я не с мамой, — грустно отвечает она и стирает слезу со щеки. — Я с братом.

— Хорошо. И где он?

— Мы с ним ходили на аттракционы, а потом ели в кафе. Ему встретился знакомый человек. И я вместо того, чтобы стоять рядом. Убежала.

— Не совсем хорошее дело.

— Знаю. Но меня привлекли куклы.

— Ну тогда понятно. А звать то тебя как?

Девочка только открыла рот, как кто-то крикнул так, что она вздрогнула всем тельцем.

— ЛЮСЯ!

— Это мой брат!

Радостно выкрикнула Люся и побежала навстречу брату. Которого я знала. К Глебу.

Глеб стремительно подбежал к девочке и подхватил ее на руки.

— Люся, как ты могла сбежать! А если бы я тебя не нашел? А если бы тебя кто-нибудь увел? А?

— Прости, Глеб, — грустно прошептала Люся и опустила голову вниз. — Я увидела куклу и хотела ее рассмотреть. Пока ты общался. А потом не увидела где ты.

Глеб с облегчением выдохнул и еще крепче обнял сестренку. А то что они родственники заметно сразу. Серые глаза, цвет волос, скулы. Если он красив как мужчина. То девочка должна вырасти красавицей как девушка. Светлая со серыми глазками.

Встаю и хочу незаметно уйти. Но Глеб углядел мои движения и отстранил сестру.

— Привет.

— Глеб, это Ксюша. Она мне помогла, — затараторила девочка.

— Да? — не веря уточнил одноклассник. — И чем же?

— Она меня успокоила. Когда сильно испугалась.

Глеб странно на меня взглянул, но едва заметно кивнул. А Люся недовольно прошипела:

— Мог бы и поблагодарить её.

Я с улыбкой отметила, как девочка крутила своим братом. А он ей позволял. Открытая улыбка парня завораживает. В классе он не такой. Обаятельный и общительный, но всё же закрытый. Никого не впускает. Кроме Рустама. А тут другой.

— Спасибо, Малахит.

То как он произнес мое имя — обжигает. Я прищуриваюсь, а бровь изгибается в ответ. Ему не нравится? Не нравится мое имя? Или не хочет меня так называть?

— Можешь Ксюшей меня звать. Я не против.

Глеб только хмыкает в ответ. А Люся бьет его между ребер.

— Я тебе дам. Она хорошая. Не хамай ей.

— Вообще-то сегодня получать будешь ты, зато что сбежала. А не я. Поехали домой. Скоро автобус подъедет.

— А Ксюша с нами?

Вопрос непосредственного ребенка повис в тишине. Понятное дело, что мне с ними придется ехать на одном автобусе. Скорей всего мы даже выйдем на одной остановке в городе. Но вместе ли мы поедем. Сомневаюсь.

— Нам в одну сторону, — отвечаю вместо притихшего одноклассника. — Так что пойдёмте.

Встаю и прохожу первая. Люся догоняет меня и берет за руку. А я чувствую прожигающий взгляд Глеба. Но через минуту с другой стороны от девочки появляется и он. Берет молча за руку и ведёт нас на остановку.

Люся не замолкает всю дорогу. Приход брата разговорил ее. И она перестала видеть во мне угрозу. С одной стороны хорошо. Благодаря ее рассказам у нас не появлялось молчание. Напряженное и неправильное.

Но с другой от болтовни у меня в голове не укладывалась информация.

Как можно встретить в городе своего знакомого. В большом городе. В месте где ни он, ни я часто не бываем.

Люся рассказала, что он впервые устроили такую поездку.

Стечение обстоятельств иногда пугает своей нереальной реальностью.

В автобусе Люся отвлеклась на окно. И между нами повисло молчание. Людей было мало. И мы сели напротив друг друга. Он смотрел на меня, а я косилась на него. Мне даже казалось, что он не мигал.

В какой-то момент он усмехнулся и отвернулся. А я облегчённо выдохнула.

Я не могу рядом с ним быть дерзкой. Он сидит рядом, а я теряюсь. Мне сложно бравировать с ним. Мне хочется украдкой посмотреть на него, но прямо взглянуть на него мне стыдно. Сразу вспоминается, что я целовалась мало в своей жизни. И опыта у меня нет. Думаю о глупостях. Как пример, гладкие ли ноги у меня и как выгляжу. Хочу посмотреть в зеркало и убедиться, что нет пятна на щеке.

Никогда такого не было.

Никто не мог заставить меня покраснеть или смутить. Я не думала, как выгляжу. Мне было пофиг на мнение других.

Но Глеб почему-то не котировался под всех.

И меня это волновало.

Волновали те, чувства, которые вспыхивают при взгляде на него.

И это бесит, и завораживает.

Надо остановиться.

— Ксюша, — он протянул руку и коснулся меня.

Вздрагнув, я кинула взгляд на него и замерла. Как в первый раз. Затихает всё вокруг. Кроме нас.

Жаль, что недолго.

— Глеб!

— А? — мы одновременно посмотрели на девочку, которая звала брата.

— Остановка.

— Точно, — Глеб встал и кивнув мне продолжил. — Мы приехали. Ты идёшь?

Отвечать нечего. Я встала и пошла за ними.

Люся устала. Она вяло перебирала ногами, а за руку ее уверенно тянул Глеб.

Сумерек на юге я не заметила. Наступает по времени вечер. И в какой-то момент темнеет так, что дальше руки ничего не заметишь. Только освещение улиц и огни фар помогают ориентироваться.

Мы молчали. Я в школе с Глебом не говорила. Ни разу. Поэтому мы даже не знали какую тему затронуть.

Но себе признаться я могу.

Мне было приятно идти с ним и молчать. Изредка косить глаза. Хоть бы косоглазие не заработать такими темпами.

Меня поражали мои эмоции. Они раскрашивали мой мир. И обостряли чувства.

— Ты в школе другая.

— Какая? — отвлекаюсь от своих мыслей.

— Независимая.

— Пугает? — усмехаюсь.

А память подкидывает картинки из прошлого. Как ухажеры пытались добиться моего внимания, а потом получив отказ, зверели. И говорили, что моя стена убивает любое желание.

Я уверена, что он согласится. Признает то, что признавали другие.

Мое тело напряглось, а губы скривились в усмешке.

Я похожая на пружину уставилась на Глеба, а он, улыбаясь, смотрит прямо на меня.

— Скорее увлекаешь.

— Завлекаешь, — повторяю за ним. А сама не понимаю его слов. Это не страх в его голосе? Не напряжение? — Как огонь мотыльков?

— Скорее как паутина пауков.

Ухмыльнувшись одноклассник повел сестру дальше, оставив меня в ступоре. Он остановился у развилки и оглянулся на меня. Мне нужно идти направо. А ему — не знаю.

Я их догоняю и торможу.

— Мне направо.

— А нам налево. Я могу проводить тебя, Ксюш.

Кидаю взгляд вниз. Где уставшая Люся обнимает ноги брата. Она прикрыла глаза и готова в любую секунду уснуть.

Я ведь не жестокая.

— Не нужно. Я дойду сама.

Глеб повторяет взгляд и едва заметно хмурится. Но с улыбкой кивает мне.

— Матвей, а ты знал, что после тренировки нужно пить или кушать что-то протеиновое. К примеру молоко. И есть даже такие добавки с протеином. Я недавно купила. Могу угостить.

Со стороны дома Глеба шли двое. По голосу я узнаю свою сестренку. А второго по развороту плеч признаю Матвея.

Встреча на Эльбе, вот черт.

Матвей устало оглядывается, неся за спиной спортивную сумку. Света прыгала рядом с ним и продолжала лекцию про спортивное питание. Я замерла. Такой встречи я точно не хотела. Но и прятаться поздно. Да и что я собираюсь прятать?

Мрак шел словно с карцера. И я сомневаюсь, что горе его постигло на тренировке. Скорее неожиданная встреча со сестрой. Которая знает все его расписание на неделю. Но тут парень затормозил. Он заметил меня и Глеба. И то что промелькнуло в его глазах мне не понравилось.

Ярость. Это я определяю моментально.

Света почувствовала изменившуюся атмосферу и замолчала. Растерянно оглянулась и заметила меня. Лицо ее закаменело.

Мда, встреча года.

— Вот так встреча, — Матвей словно зверь подкрался к нам и всмотрелся в лицо Глеба. — Привет, красавица!

Последние слова Матвей посвятил Люсе. Что странно. Уставшая девочка тут же посветлела и малость покраснела.

А потом парни посмотрели друг на друга. Честно, лучше бы в тот момент рядом ударила молния. Было бы безопаснее.

Потому что они глядели друг на друга так... как будто сейчас будут бить морды. До крови.

Только откуда столько агрессии?

Я не понимала.

Не из-за меня же. Я не настолько эгоцентрична.

— Отлично, — присаживаюсь перед Люсей и шепчу ей. — Пока, Люсь. Больше не убегай от брата.

— Ага, а ты не грусти. У тебя всё получится.

— Спасибо, — с чувством благодарю ее и глажу по голове. — Всем пока!

Бодренюко встала, всем помахала и собралась уходить. Точнее сбегать, пока не поздно.

— Малахит, — крикнул Матвей. — Зайди наконец в соцсети. Я тебе кое-что прислал.

— Что именно? — оглядываюсь к нему.

Откуда он узнал мой ник. Я никому не говорила. Только Арине. Но я ее предупредила, что я редкий гость вконтакте.

— А ты зайди. И посмотри.

Его хитрая улыбка интригует. И я понимаю, что я зайду и посмотрю. Потому что мне интересно. Но вот взгляд Светы мне совсем не нравится. А на Глеба я не могла посмотреть. Почему? Потому что не могла.

Мне было стыдно.

Я только кивнула в ответ и собралась поворачиваться. Как Матвей снова меня позвал.

— И кстати для обсуждения пойдем в ресторан.

Своими словами он ударил меня со спины. Потому что его слова определяли уровень наших отношений. И для непросвещенных это выглядит как свидание.

Матвей только что заявил свои права на меня!

Я сжала губы, чтобы смолчать и не заорать.

Какой козлина!

А козлина только помахал всем. Попрощался с Глебом и с Люсей. Свету вообще проигнорировал. И ушел.

Мрак растворился во тьме.

Коз-зел!

Об этом ведь вся школа узнает. И тогда про меня узнают многие.

Затихарилась, мать вашу.

— Да что он в тебе нашел, — в сердцах выкрикнула Света и топнула ногой. — Свалилась на мою голову.

Она пробежала мимо меня и толкнула в плечо. Не сильно. Но заметно.

Ей обидно. Я ее понимаю. Но я не понимаю ее попыток завоевать Матвея при его отвратительном отношении к ней.

— Он тебя Малахитом зовет, — задумчиво произнес Глеб.

— Услышал. Так меня в прежней школе звали.

— Под цвет глаз?

— Скорее под характер.

Люся поникла после ухода Матвея. Она шмыгала носом и пинала камешки. Но молчала и не канючила, что хочет домой.

— Ты понравилась Мраку. Все делают ставки, когда начнете встречаться.

— С чего это? — вспыхиваю я.

Почему все уверены в моем поражении. Я что похожа на всех?

— У Мрака репутация, — пояснил парень. — Все девчонки за ним бегают.

Говорит тот, кто нравится мне.

Много ли он знает.

— Не приbedняйся, — усмехаюсь. — Про тебя я тоже слышала не менее богатую

репутацию.

Он улыбнулся. Присел на корточки и взял на руки сестру. А она тут же прильнула к его груди.

— Но не такую как у Мрака.

— Ты тоже поставил?

— Нет.

Его ответ меня радует.

— Ставь на «никогда». Я с ним не буду встречаться.

Твердо говорю и отхожу. Но даже с такого расстояния вижу огонек интереса в глазах одноклассника.

— Почему?

— Потому что голова забита другим. И потому что нравится другой.

Разворачиваюсь и ухожу.

Но чувствую его взгляд до тех пор, пока не сворачиваю к подъезду.

Глава 12

Одноклассники шуршали тетрадями. Кто-то спешно переписывал домашнее задание. Кто-то тихо, а кто-то громко переговаривались.

Я отгородилась ото всех.

Приглашение Матвея не было услышано сплетниками. Поэтому никто не знал об его особом внимании. Глеб и Света не рассказывали об этом, по-видимому.

Когда я пришла на следующий день, я с ужасом представляла, что будет.

Как я поняла Матвей местная звезда. Он в центре внимания, но к людям относится пренебрежительно. Он общается только с братьями Бельковыми. И все.

Девчонки тащатся от него. Хотя он не отзывает от них хорошо. Но его политика «чем меньше мы ее хотим, тем больше она вас любит» — действует.

Для примера можно взять Свету.

Которая проплакала всю ночь. А сейчас сидит с напугатуренной и осунувшимся лицом.

А Матвей довольный переговаривается с друзьями. Не замечая какая у Светы тоска по нему. И как ей больно, когда он начинает говорить.

На Глеба я не смотрела принципиально.

Не хочу, чтобы мое сердце становилось живым. А он может это сделать.

Поэтому нужно отстраниться от него. Или даже подтолкнуть его к Арине.

Она ведь так светиться, когда смотрит на него.

Я же смогу сжечь в себе начинающие чувства. И ревность тоже.

Для этого мне поможет работа.

Я за эту ночь пересмотрела почти сотню работ визажистов этого города. И соседнего тоже. С фотографами дело было попроще. Рома мне попался сразу.

Но он мне отснимет только снэпшоты и тесты. С фэшн и бьюти съемкой он мне не поможет. Опыта нет. Последние несколько лет ему доводилось снимать только свадьбы. Он добился успеха, потому что умеет находить момент. Он его чувствует. Поэтому модельные тесты у него получатся.

С фэшн съемкой фотограф должен суметь найти грань. Где модель не затмевает одежду и наоборот. Где одежда и модель в союзе показывают красоту. И этот момент фотограф чувствует.

Модель показывает, но фотограф ловит.

Синергия команды.

С бьюти съемкой мне нужен толковый визажист. Если я его найду, то и со съемкой мне поможет Рома. И тогда мое обновленное портфолио будет почти готово.

НО.

Где взять толково визажиста?

К примеру как этот.

Я попала на аккаунт в инстаграме одного визажиста. И это было что-то.

Талант поражал. Умение работать с тоном, тенями, румянами. Модель становилась фарфоровой куколкой благодаря работе визажиста.

Кончики пальцев загорелись.

Хочу.

Хочу работать с ней. Или с ним.

Я озадаченно пересмотрела ленту сверху донизу. Но найти информацию о самом визажисте не смогла. Ни номера телефона, ни ссылку на адрес.

Как я поняла, работает он в этом городе. Но места работы нет. Только электронная почта. Со странным названием.

И как мне его найти? Если только в директ написать.

Рядом отодвигается стул.

Арина пришла и села за парту. Она со вздохом опустила и достала из сумки тетради и учебник. Она всегда такая замученная перед уроком математики. Не давался ей этот предмет. Хотя я заметила она по всем предметам так себе. С тройки на четверку перепрыгивает. Да и рисует по полям тетради. Что раздражает учителей.

Но это не портит ее. А добавляет милости и наивности к ее внешности.

— Что делаешь? — тихонько спрашивает она.

— Ищу.

— Что именно?

Я откидываюсь на стул и задумываюсь. Как быть? Я чувствую именно этот визажист мне и нужен. С ним моя бьюти съемка будет офигенной. Да и на фэшн тоже нужен майк-ап. А еще конкурсная работа. Там тематическая съемка. И неизвестно какой рисунок на лицо придется нанести, чтобы сделать картину цельной.

Вывод.

Нужно его найти.

— Да так, — оглядываюсь и неожиданно встречаюсь взглядом с Глебом. Усилием воли первая отвожу взор. А про себя чертыхаюсь. Нужно завязывать на нем тупить. Возвращаюсь к Арине и в раздумьях продолжаю. — Хочу кое-кого найти. Арин, может ты знаешь чьи это работы?

Протягиваю телефон с аккаунтом визажиста. Надеяться не на что. Но может она, знает. Только Арина пугает меня. Она мельком смотрит на протянутый аппарат и бледнеет. Почти до неестественного белого цвета.

А ее шелестящий шепот режет слух.

— Для чего тебе? Не нравится?

— Что? — я под впечатлением нещадно туплю. Может ей скорую вызвать? Останавливает только ее испуганный вид. Она так сильно испугалась? — Наоборот нравится. Хочу найти этого человека. И кое-что предложить.

— Например?

Я замялась. Говорить прямо, что я модель не хотелось. Я вообще незнакомым людям об этом не говорю. Почему-то мало кто верит. Или начинают насмеяться. На такие темы я свободно говорю только с таким же моделями, как и я. Ну и фотографы еще.

Но отшучиваться мне не хотелось. Я пригляделась к Арине, и решила:

— В своем городе я училась в школе моделей. И вообще я рассчитываю в будущем стать моделью. В родном городе мне правда было проще сделать. Мама фотограф. И она делала мои первые профессиональные снимки. Папа на престижной хорошо оплачиваемой работе. А сейчас, чтобы пробиться в модельный бизнес мне нужны все мои ресурсы. Как человека. Нужна победа в конкурсе. И нужен визажист. Хороший. И мне понравились работы этого визажиста. А где найти человека не знаю.

В конце моей речи прозвенел звонок.

Тут же в класс зашел Алексей Иванович. Он строго взглянул на класс и с неодобрением на телефоны.

Все начали убирать смартфоны. Я тоже нехотя закинула его в сумку и открыла тетрадь. Арина нервно жевала губу и странно качалась. Свои пальцы она переплела между собой и сжимала их. Кончики из-за этого побледнели. А потом выдохнула и решительно наклонилась ко мне. И это было настолько мощно, что я даже отклонилась.

Но девушка прошептала мне волшебные слова, которые начали менять реальность.

— Я знаю, кто она.

— Кто? — в моем голосе слишком много чувств.

Я не люблю этого. Но для меня это важно. Поэтому плевать. Если нужно, я буду чувствовать столько сколько нужно.

Арина уставилась прямым взглядом на меня. Она впервые проявила такую смелость. Не замечала за ней такого выразительного момента. Моргнула и прошептала:

— Я.

Я захожу в соседнюю квартиру и поражаюсь разнице. У тети в прихожей захламлено. Много вещей, мебели. Они создают атмосферу загруженности. От этого я с трудом могу дышать полной грудью.

Я таких людей в шутку называла чуланщиками.

Их дома напоминает один огромный чулан. Пыльный и захламленный. А добавьте еще гадость души самой тети, то квартира впитала в себя самые «наилучшие» качества родни.

А тут...

Арина мне показалась с первого взгляда немного отстраненной от мира. Она словно здесь и в то же время не здесь. Таким дают определения творческих и воздушных личностей. В какой-то мере они не подготовлены жить в мире на равных. Их могу предать и подставить. Но защитить себя они не могут. Или не знают как.

Зайдя в их квартиру я почувствовала — тепло. Я словно окунулась в теплое бирюзовое море. Оно приятно ласкает мое тело. Так и атмосфера этой квартиры ласкает мою душу. В таких местах приятно находится. И очень трудно отсюда уходить.

Ведь хозяева не всегда могут выставить наглеца вон.

— Привет, — Арина вышла мне навстречу, и радостно обняла меня.

Я замерла. Никогда не относилась к тем людям, которые с легкостью обнимают других. Если только человек очень близкий. Обычно я быстро отстраняюсь, но с Ариной такого не происходит. Ее объятия окутывают и создают кокон доброжелательности.

— Привет, — шепчу я, приятно удивленная своими эмоциями. — Начнем работу?

Чтобы не показать неловкость, я сразу перехожу к делу.

Соседка либо не поняла моих чувств, либо не захотела акцентироваться на моей торопливости. Она повела меня в свою комнату и усадила на крутящийся стул около туалетного столика.

— Где твои родители?

— На работе, — со вздохом ответила Ариша. — Они часто на работе. Хотят заработать мне на хороший университет. У меня ведь успеваемость не очень хорошая.

— Но разве курсы для визажистов на столько дороги? — удивляюсь я. — У тебя ведь талант к мейку. Могла бы на этом построить карьеру.

Арина замаялась. Она держала в руках специальный чемоданчик для визажистов и не двигалась. Ее глаза говорили за нее.

Она им не призналась. Это ее секрет не только от одноклассников, но и от родителей. Ведь никто в классе не знал, что аккаунт с фотками макияжа ее. Она и мне бы не призналась. Если бы я не рискнула и не открыла ей свой секрет.

Судьба иногда играет в шутку такую от которой зубы сводит. И сейчас она снова пошутила над мной. Я была в шаге от того, чтобы профукать талант.

— Значит мне нельзя говорить, кто мой визажист?

— А так можно? — с надеждой спросила девушка.

— Можно, но не желательно. Мне нужны твои услуги и во время съемки. Поэтому о тебе как минимум узнает фотограф. А может еще кто.

Арина поставила аккуратно на столик чемоданчик и повернулась ко мне. Она вслушалась в мои слова и закивала. Но отвечать стала не сразу.

— Я хочу попробовать. Когда ты приехала, ты меня поразила. Своей стойкостью. И вдохновила. Если честно, я боялась, что тебя сожрет Мария. Она страшная женщина. А ты устояла. Я хочу попробовать. Потому что думаю так правильно. И я хочу. Но боюсь.

— Значит эта работа нужна не только мне, но и тебе?

— Да.

— Тогда приступаем, — я со стуком опускаю руки на подлокотники и подставляю свое лицо профи.

Арина сменила свое блаженное лицо на серьезное. Она уверенно взяла в руки первый тюбик и открыла его. Потом достала ватный диск и бутылочку с жидкостью. Девушка, не касаясь пальцем, достала немного крема. Потом на диск она налила жидкость. И подняла все это к моему лицу.

— Ты готова?

— Да, — шепчу я и закрываю глаза.

Сейчас лучше ей не мешать.

Арина прикоснулась влажным диском к моему лбу, а потом к скулам и носу. Ее касания были сильными, но не трущими. словно массаж, от силы которого кайфуешь. Я перестала следить за ней. А просто отдалась чувствам.

Спустя час я услышала ее голос отдаленно.

— Ксюш, я закончила.

— Угм?

— Ты что уснула? — с улыбкой спросила меня соседка, и смущенно улыбнулась.

А только протяжно потянулась и кивнула.

— Это было настолько приятно, что я не удержалась.

Резко оборачиваюсь к зеркалу и ахаю.

Потому что это не могла быть я. Я всегда чувствовала себя красивой. Но завышенной самооценки у меня не было. Я была красивой, но не самой. Я умела правильно подать себя. Но все же не идеально.

А тут... у меня не было слов.

Глаза подчеркнуты. И казалось, что это два ограненных малахитовых камня, а не человеческие глаза. Так сильно они сияли. Скулы будто выточили из мрамора. А губы оставались мягкими и нежными на фоне всего лица. Арина смогла выразить мой характер. Всю меня через обычный макияж. И после этого она не признается родителям в своем таланте?

— У меня нет слов, — смогла вымолвить я приближаясь к зеркалу.

Я разглядывала себя и не признавала. Не могла быть я вот такой. Сильной и нежной.

— Я старалась, — скромно ответила девушка. — Тебе звонят.

Я не отрывая взгляда от отражения взяла в руки телефон.

— Это Матвей, — задумчиво говорю.

— Ответь, — подталкивает меня Арина и выходит, чтобы не мешать.

Воспитание либо есть, либо нет. Что еще сказать.

Отвечаю и не жду ничего хорошего для меня.

— Зачем звонишь? — холодно спрашиваю и встаю. Затекшие мышцы дали о себе знать.

«Ты знаешь мой номер Малахит?»

— Забыл? Я живу с твоим сталкером.

Он не отвечает, а только усмехается. Но не отвергает того, что знает. На сколько Света

помешана на нем. И ведь он может подобрать слова так, чтобы она отстала. Но не делает этого.

Вывод: ему нравится ее подобоострастное отношение к нему.

— Зачем звонишь?

«У тебя пятнадцать минут».

— На что?

«До ресторана. Обсудим то, что я прислал»

— Но...

«Пятнадцать минут».

И он выключился. А я даже не успела признаться, что не посмотрела. Все хотела зайти на свою страничку. И откладывала. Подумала вряд ли что-то важное. И сомневалась, что он вспомнит про ресторан. Сказанное впопыхах.

Но он вспомнил.

— Ксюш, чай будешь?

— Нет, скоро приедет Матвей. И он потребовал собраться и поехать с ним.

— У вас свидание?

— Нет. Надо смыть с себя все. До его приезда.

Арина вздрогнула словно ее ударили. Слезы стали накапливаться и вот-вот должна скатиться первая слезинка.

— Тебе значит не понравилось?

— Что? С чего ты взяла? Ты посмотри, — я ткнула в себя и выпрямилась. — Я теперь как неземная принцесса.

— А зачем смывать?

— Я с Матвеем встречаюсь скоро. Нужно смыть. А то подумает, что это ради него.

— Нужно платье, — перебила меня Арина.

— Но...

— И не спорь, — строго возразила она. — У меня есть. Ты пойдешь в платье и с мейком. Иначе я отказываюсь с тобой работать.

Кто мог предположить, что в мягкой Арине столько стержня. Который она прячет ото всех. Она заставила меня нацепить на себя платье и шпильки. И теперь я выглядела как девушка жаждущая свидания с популярным парнем из школы.

Для меня ходить на каблуках давно перестало быть проблемой. В первую очередь в школах моделях обучают правильной ходьбе. Подиум важная составляющая любой модели. Даже если потом ты будешь только сниматься.

Правильная ходьба, осанка, подача себя. Всё это делает девушку и модель, в том числе женственной. Изящество особое искусство. По мнению моего первого преподавателя в школе моделей.

Арина успела не только меня нарядить, но и сделать минимальную укладку. И теперь мои длинные волосы ниспадали до талии. Гладкие словно шелк и мягкие как перышко. Коктейльное платье не прикрывали колени. Все же рост у девушек разительно отличался.

Как бы Матвей не перепутал ее коленку с рычагом скорости машины, — со смешком подумала я и оттянула платье вниз.

Выхожу из подъезда. И радуюсь, что никто из уже знакомых мне не попадает. А то подумает о стыдных вещах, на которые навевает мой наряд. Но никого нет. Стоит одна лишь белоснежная инфинити. Рядом с ней дымит Матвей. Он же спортсмен, как он смеет.

Делаю шаги по асфальту, а цокот эхом раздается по вечернему городу.

Парень слышит их и оборачивается.

— Воу, — охнул Матвей и схватился за сердце. — Малахит, ты бы хотя предупреждала о таком. Вдруг бы у меня с сердцем были проблемы.

Я кривлю губы. Но признаю. Приятно слышать его комплименты. Я ведь девушка, хоть и с каменным сердцем.

— Лучше поедем. Пока меня никто не увидел.

— Ты разве не для меня старалась? — удивляется Матвей и открывает мне переднюю дверь.

— Сильно огорчился что не для тебя? — сажусь и пристегиваю себя. А парень наклоняется ко мне и говорит прямо на ухо.

— Скорее ревную, Малахит. Я знаю чего хочу. И я это собираюсь получить.

Захлопывает дверь и обходит машину. И вот мы уже выезжаем на главную дорогу. Мы молчим. Я признаюсь самой себе. Такие вещи слышать от мужчины — захватывающе. Внутри сердце трепещет. Но это скорее не от Матвея самого. А от его сказанных слов.

Женщины любят ушами. И правильнее сказать от интонации, силы голоса. Когда парень пищит, хочет скривиться и отойти. Даже если он будет разглагольствовать о силе его любви, и самопожертвовании ради тебя.

Если же мужчина скажет банальность. Но так: от чего мурашки побегут по коже. То мы таим как пломбир на солнце.

Возможно это физиология. Но правда такова.

Мужественный голос заставляет наши сердца биться быстрее.

Так и сейчас.

НО.

Матвея я не вижу в будущем со мной.

Я не хочу его душой. Телом возможно. Но не душой.

Хотя может мне это и нужно?

Тот, кто не затронет душу. Я ведь не собираюсь вечно оставаться невинной.

Кидаю мимолетный взгляд на Матвея. И понимаю, что это не правильно. Я предам себя.

Если я хочу чего-то там попробовать в плане близости. То необязательно делать это сейчас.

И через «надо». Либо дождаться того, кого я захочу. Или когда я просто пойму, что пора.

Или попробовать с Глебом.

Неожиданно мелькнула мысль. Но я ее тут же откинула.

— Пойдем, — тянет меня из машины Матвей.

Я не заметила как мы приехали. Настолько ушла в себя, что отключилась.

Ресторан встретил нас открытыми дверями. Приветливый хостес заметив нас, тут же подлетела и затараторила. Она кидала на меня оценивающие взгляды, а на Матвея соблазнительные. Когда он ей улыбнулся и приблизился, чтобы о чем-то попросить. Она торжествующе мне подмигнула. А мне стало смешно.

Серьезно? Она думает, что таким образом она привлечет внимание богатого и молодого.

Мой взгляд скорей всего заледенел. Потому как хостес побледнела и разочаровано глянула на нас. И повела туда, куда просил Матвей.

Большой зал. Барная стойка. Все выдержано в классическом стиле, но без пафоса. Состоятельный ресторан. Судя по маркам одежды клиентов. Матвей действительно из состоятельной семьи. Теперь понятно, почему Света так в него вцепилась и не собирается отпускать. Даже при его любви растаптывать ее гордость.

Нас провожают на второй этаж, где мы словно уединяемся.

— О чем ты хотел поговорить? — спрашиваю едва девушка уходит.

Мне неудобно. Словно я на что-то подписалась.

— Ты не смотрела на мое сообщение?

— Честно? Нет. — признаюсь я, открывая меню.

Что-то есть мне не хочется. Но по размазывать что-то по тарелке нужно. А то совсем не вежливо. Да и занять свои руки нужно.

— Давай сначала закажем, — предлагает Матвей.

— Мне сырный крем-суп и чай.

Матвей мне кивнул и проговорил общий заказ подошедшему официанту. Потом парень достал из кармана телефон и протянул мне.

— Смотри.

На экране мне высветилось фото квартиры. Минимальная обстановка. Даже спартанская. Кровать, шкаф, кухонный гарнитур. И так по мелочи. Либо в ней никто давно не жил. Либо она просто не обжита.

— К чему это?

— Мне ее подарила на совершеннолетие бабушка. И я хочу предложить тебе туда переехать.

Шок сковал меня. Матвей говорит серьезно или нет? Я бы хотела жить отдельно от тети. Это ведь почти идеально решение. Кроме одного. Зачем кому-то задумываться о моих проблемах.

К нам заходит официант и раскладывает приборы и чай.

— Мне семнадцать вообще-то. Я не смогу одна переехать туда. Соцслужбы и все такое.

Легко натравить.

— Твоя родня тебя отпустит, — уверенно говорит Матвей и делает первый глоток кофе. — Я договарюсь.

— Я не смогу оплачивать жилье. Я не работаю.

— Я буду оплачивать все, — перебивает меня одноклассник.

— Что? — мои брови поднимаются, а лицо искажается. Я прям чувствую как все тело мое напрягается и хочет сбежать. — Я чего-то не понимаю?

— Мы съедемся.

Выстрел в голову.

Официант вышел. А я на минуту точно отупела от его предложения. Нет, не предложения. А факта. Словно я вот сейчас побегу собирать вещи и переезжать к нему.

Сколько мы знакомы?

Почти два месяца. Из которых нормально общались возможно неделю. Но он уверен, что нам уже пора съезжаться.

— Матвей, ты всем девушкам предлагаешь такое, — попыталась пошутить. Но нервозность пропитала мой голос.

— Нет, только тебе.

— Почему я? — обреченно спросила.

Как я и предполагала заказ был бесполезен. Есть я не хотела. А теперь меня еще и тошнило.

— Потому что нравишься. И планы у меня на тебя долгоиграющие. К тому же у тебя приемная семейка так себе. Больше нервов тратишь, чем живешь.

— На год или все же на два, — язвлю я. Руки сжимаются непроизвольно в кулаки. Мое напряженное тело наполнилось адреналином. И кончики пальцев покалывало от желания ударить.

Матвей все это видел и только мягко улыбнулся. Он наклонился ко мне и томно произнес:

— Навсегда.

Никто навсегда не будет вместе. Люди умирают, перестают любить, исчезают из жизни другого.

Я поджимаю губы и встаю. Я уже говорила себе, что с Матвеем мне не по пути. Так теперь я об этом могу закричать на весь мир.

— Отвези меня домой.

— Если только за твоими вещами.

— Нет, Матвей. Я отказываюсь от твоего предложения. Мы не будем вместе.

К нам заходит официант, который прерывает наше молчание. Матвей оплачивает счет, и мы выходим из VIP-ки. В общем зале замечаю знакомое лицо.

Олеся?

Она в форме официантки бежит между столами. Торопливо прохожу к выходу. Не хочу больше слухов о нас. Как Арина сказала, что эта девушка главная сплетница школы. Значит видеть ей меня тут не нужно.

Я почти выбегаю из ресторана и резко торможу.

Перед входом стоит небольшая компания людей и громко смеются. Но я вижу одного. Которого хотела бы видеть и нет. Потому что я сегодня такая красивая. И ему бы я хотела это показать. Но я с другим. И это я ему показывать не хочу.

— Да тут один салат как полноценный ужин в соседнем баре. Давайте туда. Нечего нам среди толстосумов жрать.

Какой-то парень высказался, а друзья поддержали его.

Глеб с Рустамом промолчали. Они стояли к нам спиной и не видели меня.

Я бочком собиралась обойти их.

Но у Матвея было другое мнение об этом.

— Каждому свое место. Одному жрать тухлятину, а другому мраморное.

Парни обернулись.

Вот Матвей. Вот удружил. Оглядываюсь на парня и вижу, что он это специально. Он хотел, чтобы Глеб увидел меня вместе с ним.

Словно я выбрала его заочно.

На компанию Глеба больше не смотрю. Он точно видит во мне продажность. Ведь недавно говорила одно, а сейчас красивая выхожу их ресторана.

— Такие цыпы только с богатенькими тусуются. Они никогда не выберут простаков.

Последнее, что слышу, когда меня за плечи уводил Матвей.

— Тебе необязательно оставаться на всю съемку, — открываю дверь в фотоателье и поддерживаю ее. Когда Арина проходит мимо меня. — Мы сегодня с Ромой собираемся отснять снэпы и пару тестов. На снэпе мне вообще мэйк не нужен. А на тесте минимальный.

Арина неуверенно осматривается, и со вздохом оборачивается ко мне.

— Но я хочу. Я пообещала. И расскажи мне.

— Про что?

— Снэпы? Это что?

Я с благодарностью улыбаюсь подруге и провожу ее к стойке для подготовки к съемке.

— Снэпы — это вид съемки, на которой модели показывают свою настоящую внешность. Без макияжа, в купальнике с простым хвостиком.

— А у тебя разве нет таких фото? — с удивлением интересуется Арина и ставит на столик свой чемоданчик.

— Есть конечно, — я расстегиваю курточку и вешаю ее на плечики. — Но они старые. Я повзрослела. Нужны новые. И снэпшоты основа портфолио модели.

— Поняла, — кивнула она и растеряно рассматривает студию.

У Ромы фотоателье было наполнено студийным оборудованием под завязку. С одной стороны стоял тканевый фотофон. Рядом с ним разбитые по участкам стояли рефлекторы, фотозонты, софтбоксы и отражатели. С другой стороны была дверь, которая вела в кладовую с мебелью для съемок и в комнатку для фотографов. Где они хранили фотоаппараты, вспышки, объективы. Туда, куда мы прошли. Это место для подготовки. Стояла стойка с нарядами и столик с подсветкой.

Ателье Ромы было поделено на зоны передвижными стенами. Но по факту это оставалось одна большая комната. С большими окнами, с подсветкой по периметру.

Для Ромы фотографии были увлечением состоятельного не обремененного бытом парня. Увлечение стало перерастать в дело постепенно. И теперь у него было фотоателье, которое работало с местными СМИ, обслуживало туристов, и, конечно, работала под заказ индивидуально. У Ромы была команда фотографов с разными специальностями. Но профессионалов в бьюти и фэшн съемке у него не нашлось.

Может после меня, начнет заниматься и модельной съемкой.

— Тут столько всего, — высказывает мои мысли Арина. — Что от меня надо?

— Сейчас в принципе ничего. От тебя нужен будет макияж при жанровой съемке на конкурс. Сегодня должна прийти тема конкурса. Вот над этим тебе придется подумать. А сегодня... познакомься с миром моделей.

Щелкаю девушку по носу, и она наконец расслабляется. Из комнатки выходит Рома и тащит на себе стойку. Он замечает нас и приветливо кивает. Пока он устанавливает аппаратуру я скидываю с себя штаны, футболку и остаюсь в черном не прозрачном нижнем белье. Купальник черный я не нашла, а вот белье — да. Накидываю пока на себя прихваченный халатик. Не хочу покрыться мурашками. Расчесываю волосы и собираю их в низкий хвост.

Ну готова.

— Привет, девчонки, — подходит к нам Рома. — Я Роман, — протягивает руку Арине. — А ты прям профи. Сразу подготовилась. Даже просить не пришлось.

— Глупости не говори, — смеюсь. — Я уже привыкла к такому. Можем начинать?

— Снэпы?

Киваю, а потом оглядываюсь на зеркало. И понимаю, что надо.

— Ром, я могу попросить дать минутку. Одной нужно побыть.

— Мм, хорошо. Давай я пока тебе покажу, где что находится.

Предлагает фотограф Арине и уводит ее в комнатушку. Я же остаюсь одна.

Встаю около самого большого зеркала в полный рост и замираю. Я встала удачно. Одна сторона в тени, другая на свету. Я словно разделилась на две части. А теперь мне нужно вспомнить.

Мои первые тренировки фотогеничности. Первая эмоция. Холодность. Представляю, что я холод. Я айсберг. И вижу как мои глаза превращаются в лед. Губы и брови замерли в маске презрения, делая из меня бесчувственную глыбу.

Выдох.

Закрываю глаза.

А теперь жалость.

Кончики губ опущены. Слезы собираются в уголках. Боль. Страдание в глазах. Для других я жалкая копия себя.

Гуд. Не забыла тренировки.

Выдох.

Влюбленность. Перед глазами мелькает Глеб. Раньше эта эмоция получалась у меня хуже всего. Для нее мне нужно было настроиться. Но не в этот раз. С первого раза. Сильная эмоция, которая захватывает меня.

Выдох.

Все у меня получается.

— Рома, давай начнем, — кричу я и стягиваю халат.

**

— Ксюха, — Рома с радостной улыбкой подходит ко мне и присаживается рядом. — Ты монстр. С тобой один кайф работать. Ты посмотри, — фотограф достает планшет, в котором уже находятся копии сделанных фотоснимков. — Ты чувствуешь камеру, момент. Ты словно мне отдаешься во время съемки. Столько чувств и эмоций. Сама жизнь. Одна фотография, а кажется, что рассказана целая история. Давно такого не было. Я не представляю, что ты можешь при тематической съемке. Так что мое ателье в твоём распоряжении.

Рома хлопает себе по коленям и встает передо мной. Я обнимаю парня в ответ от переизбытка эмоций и медленно отхожу.

— Спасибо тебе.

— С тебя выигрыш в конкурсе с пометкой моего ателье или фотографа. Тогда мы точно в расчете.

Рома отходит, а я натягиваю на себя штаны.

— Ксюша, ты и правда классная, — Арина подошла со спины, и подала мне футболку.

Она помогала мне во время съемки. Где-то попудрить носик, где-то собрать волосы. Она не отходила от нас. Рома снимал один. Для тестов и снэпов не нужны дополнительные отражатели. А значит и руки в виде помощников. В крайнем случае можно установить свет на стойку.

Мы втроём в течение последних пяти часов без остановки снимались. И отсняли почти все. Чуть позже можно добавить еще пару тестов. Но в итоге база у меня почти готова.

— Я восхищаюсь тобой, Ксюша, — подошла ко мне девушка и подала стакан с водой. —

Ты такая сильная.

— Мне приходится быть сильной.

— Сомневаюсь, — опускает голову вниз девушка нервно теревит край своего платья. А потом едва слышно шепчет: — Я думаю, ты природой родилась такой. Я уверена, что ты сможешь достичь своей цели.

Арина подошла неловко ко мне и приобняла.

Сегодня день объятий. С усмешкой думаю. Но ничего не говорю. А только обнимаю в ответ.

Во мне бурлят эмоции после съемки. Спустя большой перерыв. Они захлестывают меня. Мне приходится их выплескивать.

Нас прерывает телефонная трель моего телефона.

— Я пока помогу Роме убраться после нашего чаепития.

Девушка уходит, а я достаю трубку. Мои губы расплываются в улыбке.

— Привет, дядя Миша.

«Здравствуй, Ксютка. Как дела? Давно не звонила.»

— Знаю, дядь Миша. Можете меня поздравить.

«С чем это?» — с усмешкой интересуется у меня дядя.

— Сегодня я провела первую съемку. После смерти родителей.

Наш разговор на минут затухает. Не так давно было сорок дней с их смерти. В ту ночь я опять редела в подушку. Боль еще раздирает мое сердце. Но я ее никому, как всегда, не показываю.

«Как ты, Ксюта?»

— Более и менее, — сажусь на стул и подпираю голову рукой. — Тетя тварь еще та. И я понимаю, почему мама с ней не общалась. Мне потом еще придется отдать ей мамино наследство.

«Что?» — выкрикнул в трубку дядя. А дальше полилась неприкрытая брань. — «Зачем девочка? Она тебе что угрожала? Ведь в кодексе прописана охрана таких наследников как ты. Почему ты собираешься отказаться в ее пользу от наследства?»

— Дядь, она рассчитывала на него. Когда соглашалась на меня. Если попытаться отвертеться от обещанных слов, то она откажется от опекуна. И меня...

«Отправят в приют», — закончил вместо меня дядя Миша. — «Она хотя бы сдерживает свои порывы?»

— Когда напоминаю ей про наследство, — вздыхаю я. — Но мне не нужны деньги мамы. К тому же у меня остается немного от отца. А остальное я заработаю. Мне нужны только немного на старт.

«Ксюш, я всегда готов тебе помочь. Нужны деньги. Пиши мне. Я буду тебе отправлять. Поняла меня?»

— Да, я поняла. У меня есть немного. Мне приходят как сироте. Так что на мелочи хватает, и нет нужды просить у тети.

«Но ведь тебе нужно на съемки?»

— Я напишу тебе, если срочно что-то понадобится, — клятвенно заверяю я.

Мы с ним поделились впечатлениями о своей жизни за последние месяцы. А потом мы попрощались.

Немного обидно, что придется отказаться от маминого наследства в пользу такой ...

такой тети. От которой мурашки по коже. Как с ней вообще общалась мама. А они ведь от одних родителей.

Так что жуть.

Может хорошо, что я одна у родителей была.

— Ксюш, ты закончила?

Арина заглядывает ко мне. А я ей киваю и накидываю на себя курточку и беру в руки сумку с вещами.

— Не поверишь, кто там, — тихо шепчет мне девушка.

И мы выходим к ресепшен. А там знакомые лица.

— Денис, ты только посмотри какая Ксюха модель. Ее только снимать и снимать. Она хочет на конкурс. Как и ты. Поэтому предлагаю вам вместе поработать.

Наш одноклассник поднимает на меня затуманенный взгляд.

— Согласен, Малахит особенная.

— Малахит? Ты про Ксюшу? Вы что знакомы? — Рома засыпал нас вопросами. И отступить не собирался.

— Мы одноклассники.

— Роман Валерьевич, — девушка с ресепшена привлекла внимание фотографа и поманила к себе. — С конкурсного отдела письмо пришло.

— Ребят, пришла тема конкурса, — громче крикнул Рома и уткнулся в компьютер. — Тема конкурса. «Миф и реальность». Миф и реальность. Мда. Ден, ты согласен работать с девчонками?

— С девчонками? — удивляется одноклассник. — Арин, ты тоже модель.

— Она визажист, — перебиваю я. — Модель только я. Ты согласен со мной работать как моделью?

Денис осмотрел меня профессиональным взглядом фотографа. Он сканировал меня. Оценивая мои плюсы и минусы. Минута затягивалась.

— Да. Я думаю, мы сработаемся.

Одновременный выдох насмешил меня. Мы попрощались с ребятами и отправились домой.

Я и Арина вываливаемся из ателье с улыбками. Уставшие, проголодавшие, но довольные.

— Обалдеть, — произносит Арина и смотрит на меня. — Как ты очаровала Дена? Он ведь холодная глыба. А не человек.

— Как и я. Родственная душа, наверное.

Шучу я. Но мне действительно кажется, что с Деном я сработаюсь. Видела я по его глазам. Он любит свое дело. И хочет в этом развиваться. Значит мы хотя бы на этой форме отношений сработаемся.

— А как было ваше вчерашнее свидание с Матвеем? — с хитринкой интересуется Арина, когда мы вышли из центра.

— Было глупо и неловко, — обрываю сразу девушку. — Он хороший парень. Но мы не пара. Мы не сможем быть вместе. Я в этом уверена.

Я замолкаю. Потому что передо мной стоит знакомая белоснежная машина и знакомый водителей.

Он-то здесь что делает.

— Привет, — Матвей подошел к нам и шутливо растрепал волосы Арине. — Красотки.

Была одна, теперь две. Еще и подружки.

Это он сейчас пытается подлизываться?

— Это ты так извиняешься? — скрещиваю руки на груди и грозно смотрю.

— За что, Малахит?

Вроде шутит, но поза напряженная. Понимает ведь. Что косячнул.

— Я могу вас подвезти, — предлагает Матвей.

Арина смотрит на меня с мольбой в глазах. Ох, она еще не осознает какая сила в ней живет. Я молча киваю. И Матвей помогает нам усесться.

Мы не говорим.

Арина помогает сдержать мои эмоции. Потому как из меня рвется гнев. А при ней не хочу. Матвей же понимает, что нам нужно обоим высказаться. И молчит. Около подъезда Арина сразу понимает что к чему.

— Пока, Матвей. Пока, Ксюша. Если что спишемся.

Она выскальзывает из машины, а я остаюсь.

— Я поступил грубо.

— Скорее глупо. Но и грубо. Согласна.

— Мне не нужно было вот так показывать свое перед Глебом.

— Тебе не нужно было такое предлагать мне. Словно мы будем вместе. И это окончательное решение. Словно оно наше. Совместное.

— А это не так?

— Не так, — выдыхаю я. — Мы не будем вместе.

— А если я докажу тебе, что мы сможем вместе быть? — Матвей достает пачку сигарет и закуривает.

— Ты ведь спортсмен. Почему ты куришь?

— Привычка. — грубо отбивает мне желание посочувствовать ему.

Не мое значит дело. Отворачиваюсь от него.

— Я хочу помочь тебе, — Матвей с надеждой посмотрел на меня. Протягивая руку к перемирию. — Ты ведь к чему-то стремишься. Ты мне нравишься. И внутри меня появилось желание тебе помочь. Неважно в чем. Но пока ты не хочешь соглашаться на мою помощь. Так что я завтра уезжаю на соревнования. У тебя неделя принять мое предложение о помощи.

— Как кого?

— Как друга. Как парня, который симпатизирует тебе. — смотрит на меня и шепчет в темноте. — Тебя моя помощь, Малахит, ни в чем не обязывает.

— Я подумаю.

Выхожу из машины. И она тут же стартует с места.

А передо мной появляется лицо.

Лицо моей сестры. Пылающее гневом и обидой.

Глава 16

Все воскресенье я провела под гул истерического пения тети. Она вопила весь день и говорила, какая я паршивка. Раз я потратила день непонятно на что. Вместо уборки. И как я похожа на свою мать. Она говорила так, рассчитывая на то, что это меня оскорбит. Но меня преобладала гордость, что я похожа на маму. А не на нее.

Брр.

Тетя Маша рассказывала о мечтах мамы. В презрительном тоне. Как она хотела стать моделью или фотографом. Но потом желание быть фотографом превалировало.

Поэтому мой выходной был отвратным.

На моем мозгом долго корпели, пытаюсь вывести меня из себя.

Одна лишь Света подозрительно молчала. Она смотрела на меня злющими глазами, но ничего не говорила. Любочка к моему счастью убежала на выходные с друзьями.

А тетя Маша когда поняла, что ее третирование на меня не возымели нужного эффекта. Переключилась на мужа. Он ее внимательно слушал, а потом выдал потрясающий вопрос.

— Тебе что нужно-то?

Я долго ржала, когда услышала от безэмоционального дяди такой вопрос. Он вытаращился на жену и ждал ее ответа. А она вспыхнула и заткнулась. Ушла на кухню готовить отвратный ужин. Не умела эта женщина вкладывать душу в еду. Может потому что в ней нет той души.

Вечер за домашкой убил мой день окончательно. Чтение моей “любимой” художественной литературы совсем не добавил мне настроение. Наоборот только разозлил. Почему в школе не преподают например хороший нон-фикшн или книжку по саморазвитию. Мне кажется школьникам это больше пригодится, чем история о превращении собаки в человека при помощи медицины.

Брр.

Ужас.

Но сегодня я шла в школу в приподнятом настроении. Что-то во мне говорило, что сегодня что-то произойдет в моей жизни. И это что-то сделает ее другой. Поэтому вчерашний день ушел в прошлое. А сегодня было другим.

Школа приветствовала меня внимательными взглядами со стороны школьников. Они на меня странно косились и о чем-то тихо переговаривались. Мимо пробежали две девчонки. Кинув взгляд на меня, они зашушукались и убежали.

Меня стало это напрягать. Я проследила взглядом за ними и присмотрелась ко всем. Они косились на меня. Но прямым взглядом не рисковали встречаться со мной. Они резко отворачивались и после раздавался только их раскатистый смех. Который резал мой слух.

Что-то не так.

Чувствует моя чуйка.

Захожу в школу. А за мной следует по пятам смешки.

Глупости. Что я могла такого сделать. Что все стали насмехаться надо мной.

Захожу в класс. И тут меня встречает тишина. Все замерли и уставились на меня. А я на них. Что-то точно не то.

Матвея нет. Как он и говорил. Он уехал на соревнования. Глеб с Рустамом приходили со звонком. А до звонка оставалось примерно пять минут. Арина растерянно всматривалась в

какую-то бумажку. А потом она подняла взгляд.

Что-то она прочитала такое. И это не любовный приятный романчик для развлекаловки на вечер.

Горло пересохло.

— Какого тебе учиться после работы?

Кто-то выкрикнул, а я встрепенулась.

Они так отреагировали из-за моей работы моделью? Но откуда они узнали про это. Заметили меня у входа в ателье. Или Денис рассказал. Но он тоже с недоумением оглядывался.

— Или тебя эта работа так вдохновляет?

— Так ведь секс повышает эндорфины.

Я свожу брови в недоумении. Какой секс? У девственницы-то.

Арина подходит ко мне и протягивает буклет. Прочитав его, я понимаю. Что моя работа моделью не проблема. Проблема у кого-то с ревностью.

Смотрю на Свету. И вижу довольное лицо сестренки. Вот стерва-то.

— Матвей как гарантия ее качества. Уж он в этом разбирается.

— Он уже пользовался?

— Так ведь на фото они.

— А как объяснить то, что он вокруг нее как коршун летает.

Еще раз смотрю на бумажку. А там мои фотографии со старой съемкой. Там я экспериментировала со своей сексуальностью. И фото были такого формата. Откровенные и соблазнительные. Не ню формат. Я там даже не обнажаюсь. Но во время той съемки я раскрывала свою чувственность.

Но добивал буклет фотками из ресторана с Матвеем. С пометкой об эскорт услуге, которые я предлагаю. Фотографии выглядели так словно я имею опыт работы. А Матвей мой очередной клиент.

Вот стерва!

Шум поднимается в классе. Каждый считает в праве высказаться обо мне. В моем же присутствие. Я сжимаю руки, чтобы не закричать и никого не ударить. Но внутри меня разорвалась граната с болью.

Света что не понимает, что Матвей не такой уж хороший. И он вряд ли будет с ней. Да и со мной, в том числе. Я ему сейчас привлекательна как диковинка. Которая ускользает из его рук. А она тупо предлагает себя. Не ценя саму себя.

За что ее злость обращается в мою сторону. Если виноват он в отвратительном отношении к ней.

Мне что мало страданий. Или все думают, что раз я их не показываю. То я их не чувствую. Так что ли?

Валерия Ивановна незаметно зашла и с непониманием следила за гамом класса. Она пыталась их утихомирить. Но никто не слушал ее. И кто-то вдруг уставился придиричивым взглядом в классную руководительницу и спросил приторным голосом.

— Вы что защищаете эскортницу?

Этот вопрос поверг класс в мертвую тишину. И раздавшаяся затрепина прозвучала как выстрел.

— Не повышай голос на учителя! — окрик Рустама привел меня в чувство. Как и всех.

Я осмотрела класс и не знала что делать. Мне впервые было страшно. А глаза Арины

выдавали столько жалости и боли. Что внутри меня что-то сломалось.

Я развернулась и побежала на выход. Не могу здесь быть сейчас. Врезавшись в Глеба, я затормозила в дверях. Не мешкая я оттолкнула его. И выбежала под звон звонка.

Долго бежать я не смогла. Я спряталась в женском туалете. Маленькая девочка внутри меня хотела зареветь. Я даже позволила себе побыть слабой на этот период.

Ведь все девочки плачут. Почему я себе не позволяю. Но в то же время я сбежала. Я испугалась и сбежала от объекта страха.

Пиликанье телефона отвлекло меня.

Не время нюни раскидывать. Отвечаю. И откладываю быть слабой в долгий ящик. Сейчас или никогда. Я должна показать кто здесь жертва, а кто хищник. Потому что от моего решения могут пострадать и другие. Не только я.

А я Малахит. Камень исполнения желаний всегда со мной. И внутри меня. Никто не сделает меня жертвой, кроме меня самой.

— Малахит, тебя ждут на том самом месте. Приходи одна.

Голос знакомой мне буллерши. От которой я защищала Ксюшу.

Вот только звонила она с номера Арины. А значит она с ними. Как гарант моего прихода.

Подхожу к тому месту, где не так давно вытаскивала Ксюшу. Внутри все подрагивает от напряжения. И почему-то мне кажется что нужно отменять завтрашнюю съемку. Мое лицо будет не в форме.

Подхожу к закутку и слышу Арину.

Глупая она. Зачем полезла.

— Она не эскортница, — кричит она. — Зачем вам это всё?

— Ей не нужно было меня позорить.

Женский голос с твердыми нотками повысил тон. Я знаю ее. Она была за главную при избииении другой Ксюши. Как насмешка для меня. К пример той тени, которой я хотела побыть в этом году.

Сейчас же об этом даже мысли не может быть. Потому как если выберу модель поведения тени, миротворца или даже спокойного и уравновешенного человека. То меня в любом случаи сожрут.

— Она по крайней мере хороший человек, не то что ты. Всего лишь пешка Светки. Разве не так, Дина?

Последующий рык говорил о много. Дине не понравилось приравнивание ее к пешкам. Никому не нравится сама мысль, что ты кому-то подчиняешься.

Интересно, как их всех подчинила Света?

С виду миниатюрная и даже местами милая девушка. Если бы она искоренила в себе качество стервы. Хотя может это у нее от матери.

Хлесткий удар. Приводит меня в чувство.

Потому что Арина страдает из-за меня. Вчера я только задумывалась о вшивости людей. И как можно было бы проверить своих друзей на качество. В насмешку судьба моментально реагирует на мою мысль. И подкидывает ситуацию для проверки.

Потому что Арина друг. Только друзья могут вот так защищать. Даже ценой возможного буллинга и битья.

— Я тут.

Выхожу из-за угла и встаю в стойку. Руки на бока, губы сжаты, глаза прищурены. Скорей всего сегодня придется идти в больничку. Хоть бы в лицо не били. Ну и ладно. Все заживет как-нибудь.

— Вот и Малахит пожаловала.

Дина немного горбятся шагала ко мне. Ее искривленные черты выдавали в ней хулиганку со стажем. Не удивлюсь, что курение и алкоголь у нее в постоянном рационе. Я не замечала ее в школе. Но Арина рассказала, что она на год младше нас. И держит в страхе почти всю школу. И по секрету подруга рассказала, что на самом деле за проступками Дины стоит Света. Об этом знают некоторые. Но доказать никто не может.

Их никто вместе не видит. Да и Дина отказывается от слухов. Света же просто игнорирует намеки.

И раз сейчас эта Дина заинтересовалась мной. Да еще так тонко. Через Арину. То слухи являются правдой.

Только от кого Света узнала про ресторан.

Ну конечно же!

Олеся.

Сплетница.

Она ведь там работала в тот вечер. Значит могла и сфотать меня. Я ее узнала в конце. Может она меня увидела когда мы пришли.

Тогда понятно откуда тянутся ноги.

Кроме Дины стояли еще три рослых девицы. Незнакомые мне. И даже возможно они с улицы. А не со школы. Одна из них держала Арину за волосы. На щеке которой алел след от руки. Подруга чуть не плача смотрела на меня.

— Нет, Ксюша, уходи, — крикнула она.

За что получила тычок в бок.

Вот гадина.

Четверо против одного. Как благородно.

Дина кривой улыбкой на меня взглянула и достала из кармана перочинный ножик. Маленький тоненький. Но острый.

Приказ понятен без слов. Изуродовать меня.

А на этом основывается моя карьера в будущем.

Клянусь, если что-то пойдет не так. Света будет страдать до конца дней. Я в этом деле буду особенно старательна.

— Я думаю, она, — киваю на Арину. — Больше вам не нужна. Отпустите ее. Я ведь здесь.

— Верно. Но только эта дрянь стала защищать тебя. И обелять твое имя в классе. А это не правильно. Ты должна стать черной как сама смерть. А для этого нужно испортить твою репутацию. Твое лицо. Твою жизнь. Что бы ты не покушалась больше на чужое.

— Слышу слова Светы, а не твои. Ты как цепной пес выполняешь любой приказ хозяйки?

— Малахит, не зли. Могу и зашибить не вольно.

— Это подсудное дело. Тебя это не смущает? Я не буду молчать. Арина тоже показала стойкость. Или ты думаешь, что никто не видел как ты уводила ее?

Дина оглянулась на своих, но на их лицах скользнула довольная улыбка.

Арина побежала за мной. И ее выловили в пустом коридоре. Им нечего бояться. А я ведь тоже дура. Раз побежала сюда и никому не сказала.

— Ты тоже никому не сказала. Ведь так, Малахит? — Дина подошла ко мне слишком близко.

Я чуюла ее запах. Смесь кислого пива и дешевого курева. От нее несло потом. Скорей всего до нее не дошла информация про дезодорант.

— А теперь получай.

Рука без ножа ударила меня в живот. Резко. Без промедления. Я сложилась вдвое.

Это было больно.

Я никогда не дралась. Тем более меня никто никогда не бил. Во мне теплилась надежда, что приду сюда. И разрулю ситуацию. Без потерь и тем более без рукопашки.

Но никто не хотел разруливаться. У них была задача меня прогнать. И испортить мою жизнь. И во вселенной существует такая вероятность. Что они смогут сделать задуманное.

Только страха не было.

Я приняла ситуацию. Я всегда смогу справиться с любой проблемой. Даже с виду самой безысходной.

Снова удар без ножа.

Выдох вылетает из моего рта. Для буллеров он прозвучал как сигнал к действию. На периферии вижу как подельницы разминают руки.

Дина закинула в третий раз руку. Но вот ударить я уже не дала.

Я не умею драться. Я любила заниматься аэробикой, степом и танцами. Но точно не борьбой. А вот посмотреть боевики я была не прочь.

Моя левая рука согнутая в локте блокировала руку Дины. Тогда буллерша замахнулась ножом. Целя прям в боковую часть.

Чудом я успеваю перехватить нож. Мы стоим словно в танце. Только в неправильном. Мы напряжены и сгорблены. Глазами мы друг друга давно поубивали, но мое тело не вздумало сдаваться.

НО.

Я всегда знала, что стратег из меня так себе. Планирую себе день, месяц или год хорошо. Но предугадывать поступки других я не умела. Поэтому продумывать стратегию включая в план других я не могла.

Я внимательно следила за Диной. И не заметила.

Как кто-то подошел ко мне сзади. И накинулся на меня. Обхватывая мою грудную клетку. Девчонка, которую я не заметила, крепко удерживала меня за руки. Раскрывая меня для удара.

Я стояла беззащитная перед врагом. И чувствовала такую ярость. Она полыхала в моей крови. Разъедая мои внутренности от огня. От не возможности выплеснуть свою ярость на обидчиков.

Я начала пинаться ногами, опираясь на хватчика сзади. Но четкий удар в солнечное сплетение выбил меня. Я захрипела. Пытаясь перебороть боль, распространившуюся по груди.

Перед глазами помутнело.

Мне даже показался что где-то рядом прозвучал голос Глеба.

— Какого черт! — озверевший голос одноклассника казался усладой для моего помутневшего рассудка.

Первая драка в моей жизни. Не хватает еще отключиться мне. Тогда точно останусь с изуродованным лицом.

— Отвалите от нее!

— Глеб, свали. Не твоя проблема. Так что не влезай. — Дина нагло оскалилась. И глянув через плечо продолжила. — Могу предложить только одну.

Арину толкнули в спину. И девушка растерянно упала на колени. Царапая нежную кожу рук. По ее щекам давно текли слезы, размазывая тушь. Впервые покрашенную в школу.

Глеб злился. Его крылья носа раздувались. В глазах появился огонь гнева. За ним прошла огромная тень и басовитый голос снес накатившее напряжение.

— А если я влезу?

От тени исходила еще большая ярость.

Рустам встал рядом с другом и скрестил руки на могучей груди. Футболка почти трескалась от мускулов парня.

И Дина подняв руки перед собой отступила.

— Я поняла мальчики. Девки обе ваши эскортницы. И под вашей защитой.

Глеб не сдержавшись подскочил к буллерше и схватил за шею. Выплывая каждое

слово, он грозно произнес прямо ей в лицо.

— Ты не тронешь больше Ксюшу и ее подругу. Ты меня поняла. И передай главной, чтобы завязывала.

— Да поняла я.

Стряхнув руку, Дина кивнула своим подопечным и ушла.

Я же сложенная в четверо сидела на асфальте. Я все это видела, и не могла понять. Реальность это или фантазия психа.

Но нежные теплые руки, которые обняли меня. Его тихий ласкающий голос. Подтверждал реальность событий.

— Тише, Ксюша. Все закончилось.

Моя голова упала на его плечо. И мое сознание тут же отключилось.

Глава 18

Сознание возвращалось постепенно. Сначала ворвался приятный мужской запах одеколона. Потом теплота обнимающих рук и холод земли. Твердый резкий голос просил друга отвести Арину в класс.

Воспоминания ворвались резко. Мой приход в школу. Где все думают, что я подрабатываю эскортом. Затем следуют боль и отчаяние. Ведь с такой репутацией проучиться спокойно год будет трудно. И нужно прекратить общение с Ариной. А то тень с меня на нее переползет. Но если я собираюсь уехать, то она нет. Тогда она не сможет отмыться от этой грязи.

Затем следует звонок. Удар. Второй удар. Захват сзади. И спасение.

Открываю глаза.

Мне не померещился голос. Он был реальностью. И я впервые была в такой близости от него.

— Глеб?

— Тшш, Ксю. Молчи. Я тебя сейчас отнесу в мед кабинет.

Машу в отрицании головой. Не хочу поднимать этот вопрос в школе. Ведь после обследования последуют вопросы. Кто, где, почему. Это дойдет до тетки. А я пока не в состоянии отбрыкаться еще и от нее.

— Тогда может домой тебя? — с беспокойством спрашивает Глеб, и отводит локон волос за ухо.

Слезы подступили. Я не плакса. Но сейчас хотелось зашмыгать носом от естественности его действий. Словно он это делает каждый день.

— Не надо, — хриплю я. — Там тетка противная. Только хуже будет.

Глеб осматривается по сторонам, а потом берет меня на руки и уносит.

— Куда мы?

— Ко мне. Я живу на соседней улице.

Глеб с легкостью поднял мои почти шестьдесят килограмм и не поморщился. Одноклассник не казался особенно спортивным. Футболки на нем точно не рвались из-за объема мускулов. Но слабаком он не был. Он понес меня в темпе и ни разу не остановился.

Я устало положила голову ему на плечо. Взглядом я зацепилась за его подбородок. Щетины не было, но я заметила маленькую ранку. После бритья. Около уха. Откуда она у него? Он торопился или его кто-то отвлек. Мысли прыгали в моей голове в размытом сознании.

А еще от Глеба пахло морем. Он сам был похож на теплое размеренно море. Теплое и нежное. Но в момент бури — убивающим и опасным для любого.

Я ведь его слышала. Как он говорил с Диной. Голос давящий и убивающий волю другого.

Тем временем мы зашли в подъезд, а потом и в лифт. Я попыталась слезть с рук, но меня прижали крепче к груди. Запрещая двигаться.

Поставили только около двери. И то потому что Глебу не удалось достать ключи и открыть замок.

— Ты как себя чувствуешь?

— Как после драки.

Мимолетная улыбка. И Глеб проводит меня в квартиру, направив в комнату.

— Это моя спальня, — объясняет он, пропуская вперед. — Я сейчас за аптечкой.

И я осталась одна.

Мне казалось, что Глеб никого не приводит в свой дом. Значит он не такой и отшельник, как мне представляла Арина.

Присаживаюсь осторожно на край кровати, но боль в боку притупила впечатления о месте нахождения. Я приподняла футболку и увидела огромный синяк на животе под ребрами. Ну Дина. Мастер бокса что ли она.

И тут я обратила внимание на кровь. На моей руке бурыми пятнами размазалась кровь. Одна ладонь была задета ножом. А я и не заметила.

Глеб зашел в комнату и застопорился на входе. Он рассматривал мои травмы, а в глазах мелькнул знакомый гнев. Махнув головой, словно прогоняя прочь ненужные чувства, он присел.

Глеб открыл аптечку и достал вату с антисептиком.

— Я могу и сама, — предложила я.

— Я сам.

И больше не слова. Он методично обрабатывал мои руки, колени от царапин. Приложил лед к синяку. И принес воды с аспирином. Голова все же побаливала у меня. Скорей всего от стресса и выплеска адреналина.

— Спасибо.

Глеб мельком взглянул на меня, но промолчал. Он на что-то злился. Но на что я не могла понять. Он резко скинул медикаменты в аптечку и встал.

Я чувствовала, что должна что-то объяснить.

Но что и зачем.

Мы ведь не пара. Мы даже не друзья. Мы так одноклассники. Матвей и то чуть ближе ко мне подобрался. Благодаря своей настырности.

Но Глеб... Вот только я хочу объяснить ему всю ситуацию.

— Я модель. Еще в том городе занималась моделингом, фотосессиями и прочим. Моя мама была профессиональным фотографом. И здесь я тоже начала.

— Поэтому на буклете были твои фотографии в позах? — уточнил Глеб, продолжая стоять ко мне спиной около входа.

— Да.

Он взялся за ручку, чтобы открыть дверь.

А я ведь не закончила. Остались еще фото с Матвеем. И мой внешний вид в тот вечер.

— Перед рестораном я была у Ар... одного визажиста. Мы пробовали макияж. Но тут позвонил Матвей и потребовал спуститься. Ар... визажист дал мне платье и попросил примерить его. Поэтому в ресторан я попала такой нарядной, а не растрепанной и в джинсах.

— Но Матвей ведь решил тебя сводить в ресторан. Неужели можно поверить, что ему не дали шанса на это?

Глеб обернулся ко мне и вперил свой взгляд. От которого я растерялась.

— Я не даю ему шанса. Но Матвею ему не нужно. Он принял решение и не слышит другого. Поэтому....

— Ты оказалась в том ресторане, — закончил вместо меня Глеб.

— Да. А Олеся работала там как оказалось.

— Олеся? Ты про Болтушку?

— Одноклассница, — кивнула я и выдохнула.

Глеб задумчиво отвернулся и вышел из комнаты.

В замочной скважине заскрипел ключ. Я встревожено прислушалась и вышла в коридор. И лучше я бы этого не делала. В квартиру зашла худощавая женщина. Ниже меня со темными волосами, но с серыми глазами как у Глеба.

Его мама?

Она сняла обувь и подхватила сумку, до сих пор не замечая меня. И когда она поднялась, то уставилась на меня.

Сначала с недопониманием, а потом с гневом.

— Ты кто такая? — заорала она как невменяемая. — Отвалите все от моего мальчика. Как посмела только взглянуть на него, идиотка! Он мой!

Она схватила рожок для обуви и кинулась на меня. С явным желанием вычерпать мои мозги этой самой ложечкой.

Но ее успели перехватить. Глеб появился из-ниоткуда и перехватил летящую мать.

— Мама, успокойся! Слышишь меня?

Она не слышала. Она визжала и пыталась выпутаться из объятий сына.

Я не вижу лица Глеба. Но понимаю, что мне пора уходить. Я создала ему проблем сегодня. Но эти решить вместо него я не смогу. По стенке я пробираюсь к двери и вылетаю. Боль в боку припоминала мне, что бег нужно отложить.

Медленным шагом я дошла до дома тети и устало опустилась на скамейку. В руках висела сумка с учебниками. Каким-то образом я не отпускала ее ни на секунду. Видимо не зря.

Телефон брякнул в сумке несколько раз. Когда я его достала, мне уже пришло почти с десяток сообщений.

«Я пошла домой. Уже дома. Со мной все хорошо. Рустам меня проводил». От Арины.

«Так тебе и надо, сестренка». От Светы.

«Что с тобой произошло? Почему мне прислали это. Ты как, Малахит?». От Матвея.

«Извини. Онанедолжна была прийти так рано. Ты не сильно испугалась?». От Глеба.

Недолго думая, я стала набирать ответ ему.

Из зеркала на меня смотрела моя расстроенная мордашка. Угрюмое выражение лица, опухшие веки. В малахитовых глазах нет обычного блеска. Но в них я замечаю скрытое напряжение и тоску.

Вчера мой мир действительно перевернулся. Как я и чувствовала, но не угадала с направлением изменений.

Вчера я чуть не отказалась от своей мечты в угоду врагам. Меня опозорили. И с сегодняшнего дня я изгой.

Я! И изгой.

Черт возьми, Малахит — изгой. Никто не поверит из моего прошлого окружения, если расскажу.

Арина отказывается предать меня при людно. Она наотрез отказалась от моего плана для сохранения ее спокойной жизни в школе. Поэтому об этом придется позаботиться мне.

Матвей попросил подождать. А как придет, то разберется со всеми. Мне же он предложил отсидеться как трусливой курице дома. Если бы только мой нынешний дом был для меня крепостью. Тогда я бы задумалась о его предложении.

К тому же, нет этих всех. Если только одна ревнивая девушка. Которая возжелала определенного парня, а я ей случайно помешала в завоевании.

Света.

Вчера я незаметно проскользнула в свою комнатушку. А после не выходила весь вечер. Мне хотелось одиночества. Как и сейчас. Но сегодня мне предстоит выбор. Раз я отказалась от плана с сокрытием меня. То нужно задуматься. Как я вернусь в общество моего класса.

С опущенной головой или с гордо поднятой.

Почему так не просто принимать решение кем быть? Охота просто жить. Но нужно общаться с другими и взаимодействовать. А поэтому нужно принимать решение какой ты хочешь быть в обществе.

Невидимкой у меня не получилось быть. В нынешней ситуации этот выбор не приведет меня к успеху. Притворяться, что мир тебя не касается — глупо. Ведь это ложь. Мир независимо от моего решения будет касаться меня. И взаимодействовать со мной. Даже при моем отрешении.

Эти варианты не для меня.

Вдох-выдох.

Я пока не могу выбрать. Значит мне поможет моё перевоплощение.

Главный урок моделинга. Игра теней. В глубине глаз. Имитация чувств во время сессии.

Какую маску я выберу сегодня?

Но даже тренировка не помогает мне. Я выхожу из комнаты в растерянных чувствах. Не зная как быть.

А судьба уже отправила мне проверку. В лице человека.

Света в короткой обтягивающей юбке стояла в коридоре. Она опиралась на стену, а руки скрестила у груди. Приподнимая ее. Волосы уложены. Макияж идеален.

Я в сравнении с ней кажусь помятой.

Она видит меня. И ее глаза загораются. Она ждала меня.

— У тебя заказать можно? — с ухмылкой уточнила Света. Она придирчиво

рассматривала свой маникюр, но изредка бросала взгляд на меня. — Ой, или правильное, тебя заказать?

Невинный взгляд. Губы раскрылись буквой «о». Она притворно выпучила глаза в удивлении.

А я медленно закипаю.

Успокойся, Малахит. Она специально провоцирует. Не попадайся на ее уловку.

— Для кого заказ? — подхожу к ней и нагибаюсь, что сказать ей на ухо. — Если для Матвея, то не нужно. Он в состоянии сам это сделать.

Шипение сестренки приятно радует. Она отталкивает меня с визгом, а потом нацеливает в мою грудь наманикюренным ноготком и шипит.

— Ты еще пожалеешь, сиротка, поняла. Что перешла мне дорогу. Тебе вчера помогли. Но не думай, что спасители всегда будут рядом с тобой.

Света хватает сумку со стула и легкий плащик. Она вылетает из квартиры, не забыв громко хлопнуть дверью.

— Оксана, — окрик тети заставляет меня поморщиться. — Не смей хлопать дверьми. А то вычту из твоего содержания.

Закатываю глаза и выбегаю из надоевшего до самых чертиков дома.

Вылетаю из подъезда и сбиваю с ног Арину.

— Ай!

— Ой, Арина! Ты почему здесь? Ты ведь раньше выходишь?

Девушка потирает пострадавший бок и протягивает мне руку. Помогаю ей, а сама думаю. Дурочка она преданная. Ведь нужно о себе думать, а не о других.

Быстрее пытаюсь сообразить как отогнать ее. До прихода в школу.

— Арин, иди одна до школы. Без меня.

— Прогоняешь?

— Прошу, — устало потираю лицо.

Арина как-то странно протяжно вздыхает и отворачивается от меня. И только промелькнувшая слезинка проясняет все для меня. Она едва сдерживает слезы.

Вот дура я. Она ведь вчера тоже натерпелась. А вместо того, чтобы поддержать ее — прогоняю. Сухарем была ты Ксю. Сухарем и осталась.

Вместо тысячи слов подхожу к ней и обнимаю. Всклип Арина не смогла удержать. Она тихонько плакала в моих объятиях и украдкой стирала слезы с щек.

— Я успокоилась. С-спасибо.

Она достает зеркальце и увлажняющие влажные салфетки. Ими она приводит в порядок лицо и уже не так заметен ее срыв. На щеке есть совсем маленькая фиолетовая точка. Она не заметна на расстоянии.

Но она есть.

— Вчера Глеб и Рустам нам помогли, — начала я. Арина вздрогнула и неестественно замерла. — Но они не всегда смогут оказаться поблизости. Ты можешь пострадать. Из-за меня.

Добавляю последние слова сквозь стиснутые зубы.

«Из-за меня».

Слова возрождающие в любом вину. Которая постепенно убивает самого носителя вины.

— Глеб вчера сильно разозлился, когда увидел Динин беспредел.

— Реакция любого нормального человека.

— От Ксюши и ее подруги, — безэмоционально добавила Арина и опять ее странный выдох.

— Ты опять плакать? — встревоженно уточнила я. — Платка я не захватила. Ты учти это.

Пытаюсь растормозить девчонку, но она как-то странно с потаенной болью смотрит мне в глаза. А потом моргает. И все исчезает. словно померещилось уже мне.

— Пойдем в школу, Ксюша. Я не брошу тебя.

Арина предлагает взять ее под руку, а я с заминкой соглашаюсь. Никогда так не ходила. Для меня это дико. Но ее слова согревают душу. Надеюсь она искренняя со мной.

Школа нас встречает противными шепотками. Когда никто не рискует высказать свои претензии в лицо, но за спиной с легкостью. Нас провожают взглядами. А заговорить никто не решается.

Ну и черт с ними.

Класс же встречает нас гробовым молчанием.

Глеба и Матвея не было. Матвей не мог бросить соревнования, хоть и рвался вернуться. С пометкой «ради меня». А я... не хотела видеть его снова спасающим меня. Особенно после помощи Глеба.

Кстати про него. Я раньше не замечала, что в школе Глеб и Рустам разделяются. Мне казалось они вдвоем ходят куда угодно. Но сегодня за последней партой сидел один лишь Рустам. Он увидел меня и подмигнул.

Это он мне?

Проходим по проходу к своим местам и молча садимся.

На Свету я не смотрю из принципа. Она первая начинает говорить со своими подружками Тинами. И блогерши подхватив игру громко ей отвечали. В след за ними постепенно поднялся обычный гул класса.

Я достала тетради и учебник, но тут меня накрыла тень. Я напрягаюсь. Потому что я чувствую ото всюду опасность. Любой сейчас может подойти и плюнуть на меня.

Мужской запах одеколона знаком мне. Но откуда?

— Привет, Малахит, — Денис с улыбкой протягивает мне пару листков. Но я не беру их. Я с недоумением смотрю на него и не понимаю. Что он делает. Денис не расстроился из-за моего игнора с листками. Он молча положил их передо мной. — Смотри. Это фотографии красивых мест в разное время. Я в прошлом году делал. Предлагаю выбрать одно из этих мест. Для фотосессии.

— Фотосессии?

— Для конкурса, — напоминает мне Ден.

Я оглядываюсь, потому что не слышу. Не слышу гула одноклассников, их просьб о списывании и прочем. Все уставились на нас. На меня и Дениса.

— Кстати я рассмотрел твои фотографии с теста и снэпов. Мне особенно запомнились тест пять и семь. Предлагаю их опробовать. А тему хочу взять сирен. Вода, сирены и рассвет. С греческими мотивами. Думаю пойдет на ура.

С очумевшим взглядом смотрю на Дениса. Он что сейчас меня спасает. Он будто всем объясняет откуда могут взяться фото. Он всем рассказывает мой секрет. Про мою реальную карьеру.

Если бы я кричала, что я модель. И фотки с листовок — это украденные у меня работы.

То не добила́сь успеха. Все бы покрутили около виска пальцем и крикнули "чокнутая". А слово одноклассника, который считается у них темной лошадкой. Это совсем другое дело. От него проще принять правду, чем от приезжей девицы с облегченной репутацией.

Денис предлагает помощь.

Он настолько уверен в себе? Да и сомневаюсь, что его страшит слух о его подработке в интим сфере.

— Спасибо, — шепчу я одними губами. И чуть громче добавляю. — Идея с сиренами потрясающая.

— Я уже вижу, какой сделаю тебе макияж, — воодушевлено проговорила Арина и уткнулась в телефон.

Денис кивнул мне и вернулся на свое место.

Одноклассники переглядывались. Одна только Аня с доброй усмешкой поглядывала на меня. Когда Саша тоже захотел повернуть голову ко мне, она резко к нему придвинулась. Отвлекая его на себя.

— Ты правда модель? — тихо подкралась ко мне Болтушка.

Девушка среднего роста, но заметными килограммами по бокам и талии. Она не была неуклюжей. И ее не портил лишний вес. Но девушкой она была габаритной.

Отвечать мне ей не хотелось. И только я открыла рот, чтобы прогнать ее.

Прозвенел звонок.

У нас должна быть математика. А Алексей Иванович не любит находить школьников не на своём месте.

Олеся не дожидаясь ответа ретировалась к себе.

Прошло пять минут с начала урока. Ни учителя, ни Глеба не было. Что-то с ним произошло?

Достаю телефон, чтобы проверить последние сообщения от него. Вчера я почти весь вечер с ним прочатилась. Мы притирались друг другу. Пробовали шутки из старого арсенала. Проверили общность вкусов.

Мне кажется я не сошла с ума вчера. Только благодаря ему. Но непрочитанных нет.

А мое "Доброе утро!" Так и висело не прочитанным.

— Так класс, — Алексей Иванович стремительно ворвался в класс, а за ним не торопясь проследовал Глеб. — Извините за задержку. Обсуждали проектную работу. Глеб садись.

— Проектную? — подняла голову Маша. Отличница с первой парты. — Разве я не должна была присутствовать.

— Маш, — мягко начал учитель. — Я думаю занять тебя другой работой.

— Но...

— Дослушай, — приказал твердо мужчина. — У тебя сильная сторона в анализе. А не в вычислениях. У Глеба работа полностью завязана на высчитывании сложнейших вычислений.

— Но он ведь один не справится, — насупилась одноклассница. В ее голосе появилась плаксивые нотки, а нос подозрительно зашмыгал.

— Поэтому мы и обсуждали новую кандидатуру. Глеб, скажешь кого решил выбрать. На выбор: Юрьева, Исаев или Малахова?

Глеб выровнялся около парты и молча рассматривал класс. В классе повисло напряжение. Которое парень специально создавал вокруг себя.

Его верный друг, местная царица или пришлая эскортница.

Кого выберет староста и королевич класса.

То, что меня успел выделить Алексей Иванович, меня не удивило. Он с первой недели начал ко мне присматриваться. Он аккуратно предлагал работу в проекте. Но я благоразумно отказывалась.

Математика мне нравилась, но проводить дополнительные часы над вычислениями не хотела.

Сестренка тоже оказалась не душой. Считать и решать задачи она точно умела.

А Рустам. Ему либо было лень учиться, либо времени не хватало из-за сборов. Голова была, но он ею редко пользовался.

Но к чему поднялся вопрос о проекте сейчас. Я не понимала. Это можно было обсудить после уроков.

Если только...

Глеб блуждал по классу пока не остановился на мне.

Зрительный контакт состоялся. И словно в замедленной съемке вижу как его губы улыбаются. А потом произносят:

— Малахова.

Девичий ох сорвал фитиль. Класс загомонил. Королевич выбрал претендента на роль изгоя и девочку для травли. Он сделал выбор между своим другом и царицей. Отдав предпочтение к пришлой. Он только что вытащил меня из ямы.

Я же видела одни лишь серые глаза. И не могла оторваться.

Спасибо, что читаете историю:)

Хотелось бы увидеть вашу реакцию на нее. Что думаете о ней)

Поставьте звездочку ** или напишите комментарии.

А со следующей главы Ксю_и_Глеб будут встречаться гораздо чаще.

Ирина Л.

— Ну и холодина, — Денис перенес сумку с аппаратурой на сухое место и поежился. — Ксю, я тебе скажу правду. Я тебе не завидую. Но придется сделать это сегодня.

— Я смотрела прогноз погоды, — с сочувствием посмотрела на меня Арина. — Но это последний теплый денек в ноябре. И ясный. Потом весь месяц обещают дожди.

— Ксю, я принес коньяк на конец съемки. И теплые полотенца на всех, — Ден потряс бутылкой и принялся за распаковку сумки.

— А я в термосе чай принесла.

Арина в теплой куртке и шапке расставляла что-то из косметики и что-то из украшений. Денис тоже готовился. Он раскручивал отражатель и устанавливал платформу. Ему хотелось выровнять световую дорожку при помощи осветителя. Одноклассник стоял на камнях в утепленной кожаной куртке и в серой с тонкими полосками фуражке. А на ногах сидели резиновые высокие сапоги.

— А вы, я смотрю, подготовились, — едко подмечаю и отпиваю маленькими глотками горячий черный кофе. — И не скажешь, что южане.

Ребята переглянулись и рассмеялись.

— Прости, что не сказали.

— Мы привыкли, что у моря всегда прохладно.

— Особенно утром.

— И не летом.

Черт возьми, логично.

Я-то привыкла, что зимой мы к водоему ходим в телогрейке или в семидесяти слоеном одеянии. А не в одной тепленькой курточке и тоненькой шапочке. Больше спасение от ветра, чем от холода.

— Скоро рассвет, — предупредил Денис.

Я молча кивнула и встала.

Мне сегодня предстоит подвиг. Главная съемка для конкурса. Идея к Денису пришла спонтанно. Скорее это была выдумка как спасти меня в тот день. Но потом обсудив, мы поняли как гениально просто она звучит.

Задумывался кадр на рассвете в волнах моря. Меня решили нарядить по образу сирены. Распушенные влажные волосы. Легкое платье, которое кажется прозрачным. Хищность во взгляде и в то же время призыв в позе.

Я должна призывать жертв и одновременно пугать. Я буду как огонек для мотыльков, только для моряков.

Эти несколько дней я готовилась. Подолгу разглядывала себя в зеркало и разрабатывала позу со взглядами. Это не должно быть пошло. Это должно получиться эротично и зазывающее. И самую малость зловеще.

Ведь моряки понимали, что их ждет. Но все равно шли на смерть.

Я скидываю с себя куртку и джинсы. На мне уже надето платье под водолазкой. Материал для платья Арина предложила крепдешинное. Оно не мнется, но хорошо драпируется. Крепдешин это более плотный шелк. И мне в воде будет не так холодно. Как если бы я была в его собрате. К тому же крепдешинное полотно легкое и создаст нужный эффект для сирены. Женственность во всем. Но нам не нужно, чтобы «лишнее»

выглядывало. Как обстояло бы дело с шифоном.

Иными словами после длинной лекции Арины о тканях. Мы выбрали крепдешиновое платье в бельевом стиле.

Для волос сделали эффект мокрых волос. А макияж с акцентом на глаза и брови, с бронзовыми румянами. Еще Арина увеличила губы с помощью оттенка нюд, карандаша и блеска.

Я до сих не видела себя в зеркале. Но по выражению лица Дениса могу сказать нужный эффект сделан.

Естественность, притягательность и опасность.

Холодный морской ветер неприятно обдувал. На мне все же платье из легкой ткани. А под ним тонкое кружевное белье и всё.

Арина поправляет волосы. Которые совсем уж неприятно холодили спину.

— Ксюш, только так, — с сочувствием прошептала подруга. — Будет красиво. Но холодно.

Денис подходит со стаканом и трубочкой.

— Держи, сделай хотя бы глоток.

— Что там? — с дрожащей рукой взяла напиток и вдохнула запах. — Фу, там ведь коньяк.

— Пей, иначе не сможешь сосредоточиться.

Денис не преклонен.

Ладно, от одного глотка я не напьюсь. Но ведь действительно лезть в воду с голыми ногами вовсе не хочется.

А надо.

— Ух, — охнула я после огнедышащего глоточка. — Блин, как горячо.

Я вся сморщилась. А тело передернулось.

Но дело сделано и тепло побежало.

Отдаю Арине последнее. Скидываю куртку с уверенным непроницаемым лицом и отправляюсь к воде.

Рассвет мерцал на горизонте. Первые лучи уже показались и весь берег озарился розоватым светом.

У нас в запасе было полчаса. Рассвет и закат на юге проходили быстро. Даже незаметно. Было светло и вдруг темно. Или наоборот. Сам момент застать сложно.

Только если ты не безумный фотограф как Денис.

Именно поэтому на часах нет еще шести утра. Мы продрогшие готовимся к съемке. И девиз нашей работы «либо сейчас, либо никогда».

Первый шаг в воду. И кожа закололась миллионами иголок. Я сжалась и остановилась. Но мне нужно пройти десять шагов и взобраться на огромный каменный валун.

Вдох-выдох.

Второй шаг дался уже проще. Я привыкала к холоду воды и ветра. Но долго находиться я не смогу. Так что полчаса на съемку и на выход.

— Ксю, ты готова?

Кое-как взобралась на мокрый камень и уселась.

Ступни оставались в воде. За спиной ветер поднимал невысокие волны. Но некоторые капли попадали на меня.

Как же холодно!

Денис в высоких сапогах с камерой в непромокаемом чехле. Арина направляет слабый осветитель в сторону меня, создавая дорожку от камня до берега.

— Рассвет! — кричит Ден. — Пора.

Закрываю глаза и вспоминаю свою тренировку.

Но перед глазами появляется Глеб.

После урока я его словила у выхода и поблагодарила. Он не ответил мне. Но в его серых глазах было столько ярких эмоций. Что я зависла.

— Молодец, Ксюша. То что нужно.

Что?

Я поймала нужную мысль?

— Взгляд затуманенный. С тайнами в глубине. Поза с призывом. Ты охотница за бедными моряками.

С безумными выкриками Ден летал вокруг меня.

Его не беспокоили брызги, волны или холод.

А я сосредоточилась на мыслях о Глебе. Он — моя тайна. Мой туман. Если кого я и хочу призвать и захватить в плен. Так это — его.

Но его ждет опасность если приблизится ко мне.

Я опасность для него.

— Ксю, гудовно! — продолжает кричать Ден. — Арина, перенеси свет вправо, а теперь влево. И добавь отражатель снизу слева.

Я меня позу. А потом еще.

То обе ноги в воде скрещены. То одна на камне и согнута. То облакачиваюсь на камень, то держу спину прямо.

Для меня естественно менять позы. И эта естественность проявляется на фотографиях.

И я отдалась, этому мигу со всем скопившимся энтузиазмом.

— Все, Ксюша, — усталым голосом, но с довольным лицом Денис вышел на берег. — Рассвет прошел. Фотки сделаны. И слазь живо, а то заболеешь!

Спрыгнула в воду и вздрогнула. Во время работы забыла про холод. А сейчас. Каждая косточка в теле у меня продрогла. И я, скукоженная, медленным шагом передвигалась по воде.

Меня встретил Денис. Подхватив у кромки воды, он перенес меня на сухое подготовленное место. Арина ждала меня с полотенцами, и сменной одеждой.

Я укуталась как в кокон из махровых банных полотенец и переместилась в раздевалку. Там я скинула наряд сирены с бельем и нацепила все утепленное.

— Держи, тут горячий чай с травами. Тут бутерброд. Кушай, а то остынет.

Арина как бабушка-наседка окружила меня заботой. Поддала мне термос, а когда я делала жадный кусок от бутера, наоборот отбирала его.

Я насыщалась и постепенно согревалась. В теплой куртке и обуви, и с теплым напитком внутри.

— Спасибо, — прочавкала я.

Арина улыбнулась мне, но грусть в глазах не прошла.

Если с утра печаль можно списать на сочувствие, то сейчас отчетливо видно. Арина грустит. И это не жалость.

— Арин, — прожевав, тихо позвала ее. — С тобой все хорошо?

— Конечно, Ксюш, — поспешно отозвалась она. — С чего такой вопрос?

— Ты грустная.

Не умею быть тактичной. Прямолинейность мне ближе. Ждать подходящего момента не про меня.

Но от того, как сморщилось личико Арины, я почувствовала укол вины. Может нужно поучиться тактичности. Хотя бы ради таких вот людей как она. Ранимых и нежных.

— Это наверно запретная тема, — попыталась отшутиться я.

Арина смущено взглянула на меня, а потом натянуто улыбнулась.

— Я тебе когда-нибудь расскажу об этом. Обещаю.

Мы выходим из кабинки. Ден давно доел свой завтрак и собрал почти все атрибуты фотографа. Застегивая сумку, он разглядывал берег в поисках забытых вещей.

— А что тут забыл Мрак, — с удивлением спросил он, вглядываясь вдаль.

Я оглянулась в нужную сторону и напряглась.

В нашу сторону вразвалочку направлялся Матвей. Ветер трепал его волосы, создавая хаос на его голове. Но ему шел такой образ.

Он пожал руку Денису, потрепал по голове Арину и приблизился ко мне.

— Привет, Малахит.

Арина тихонько подкралась ко мне и протянула снятое на время съемок кольцо. А Матвей перехватил его, и протянул мне.

Его жест создавал неловкость. Он с моим кольцом напоминал жениха. Смутить меня этим было сложно. Поэтому я с кривой улыбкой протянула руку, а Матвей с торжествующей миной натянул кольцо.

— При свидетелях, — хмыкнул «жених».

Я же только отмахнулась от него и прошла мимо.

Мы поднимались по ступенькам. Ден нес аппаратуру, Арина косметику, я одежду. Матвей подхватил сумки с теплыми покрывалами и потопал в ногу со мной.

У него не сбивалось дыхание, когда я уже с трудом дышала. А он умудрялся еще и говорить:

— Прости меня, Малахит. Я не предполагал, что она так поступит. Но я с ней поговорил. И предупредил, что с ней станет, если тронет тебя. Как только прилетел так сразу к вам. А тебя нет. Как ты? Я понимаю это...

— Матвей, — перебила его и остановилась. — Зачем ты все это делаешь?

— Ты мне нравишься, — нежно прошептал парень и придвинулся. — И я хочу обнять тебя и поцеловать. Если позволишь.

Я отступаю от него. А Матвей, заметив, нахмурился.

— Я понимаю, что ты обижена на меня. Из-за меня ты пострадала. Я посмотрел твои фотки в сети. Я заметил, как ты балдеешь от моды. И все такое. Как и все девчонки. Поэтому...

— Что?

Выкрикиваю я и недовольно кривлюсь.

— Балдею от моды? Где ты это видел?

Матвей развязано улыбнулся и придвинулся, не замечая, что оказался слишком близко.

— Ну там у тебя много разных фоток, где ты наряжена и очень сексуальна. Я прям завелся.

— Ты видимо не понял, — с пафосом произнесла я, краем глаза наблюдая за Деном и Ариной. — Я с десяти лет занимаюсь профессиональной съемкой. С этого времени я начала

посещать школу моделей. Я планирую стать моделью. Вообще-то!

— Так я что против, — фыркнул Матвей. — Красавица жена. Бывшая модель. Для бизнесмена естественно.

— Бывшая? Я ведь еще не начала.

С какой-то болью прошептала. А сама новым взглядом рассматривала парня. Он уже все распланировал. Он уже будущее наше продумал. Может уже, знает дату свадьбы и родов первого ребенка.

Теперь понятно, почему он так привязался. У него действительно долгоиграющие планы на меня. Почти на всю жизнь играющие.

— Пару лет поснимаешься, а потом бросишь. Или будешь совмещать с супружеской жизнью. Если не будет мешать нам.

И с обаятельной улыбкой кота снова сделал ко мне шаг.

Как противно.

Он словно забронировал меня.

Как конь с родословной. Богатой и именитой.

О чем он думает?

— К чему я вспомнил о твоём хобби, — с интригующим взглядом продолжил Матвей. — Я купил для тебя две съемки у профи фотографа нашего края. До города нужно ехать часа три, так что я тебя довезу туда и обратно. Почитал отзывы у того фотографа. Одни хвалебные оды. Так что думаю, этот подарок заставит простить меня.

Я порывалась отказать ему.

Честно.

Но я скосила взгляд туда, где недавно стояли ребята. Их не было. Был кое-кто другой.

Высокий парень обнимал симпатичную брюнетку и с чувством целовал в щеку. Ревность заполонила меня без остатка. Контролировать ее не смогла я. Мои чувства к нему помогли мне только что отснять сложную съемку в тяжелых условиях. А тут он целует другую.

Мне ведь думалось, что я ему нравлюсь.

Только это — ложь. И мои фантазии.

Я сама себя обманула.

— На какой вид съемки ты купил?

— Амм, — протянул задумчиво Матвей и достал телефон. И с него прочитал. — Фэшн и бьюти съемка. Надеюсь попал.

Глянула на одноклассника. А ведь он старается.

Ведь он действительно виноват, что на меня тогда напали. Значит его подарок можно и принять. Тем более мне позарез нужны эти фотографии.

— Когда едем?

— Завтра после уроков.

Отворачиваюсь от Глеба с девушкой и иду искать Арину с Деном.

— Ты идешь в школу? — интересуется Матвей. А я только отрицательно машу головой. — Отлично. Я тоже. Могу подвезти до дома. Напишу Дену, чтобы они не ждали тебя.

А я только киваю. Не могу говорить. Словно что-то в горле застряло. А в сердце незнакомая до этого боль. Словно оно живое, а не каменное у меня.

"Не забудь, Малахит, сегодня ты моя!"

Когда у девушки ухажеры, ей обычно присылают милые сообщения с банальным «Добрый утром». А не с предупреждением. Для меня больше напоминающее угрозу.

Уровня: не смей сбежать. А то поймаю.

Не нравится мне это. Совсем. Нужно ограждать от Матвея. А то в следующую поездку не замечу как привезут домой знакомиться с родителями. Тогда все будут думать, что мы действительно встречаемся.

Хотя кому я вру. Мне больше волнует, что об этом может узнать Глеб. Только вот проблемочка выскочила откуда не ждали. Моему однокласснику оказалось плевать. Пока я ломала голову как ему написать, чтобы наша переписка возобновилась. Он встречался с какой-то девушкой.

Как же ревность убивает.

Плюхаюсь в кровать и кричу в подушку. Устала. В соседней комнате громко разговаривает Света. В другой слышу Любочку и ее визгливый голосок. Она заметила складку на своей юбочке и требует от матери перегладить.

— Конечно, Любочка, — пищит тетя Маша.

Фу, как противно. Такая грозная женщина, а пресмыкается перед детьми. Пометка! Взрослыми детьми. Уже на втором или даже третьем курсе университета.

Соскакиваю пока не начну жалеть себя. Джинсы, кофта, сумка. Краситься в школу не хочу. А уход за кожей сделала рано утром. Чтобы не встречаться в ванной с родственниками, я встаю рано утром. Умываюсь, принимаю душ, глажу одежду если нужно. Делаю завтрак и ухожу в комнату досыпать. Или доделывать домашнюю работу.

Спешно перепроверила телефон, а там кроме висящего сообщения от Матвея ничего не было. Удаляю. Мне неприятно на него смотреть.

Что-нибудь с парнем придумаю. Может отвяжется.

Вылетаю незамеченной из дома. Погода приятно холодит. Ноябрь на юге приятнее, чем у нас там. В этом месяце солнце не греет, ветер сильнее дует. Но нет смеси снега, дождя и мороза.

Но еще мне нравится здесь — это воздух. Морской воздух другой. Его приятно вдыхать и он наполняет меня. И заряжает новой светлой энергией.

Возможно когда-нибудь я буду жить на море. Когда-нибудь, но не сейчас.

В школе я перехватываю Арину около кабинета литературы. Сейчас будет мой адский урок. Соседка заинтересовано вчитывается в книгу, а я как-то отстранено смотрю на одноклассников. Матвея нет. Он часто опаздывает на первый урок. А Глеб сейчас провожает сестру. И Рустам с ним.

Аня привалилась к стенке, слушая в наушниках музыку. Она трясла голову в такт. И судя по ритму это был рок. На ее стройных ногах висели потертые джинсы. Вся ее одежда чаще была без размерной. И если кого-то она полнила, то ее делала изящной. Только ее характер не позволял подпустить к себе парней. Но Аню я заметила постоянно провожают заинтересованными переглядками. Все, кроме одного.

Саша только поднялся к кабинету как взглядом тут же нашел свою «мучительницу». Он постарался слиться со стеной и отгородиться ото всех книгой по физике.

Я с интересом за ними подглядывала. Вот значит как. Он от нее, а она?

Аня приоткрыла один глаз и уставилась на то место, где сидел Саша. И направилась к нему.

— Саня, а ты чего не здороваешься, — пропела она и упала к нему на колени.

Это действие привлекло внимание всех.

— Аня, слезь. На нас смотрят, — прошипел покрасневший парень.

— А если не хочу, — с улыбкой проговорила она приближаясь к нему.

Вокруг них словно появился невидимый кокон.

Я во все глаза смотрела на них и что-то во мне болело.

Неужели зависть?

Я тоже хочу такого?

Сесть на колени парню и также флиртовать на грани. Также быть в невидимом коконе с ним.

Или только с одним?

Звонок и требовательный голос Маргариты Геннадьевны.

— Гордеева, что ты опять устроила! Быстро слезай с Воропеева.

Аня оглянулась на учительницу, но в ее глазах не было ни страха, ни наглости. Ей было по боку, что их застали в такой ситуации. Что не скажешь про Сашу. Он нервно взглатывал и уши его покраснели. По нему можно предположить, что он бы давно сбежал.

— Тебе повезло, — пробормотала Аня и скатилась с колен. — Можем идти в класс?

С издевкой уточнила у учительницы девушка и проскользнула первая в кабинет. Одноклассники перешептывались и проходили мимо женщины. Которая пыхла и краснела, но по какой-то причине молчала.

Я подошла к двери, когда кто-то мне толкнул в спину и прошипел.

— С дороги, сиротка.

Сестрица вырвалась вперед, а за ней блогерши. Они переступали порог, словно выходили на красную дорожку. Но помочь они мне не собирались.

Чертовы кинодивы.

— Чего это она? — подскочила ко мне Арина. — В открытую войну устраивает что ли? На нее не похоже.

— Это не война. Это подножка. С кем не бывает.

— Ага, — с недоверием смотрит на меня подруга и продолжает. — А чего тогда у нее выражение лица такое, словно у нее в руках нож для резки мяса.

Маргарита Геннадьевна на нас взглянула и недовольно поморщилась. Мы последние из класса остались стоять в коридоре. Мне осталось только подняться и пройти в кабинет.

— Ох, какая неуклюжая у нас модель. Да, Тина? — громко спрашивает Света у подружек.

Но к удивлению никто на выпад сестры не отреагировал. Более того, кто-то даже пропыхтел устало. А от кого-то было слышно, что она надоела своими нападками.

Я присела за парту, а меня подергали за сумку сзади.

— Не парься на ее выпады, — с улыбкой шепчет мне Нина. — Она так себя ведет, потому что не может ничего сделать.

Я киваю ей, а сама смотрю на последнюю парту. Ксюша сидела и читала книгу. Она не пыталась слиться со шкафом или спуститься вниз. В то же время она не сидела гордо и независимо. Но в ней, к моей радости, пропала эта явная забитость.

Она взглянула на меня и не смутилась. Она мне улыбнулась и продолжила читать дальше.

— Так класс, — грозно начала учительница. — Я проверила ваши работы по великому произведению «Мастеру и Маргарите» и скажу так. В основном все справились. Света у тебя очень хорошая работа. Ты взяла для примера работы критиков того времени. И мне понравился твой анализ. — учительница раздавала работы. И отметила отсутствующих. — А где это Алмазов, Исаев и Марков? Класс?

Одноклассники переглянулись. А потом кто-то зашептал.

— Глеб, походу опять девчонку провожает.

— Кого это?

— Так он ведь кавалер. Обязательно провожает девушек до дома. Несколько раз.

— А Люся?

— Я видела, что ее сегодня мама приводила.

— А Исаев?

— Так у него соревнования.

— А Мрак спит до обеда, — заржал один из Бельковых. — Простите, Маргарита Геннадьевна. Матвей извиняется, что опаздывает.

Я очнулась только, когда почувствовала боль в руках. Я сжала так сильно кулаки. Что остались отметины от ногтей. А один даже надломился. И что меня разозлило, — с досадой отметила я.

Так это разговоры Тин и Светы о похождениях Глеба. Какой он кавалер. Провожает до дома.

Бес-с-сит!

— Дальше класс, — призвала к вниманию учительница. — Больше всего мне не понравилась работа Малаховой. Твое великое мнение о том, что в этом произведении основная идея — это хвалебные рассказы о дьяволе. И что это демоническая книга. И цитирую: «... как по-моему Булгаков был сатанистом, оккультистом и дьяволоманом...». Вызывают сомнения, что ты вообще читала.

С обидой и пафосом произнесла учительница и замерла напротив.

— Так ей ведь некогда заниматься школой. У нее фотосессии и мальчики на уме, — потопила меня Света.

— Да? — с сомнением пробормотала учительница.

— И вообще....

— Да заткнешься ты когда-нибудь? — Бельков оглянулся на Свету и оскалился. — Тебя ведь Мрак предупредил, что будет если не перестанешь хамить.

— Согласен с братом. Ян, помоги вспомнить, — Олег задумчиво почесал затылок. — Как Мрак сказал можно ставить Свету на место. Любыми доступными способами.

Девушка побледнела. А одноклассники с ожиданием глядели на них. Теперь понятно почему Матвей сказал, что я буду под присмотром. Бельковы как братцы из ларца присматривать будут.

Но поднимать бучу при классе не хочу. Не могли что ли увести ее и там поговорить в тишине.

— Маргарита Геннадьевна, — начала я отвечать. — Я так написала, потому что в «Мастере и Маргарите», когда я читала, видела одни упоминания Воланда. И его четверки Апокалипсиса. И казалось, что автор столько восхищения испытывал при письме этих

персонажей. Так как-то невольно начинаешь предполагать о сатанизме. И если добавить книгу «Собачье сердце», то такие виды операции чем-то напоминают оккультные работы. И это сугубо мое личное мнение. К тому же сочинение-эссе — это сочинение рассуждение. А значит мнение автора сочинения. То что оно расходится с вашим, не значит что оно плохое. А значит, что оно другое.

Учительница подошла ко мне и внимательно слушала меня возвышаясь надо мной.

— Но ставить оценку это моя работа. И твоей я ставлю тройку. Потому что ты не поняла смысл книги.

Я не поняла? Я не читала?

Да я убила на эту книжку несколько дней. Только для того, чтобы хоть как-то написать это эссе. А писала я вообще несколько часов, чтобы четверку получить. Я для этого на сайты про сатанистов вышла из-за тематики книги.

Да чтоб она жрала тетрадные листы, — подумала я и отвернулась.

Я так и кипела весь урок. И еще несколько следующих. Арина опасалась со мной общаться из-за этого. Света больше не трогала после угрозы Бельковых. Мрак закидывал меня сообщениями. А Глеба не было.

Его черт возьми не было.

Он что до сих ублажает вчерашнюю девушку в постели. Он ведь не девственник. Чем ему еще заниматься со взрослой девушкой. А по ней можно было предположить, что она старше.

На физкультуре мы вяло перекидываем друг другу баскетбольные мячи. И именно на этом уроке появился Матвей. Он не в спортивной форме зашел в зал как телезвезда. Всем махает и улыбается. У него я смотрю хорошее настроение. Я же стою одинокая и угрюмая.

Он ко мне подошел с широкой улыбкой и прошептал в ухо:

— Не забыла? Ты моя сегодня.

— Если бы даже хотела забыть, не смогла, — проворчала я. — Ты сегодня мне весь день пишешь об этом.

— Я старался, — проворковал Матвей.

Его позвал физрук.

— Малахит, жди. Сегодня мы с тобой поедem в город за твоими возможностями.

Парень упорхнул. А Света полыхнула злющим взглядом.

А плевать.

Сегодня хоть отдохну немного.

Я устало села на скамейку пока не было учителя. Арина тоже присела и печально вздохнула.

— Не грусти, — поддерживаю ее. — У тебя все будет хорошо.

— Ты это знаешь?

— А то, — подмигиваю ей.

В спорт зал чинно зашел Алексей Иванович и огляделся. Он кого-то искал. А когда нашел, направился к нужному школьнику.

И им оказалась я.

— Здравствуй, Ксения. Сегодня сможешь на час задержаться. На счет проекта. Нужно раздать листки для решений, и разделить вопросы.

— Хорошо, — согласно киваю. Но вспоминаю. — Но Глеба нет сегодня.

— Знаю. Поэтому я и пришел.

Улыбнулся мужчина и пошел на выход.

На вид строгий дядька, а на деле хороший мужик. Ему главное, чтобы ученик слушал. А понять или нет — это заслуга учителя.

— А чего тут забыл математик, — как черт появился Матвей и спросил про учителя.

— Попросил задержаться на час, — говорю я и встаю. — Поездка терпит отложения на час?

— Да, я тогда за тачкой сгоняю. И встречу тебя. Не вздумай убежать!

Требуется от меня Мрак и уходит. Напоследок остановился у Бельковых и о чем-то их спросил. Они переглянулись, а потом кивнули в сторону Светы и заговорили.

Отчитываются перед другом за охрану.

Лицо Матвея заметно потемнело. И он взглянул на сестренку. Побледневшее личико девушки и ее полусогнутые ноги, говорили громче слов. Она поняла предостережение не лезть.

— Арин, — зову девушку. — Скажешь, что мне плохо.

— А тебе плохо, — встревожено спрашивает девушка и кидает бэмби мяч. Маша не успевает поймать и он попадает ей прямо в нос.

— Ау, — застонала одноклассница.

Арина испугалась и осела на скамейку. К Маше сбежались девчонки, чтобы поддержать. Кто-то поддавал салфетки, чтобы остановить кровь из носа.

Я потрепала соседку, но та резко подскочила к пострадавшей.

Пока появилась суматоха, я улизнула. Вышла из спортзала и направилась в раздевалки. И со звонком пошла в кабинет математики.

У многих классов это был последний урок. И школьники вылетали из кабинетов на встречу с волей. Я обходила школьников, а кого-то наглого пихнула. Он что-то зашипел в спину, но я не обращала внимание.

Я до сих пор злилась. Меня выводило из себя все. Шум детишек, просьба учителя, отсутствие Глеба.

Почему Глеб не ведет себя так же как Матвей?

Почему Матвей не может, не приставая ко мне, хотеть меня. А Глеб наоборот ко мне приставать. Я бы с большим удовольствием согласилась на приставания Алмазова.

К тому же Алмазова Ксения звучит лучше, чем Маркова.

Тьфу!

О чем я думаю? Я себе что ли только что подбирала фамилию?

Как другие девчонки!

Тьфу!

Или не тьфу?

— Алексей Иванович, вы тут?

Захожу в кабинет и первого кого вижу — это Глеб.

Он сидел за первой партой и что-то решал. Поднял голову, увидел меня и улыбнулся. Так открыто, что во мне что-то защемило. Подозреваю, что это было мое сердечко. Которое ускорило в несколько раз.

— Тебя не было на уроках, — смогла вымолвить я и села за соседнюю парту. Теперь нас разделял один проход.

— Было дело, — согласился парень. — Держи. Это тебе.

Он протянул руку с листком, на котором записаны задачи.

— Тебе нужно порешать все четные. В проекте нужно решить сто задач с разными уровнями сложностями.

Беру аккуратно бумажку. С целью не дотронуться до него. А потом кивнула и углубилась в чтение задач.

Глеб с недоумением уставился на меня, но промолчал.

Я больше на него не смотрела. Решала задачу за задачей. И чувствовала его взгляд. Он не стеснялся и разглядывал меня.

Надеялся что-то понять?

А я кипела. Хоть покер фейс этого и не показывал. Он встретил меня с улыбкой. Так широко он улыбается только Люсе. Зачем он это сделал мне?

Я ведь человек.

Я сжимала крепко карандаш. Если прислушаться, то можно было заметить скрип ломающегося дерева. Губы поджаты. А тело напряжено.

Почему-то все во мне ловило любое движение рядом сидящего парня.

Глеб заметил мои маневры. Я слышала его напряженное дыхание, перестук палец по парте.

Когда я стала понимать, что скоро произойдет взрыв. И неизвестно кто из нас начнет. Я посмотрела на время и обрадовалась. Час подходил к концу. Облегчено выдохнула, но зря.

— Из-за чего ты злишься?

Его вопрос прозвучал обвиняющее и с каплей обиды.

И я задохнулась от гнева.

— Тебе ли не знать, — прошипела я и повернулась к нему. — Особенно после вчерашнего дня.

Глеб продолжал смотреть на меня с недоумением.

— Ксюш, я тебя не понимаю.

Его ответ проглотил стук захлопнувшейся двери.

Матвей зашел и хлопнул дверкой.

— А ты не одна, — едко подметил парень и подошел ко мне. — Поехали, Малахит, нас ждут грандиозные выходные.

На весь пустой кабинет голос Матвея звучал громко. Даже слишком. Парень уселся на парту, за которой была я. Он пригвоздил меня предвкушающим взглядом и замолчал.

А молчание после его слов было говорящее.

Долго ждать реакцию не пришлось.

— Я вижу в чем реальная причина твоего настроения, — проговорил Глеб, вставая, и ушёл.

— Упс, — причмокнул Матвей. — Кто-то ревнует.

— Заткнись.

Шиплю я и собираю сумку.

Мрак с улыбкой спрыгнул с парты и пошел за мной на выход.

**

— Я видела твои фото, — ходила между аппаратурой Роза. Фотограф, съемку которой купил Матвей. — Тебе нужна фэшн и бьюти. Предлагаю тебе выбрать образ и будем сниматься. Макияж тебе сделает Антон. Он профи в этом.

Антон тощий, с длинной грязной челкой, но с ухоженной кожей, криво улыбнулся и помахал мне кисточкой.

— Ну что ж, тебя я здесь не нужен. Так что скатаюсь я по своим делам, — Матвей приобнял меня и с явным намерением потянулся к моему лицу. Но я отвернулась, и он попал в щеку. С сожалением он отпустил меня и обратился к фотографу: — Через сколько освободитесь?

— Ты заплатил за профессиональные фотографии, — пожала плечами Роза. — Как минимум два часа. Как максимум целая ночь.

— Если что могу доплатить для завтрашнего дня, — с готовностью подхватил одноклассник. — На Малахит не вздумай экономить.

Ему на телефон позвонили и он, ответив, вышел.

— Повезло тебе, девчонка, — с горечью процедила Роза. — Начинаем съемку. Иди выбирай одежду. Она там.

Фотограф махнула рукой в сторону стеллажей и отвернулась.

— А услуги стилиста не входят в прайс? — с удивлением спросила, разглядывая вещи на вешалках.

— Ты не в столице.

— Но и не в деревне, — заметила я, на что фотограф с визажистом переглянулись.

— Тебе что красить? — Антон подошел со спины, когда я выбирала образ.

Долго думать мне не пришлось.

С Ариной мы опробовали идею макияжа для фотографий и сфотали его на телефон. Я протянула аппарат с фотографией и Антон долго молча разглядывал.

— Узнаю работу. Это случаем не работа блогера визажиста атака2000?

Ник Арины узнают и здесь. Но признаваться в знакомстве с блогером мне не хотелось. Что-то во мне возмущалось от знакомства с этими людьми. И какая-то часть меня говорит, что зря я приехала. Лучше бы отсняла нужные мне снимки с Ромой и Денисом. Они хоть не профи в этом виде съемок, но все же ближе.

Или же...

Мне нужно просто взять себя в руки. В будущем мне многие будут не нравиться. Но отказываться от работы — глупо.

— Я хочу такой макияж, — грубо обрубаю интерес Антона. — Ты сможешь сделать?

— Попробую, — кисло отвечает парень и поправляет челку.

Сколько он на нее геля пустил, что она выглядит как грязная?

Фуу.

Вкусы у всех разные, — успокаиваю себя и выбираю наконец наряд.

Платье без бретелек в цветочек. Темно-коричневая расцветка будет подчеркивать зеленый оттенок глаз. А корсет приподнимет грудь. Еще я выбрала в маленькую клетку вуаль с черной шляпой таблеткой. Для этого наряда нужен темный макияж, но вуаль отвлечет вниманием от цветовой гаммы. И тогда при бьюти съемки правда не будет привлекать внимание. Что у меня на лице был один и тот же макияж.

Одеваю платье за ширмой. Корсет у платья удобный. Во-первых, спереди, во-вторых, на аккуратных крючках. Волосы убираю в низкий хвост с небольшим начесом.

— А ты красивая девчонка, — небрежно говорит Антон, когда я сажусь в кресло перед ним. — Будет приятно тебя красить. А то в последнее время приходят с ужасной кожей и требуют скрыть все недостатки. Хотя это проще сделать при помощи фотошопа, а не мейка.

Антон продолжал говорить и красить. Столько информации о прежних посетительницах — придавливало. Казалось, что его много лет затыкали, а тут он сорвался.

И давай вываливать на меня всю информацию. Но он был профи. Признаю. Прошло минут двадцать и он выполнил работу.

Я открыла глаза и отметила. Хоть человек он сомнительный, но визажист хороший. Не такой, как Арина, но неплохой.

— Спасибо, — проговорила я и отправилась к Розе.

Роза готовила место. На фоне вечернего города. Софа с белой кожаной обивкой по центру.

— Первое фэшн? — то ли спрашивает, то ли утверждает.

Но я согласно киваю и прохожу к софе.

— Позы сама будешь придумывать? Или мне?

— Сама.

Не хватало, чтобы мне придумывали что-то. К тому же она точно не заинтересована в моем успехе.

Размяла плечи и села на софу. Ноги раздвинула и локтями облокотилась на колени. Платье перед этим поправив, чтобы не было видно труселей.

В секунду перед щелчком фотоаппарата я вспомнила поцелуй Глеба с другой. Злость и ревность снова затопили меня. И я к своему ужасу поддалась своим эмоциям.

— Обалдеть, — произнесла Роза и заработала затвором. — Давай, Ксю. Размажь взглядом ублюдка!

И я понеслась.

Я меняла позы. Облокачивалась на спинку, закидывала голову и ложилась на живот. На фоне вечернего города, на котором загораются фонари и мелькают фары автомобилей я казалась охотницей. С вуалью я создавала тайну, а в позах я передавала гнев.

Который испарялся из меня.

Вдруг в моей голове появился вопрос.

А если я не права.

В нем было столько недоумения. Может он действительно не делал то, что мне показалось. Он поцеловал ее в щеку. Но так прощаются с близкими людьми, друзьями. Я ведь про него ничего не знаю. Может это его старшая сестра или дальняя родственница.

Вдруг я из-за своей ревности снова затупила?

— Теперь бьют? — с интересом спросила меня Роза.

В девушке появился азарт. Если в начале она неохотно взялась за работу, то сейчас кажется, что она меня не отпустит до следующего дня. По своей инициативе.

Я сажусь под освещение для бьют съемки и снимаю шляпку. Чуть закидываю голову. А перед глазами недоуменное лицо Глеба.

С ним нужно поговорить о ситуации. Ведь он обиделся на мое молчание.

А еще он видел меня с Матвеем. С которым я уезжала.

К тому же длинный язык Мрака выдал предположение о выходных в другом городе вместе.

Твою же...!

— Просто нереально, — произнесла Роза. — Ты прям профессионал. Может тебе еще что-нибудь поснимать?

Я отрицательно махаю.

— Покажешь снимки.

— Конечно.

Я пошла переодеваться, а Роза перекидывать снимки мне на флешку. Обработает мне их Рома. С ним мне приятнее работать. И он к тому же понимает, что я хочу получить.

— Ну что моя модель освободилась?

Матвей зашел в ателье и разглядывал нас внимательным взглядом. Я прячу флешку в карман и киваю.

— Спасибо вам ребят, — обращаюсь к фотографу и визажисту.

— Обращайся!

Кричит из-под рабочего стола Роза и машет рукой. Я вижу только кончики пальцев, но все же попытка засчитана.

Выходим на улицу и холодный порыв ветра раздувает мой плащ. Мои обтянутые джинсами ноги привлекают внимание Матвея. Он долго на них смотрит, пока я не скрываю их верхней одеждой. Мы молча идем по парковке, у машины Матвей тормозит, чтобы открыть мне дверь. И шепчет почти интимно:

— Теперь в отель?

— Мы будем ночевать в разных номерах, — хмуро предупреждаю я, когда парень заводит автомобиль. Он не отвечает и меня это тревожит. — Я серьезно, Матвей!

— Я слышу. Можем в люксе остановиться, — нагло предложил Мрак и ухмыльнулся своей коронной улыбкой.

Он всерьез думает, что я поведусь?

Поворачиваюсь к нему всем корпусом и скрещиваю руки. Ничего, у меня в кошельке накопилась небольшая сумма. Думаю, на хостел хватит. И на ужин. И даже на поездку обратно.

— Нет, — твердо цежу я. — Я поеду с тобой в отель только при наличии двух разных номеров. Или разных отелей, если не хочешь тратиться. Сама. Оплачу.

Мои последние слова злят парня. Это видно невооруженным глазом. Крепко перехватывает руль, сжимает губы, крылья носа раздуваются.

В таком состоянии я вижу его впервые. Или точнее я впервые довожу его до такого состояния. Я осознаю, что прозвище Мрак у него не от фамилии.

От парня сидящего рядом повеяло мраком. Темной густой жижей, которая топит и убивает врага. Его мужской аромат усиленный парфюмом подавлял. И будь моя воля слабее, я бы тут же распалась на миллион атомов.

Вот только Малахит камень. А камень и во мраке остается бездыханным камнем. Я продолжаю смотреть на него несгибаем взглядом. И Мрак отступает.

— Да не обеднею я от дополнительного номера. — по-детски обижено сказал он.

Заселение прошло быстро и без хлопот. Ужин я попросил в номер. Хочу элементарно отдохнуть и насладиться одиночеством. В тетиной квартире это нереальное удовольствие.

Тете я отправила предупреждающее сообщение. Что сегодня меня не будет. И либо она его не прочитала. Либо проигнорировала. Или может даже, надеется на трагический конец моей жизни.

С этими мыслями я приняла ванну, поела и хотела лечь спать.

Стук в дверь остановил меня на полдороги к кровати.

— В одной руке у меня попкорн, в другой кола. Предлагаю посмотреть киношку перед сном, — с порога отрапортовал парень.

Он оттиснул меня от двери и проскользнул внутрь без спроса. Я хочу разозлиться на него. Но я устала. По-человечески просто. Много сильных эмоций из-за Глеба, съемки,

школа. Мне ведь всего семнадцать. Хоть иногда я забываю об этом.

— Матвей, — зову парня, который уже расположился на диване перед телевизором и тыкал по пульта. — Может это все лишнее? Ты не задумывался почему я с тобой такая недотрога? Это ведь не из-за стеснительности. Зачем ты себя ломаешь?

Пытаюсь достучаться до Матвея. Ведь такие парни гордые и редко бегают за девчонками. Особенно, когда они динамят. Хочу отвязаться от давящего внимания парня.

— Я хочу тебя, — торжественно со смесью клоунады произнес Матвей и пронзительно посмотрел. — Ты первая кого мне захотелось добиваться. И-и-и, — оттягивая прошептал он. — Если бы ты сразу сдалась мне, то я бы бросил. Мне захотелось за тобой поухаживать. Мне это понравилось. Ну не прогоняй меня, Малахит! Клянусь! Приставать не буду.

Кладет свою руку на сердце и торжественно клянется.

Только я ему не верю.

Возможно первое предложение правда. И правда то, что я не сдавалась.

Но почему мне хочется выкрикнуть: «Не верю!».

— А если серьезно, Матвей. Мы ведь школьники. Тебе восемнадцать. В этом возрасте естественно девчонок клеить из клуба. И таскать их в постель на одну ночь. А если она отказывается, то не ждать. И искать другую. Более сговорчивую.

Матвей откидывается на диван и запускает руку в волосы. Он улыбается полушутливо и в том же тоне отвечает:

— А ты не думаешь, Малахит. Что мне это уже успело наскучить.

Я приподнимаю в легком движении брови. Как бы сомневаясь в его словах. И он это понимает. Мне нужна правда. Почему я, а не другие.

Почему он вцепился в меня как клещ и не хочет отпускать.

— Дело в моем отце, — вдруг тихо начал он признаваться. — Он с детства учит меня нюху. Как он говорит. Объясняет, что мужчина обязан с первого взгляда чуют, кем он видит другого человека в будущем. Будет ли человек его будущим бизнес партнером или другом. А если женщина... будет ли она согревать его постель. И как долго. Мужчина обязан достигать своих целей. Бизнес партнер обязан с ним работать в связке, друг быть преданным в дружбе, а жена верной в браке. И я чувствую. Что ты, Малахит. Кхм, — поправляет неожиданно для меня Матвей. — Ксюша, будешь моей женой. Я в это верю.

Он потянулся ко мне.

А я даже не заметила, что села рядом с ним на диван. Он говорил так проникновенно, что смог запудрить голову.

Он потянулся ко мне, чтобы поцеловать. Он успел прикоснуться к губам, а я успела отвернуться. Чтобы поцелуй не затянулся.

— Ты обещал не приставать, — глухо отвечаю и встаю. — Мне нужно фотографии разобрать.

И ушла.

Я слышу, как Матвей в соседней комнате включил комедию по телевизору. Слышу как он приглушено смеется. Как он ест попкорн. Я могу выйти к нему и присоединиться. Но не могу. С ним мое сердце остается каменным. Как было всегда при общении с парнями. А лгать самой себе последнее и неблагодарное дело.

Прошел час, а может два.

Кино сменилось на другое. Пропал смех и хруст еды.

Решила выйти и проверить. Может Матвей ушел.

Но нет. Он уснул на диване.

Похоже мы все равно будем спать в одном номере, — со смешком выключаю телек.

Укрываю его пледом и ухожу в комнату.

С Матвеем круто. Мне нравится с ним общаться. Но не чувствую я в нем своего любовника. Ничто во мне не отзывается на него. Может нужно его поцеловать? Но даже на его мимолетное прикосновение к губам во мне просыпались больше отрицательных чувств нежелания. Чем положительные — желания.

А если сравнить с эмоциями, которые пылают, когда рядом Глебом. Все во мне кричит, что это он. Если так, может нужно понять, кто была та брюнетка. Что их связывает. И даже возможно первой поцеловать парня.

Потому что Глеба я хочу целовать. Причем сильно. С продолжением на приставания.

И это меня пугает, и чуточку вдохновляет.

— Ну что Ксюш, будешь работать под псевдонимом? — вбивая последние данные для заявки, спрашивает меня Рома. — Или под своим именем?

— Под своим.

Листаю примерный будущий буклет с моим портфолио. Сегодня я привезла вчерашние снимки и отдала их Роме для обработки. Предыдущие фотографии уже аккуратно разложены по местам, а конкурсная работа ждет своей отправки.

Осталось дело за малым.

— Поражаюсь твоей способностью перевоплощаться, Ксю.

В голосе восхищение и в глазах мечта. А сколько невысказанных надежд я вижу в фотографе. Надеется на мне поднять себе уровень. Но для этого мне нужно полностью отдать себя его ателье.

А этому не бывать. И он это знает.

Поэтому и молчит.

— Я всё сделаю на высшем уровне, — ударил по последней клавише парень и встал. — Можешь быть спокойной.

Я разглядываю Рому и не могу понять. Что со мной не так.

Красивый, ухоженный и интересный парень. Небольшая горбинка на носу его не портит, а придает печальный образ. Ухоженный, но в меру. Каждую секунду прическу точно не поправляет. Или я не замечала этого за ним.

Но почему меня не клинит на нем.

Вот стою я перед ним и ничего. Сердце бьется в своем ритме. На безумства не тянет. У Ромы верхняя губа выпирает над верхней. Но я это заметила только сейчас.

Потому что заставляю себя это видеть.

Что в Глебе такого особенного, что заставляет меня чувствовать. Дышать по-иному.

— Тебя может подвезти?

Рома заметил мой интерес к нему. И в его глазах появился мужской проблеск. Я ему симпатична не только как модель, а еще как девушка.

Надо расставить точки сразу. А то второго Матвея я не вынесу.

— Нет, — отрицательно машу головой и отхожу. — Значит ты сам все отправишь? Сколько с меня?

Достаю кошелек, а мужская рука накрывает мои пальцы. Слегка сжимает и не отпускает.

— Мы ведь договорились. Реклама на конкурсе. Плюс можешь сняться в парочку сессий. Когда найдешь время.

— Значит, — выпутываюсь из его рук и прячу в сумку свои личные вещи. — На связи.

Не прощаясь выхожу.

Иногда грубость помогает показать свое настоящее отношение. А обида другого прервать возможные чувства. Так что Роме полезно на меня обижаться. Как и Матвею. Мрак, конечно, непробиваемый. Вместо того чтобы злиться на меня или обижаться. Он строчит мне сообщения. С извинениями и просьбами.

Утром в отеле я не ждала Матвея. Мне не спалось. Поэтому я встала, собралась и уехала. Оставила записку, что мне нужно срочно собираться и умотала. Приехала к Роме работать

над фотографиями. Собрала портфолио наконец. И теперь я почти участница. Потому что в понедельник Роман обещал отправить заявку.

Матвей не пропал ни на секунду. Из-за него у меня быстро сел телефон. Домой возвращаться мне не хотелось. Там тетя, сестры и возможно все тот же Мрак. Который хоть и извиняется в сообщениях и просит о встрече для дружественного примирения. Я же как-то ему не верю.

Да и не хочу.

Быть его семейным проектом. Стать его женой. И выполнять придуманный им план я не собираюсь.

Пусть Свету просит. Она точно согласится. Даже если придется ползать как собака и лаять на всех.

Прохожу в гастроном. Я не завтракала и не обедала. Идти в ресторан душит внутри Скрудж Мак Дак. Так что выберу себе салатик с соком и поем где-нибудь. Возможно найду приятный подарок себе в честь удачной работы и другим.

Ведь скоро новый год.

Осталось чуть больше месяца. А я как-то не заметила как пролетело время.

Прохожу мимо стеллажей с готовыми салатами и выбираю самый любимый. Гнездо глухаря. Хрустящий картофель с мясом. Только вспоминаю так сразу слюнки начинают течь. Сок яблочный я выбрала в детском отделе. У меня он вызывает больше доверия. А теперь можно и за подарками.

Для Арины я хочу выбрать мягкую игрушку. Милую и добрую, как и она. Может кошечку или единорога. Хожу между полками с игрушками и спотыкаюсь о другого покупателя.

— Извините, я забылась, — шепчу я и обтряхиваю колени.

— Ничего, Ксюш. Не убила.

От его голоса я замираю.

Как же я сразу не заметила. Запах моря, янтарное тепло и моя тахикардия. Алмазовая фамилия ему не подходит. Слишком холодная и обезличенная. Ему действительно ближе что-то янтарное. Теплый камень.

Приподнимаю голову и смотрю на него со знакомой для меня пеленой. Почему такая реакция только на него. Хорошо это или плохо.

Я этого не знаю. И почему такое чувство, что это решающий миг. Я до этого не задумывалась, но сейчас пора бы.

Я тут на один год. Чего я жду от отношений с ним.

Не знаю.

Мы будем вместе спустя год?

Не знаю.

А нужно ли мне рисковать?

Не знаю.

Вот только, что эта за жизнь без риска. Мне всего семнадцать. Разве мне запрещено не думая действовать, а потом сокрушаться или радоваться. Может пора побыть просто школьницей.

Глеб зовет меня Ксюшей. Он игнорирует Малахит. Но Ксюшу — нет. Это Малахит — камень, бесчувственный и с холодным разумом, который принимает взвешенные решения. А Ксюша Малахова — девчонка с большими мечтами. Которая недавно потеряла родителей.

Которая почти одна в этом мире. Она разве не заслуживает немного любви.

Я кажется приняла решение.

Растягиваю губы в нерешительной улыбке. И Глеб отвечает мне взаимностью.

— Я тут подарок Люсе выбираю. Столько кукол, — смеется над собой парень и проводит рукой по голове. — Может поможешь?

— Конечно, — киваю и прохожу взглядом по стеллажам. — Она что-нибудь смотрит? Любит? Играет?

— Если только куклы ЛОЛ.

— Я видела их там, — разворачиваюсь и махаю в обратную сторону.

Но Глеб стоит и не двигается. Поэтому я его хватаю за руку, собираясь повести, но застываю. Это наш первый контакт. Не когда он меня нес и обрабатывал кожу. Это была необходимость. А элементарный физический контакт. Он проводит пальцем по ладони, где недавно была рана от ножа. Проводит по ободку кольца. И приближается.

— Откуда ты такая?

— Тебе точный адрес роддома сказать?

В ответ Глеб только хмыкает, но руки не отпускает.

— Почему ты на меня злилась?

Секундная моя заминка. И я гляжу в серые глаза парня, которые отогревает мое холодное сердце. Мне становится стыдно за свои мысли. Он еще ничего не объяснил. Но я чувствую, что неправильно поняла его действия.

От этого густо краснею. Впервые в жизни.

— Брюнетка. Ты поцеловал ее. Утро четверга. Я видела тебя и ее на набережной.

Глеб хмуро сдвинул брови и уточнил.

— Ты из-за этого так отреагировала?

— Еще потому что в пятницу, говорили как ты провожаешь утром девушек. Что если опаздываешь, то причина одна. И она и так все знакома. В итоге ты целуешь девушку при мне.

— А потом класс подливает огонь слухами, — в понимании кивает мне парень. Он подтягивает мои руки к своему подбородку и кладет его на них. Его губы прикасаются невесомо к пальчикам. А мурашки тот час засеменяют по телу.

О Вселенная помоги, — взмолилась я про себя. — Что будет когда он меня поцелует. А обнимет. А то самое?

Я засмузилась от своих же мыслей. Настолько они были красноречивы и энергичны. Я смогла только зажмуриться, чтобы не выдать парню свои сокровенные фантазии связанные с ним.

— Ты помнишь мою маму? — слушаю его и киваю. — Так вот у нее истерическое расстройство личности.

— А разве такое бывает?

— Оказывается, бывает, — со вздохом отпускает руки и идет в сторону кукол для Люси. — Это не лечится медикаментозно. Но проявляется в некоторых странных формах. Одна из особенностей. Сильное проявление ревности. Та, девушка это младшая сестра моей мамы. Когда у мамы стали проявляться особенности характера особенно сильно. Ревновать она стала всех.

— К тебе?

— Можно и так сказать, — признает факт он. — Тетя любит сестру, даже такую. Но не

хочет провоцировать приступы. Поэтому мы встречаемся почти тайно. И многие кто видел ее. Думают, что я с ней сплю.

Я перевариваю информацию. И мысленно бью себя по голове.

Потому что я идиотка.

Глебу везет прям. Мать истеричка. Девушка идиотка.

Что?

Я ему пока не девушка.

Что?

Какое пока?!

— А я была на съемках, — пытаюсь сменить тему. Потому что голова моя пошла кругом от идиотских подсознательных желаний.

— Матвей тебя туда отвез?

— Ага. Он подарил возможность туда поехать. А я приняла, — замолчала. — потому что восприняла как извинения. Света, проблемы в школе — причина же он. Так что моральная компенсация с него.

— И как тебе? — со странными нотками интересуется Глеб и поглядывает на меня.

— Ты про что?

Не понимаю о чем он и оглядываюсь. Мы дошли до стеллажей с нужными куклами, осталось только выбрать нужную.

— Ты подороже выберешь, или экономный вариант?

Перекидываю вопрос на Люсю и присаживаюсь, чтобы достать привлекшие меня игрушки. Глеб с понимающей улыбкой отвернулся и приблизился к полкам. Он внимательно вчитывался и что-то показывал мне. К моему удивлению, про кукол он знал много. Намного больше меня. И хоть когда-то меня тоже привлекали куклы, в которые я играла, про ЛОЛ я знала мало. У меня были куклы: модели, модельеры, фотографы. Я подбирала им одежду, что-то сама шила, а потом фотографировала на мыльницу. Удавшиеся фото я под контролем мамы распечатывала и вставляла в рамку. За три года я собрала целую коллекцию таких фотографий. Мое хобби переросло в моделинг. Я начала сама участвовать в сессиях. Мама пробовала меня снимать и радовалась, когда у меня удавались снимки. Потом школа моделей. Предсказывание моего первого преподавателя. И многочасовая работа.

В какой-то период мое хобби с куклами отошло на второй план. Потому что катастрофически не хватало времени, чтобы поспать.

Я помню несколько особенно любимых кукол барби. Одна девушка с белыми волосами с переливами из блестящего полиэтилена. Однажды я сушила феном ее волосы и некоторые из них оплавилась. После я проплакала почти сутки.

Отец увидев из-за чего я так расстроилась. Привез из следующей заграничной командировки пару. Кен и барби. В свадебных нарядах.

Эти три куклы оставались моими самыми любимыми многие годы. И даже чуть плавленые волосы меня не раздражали.

И мне казалось, что именно они привели меня в моду. Моделинг. Во все что связано с этим.

— Я думаю этот набор ее порадует, — Глеб поднялся с огромной коробкой в руках.

Я сомнением посмотрела на ценник, вспоминаю разговор с Ариной. Она говорила об отсутствии богатств у Алмазовых. Он уверен в своих силах?

Я открыла рот, чтобы напомнить.

Но не сделала этого.

Только Глеб понял меня без слов.

— Не беспокойся это мне по карману, — хмуро ответил мне и развернулся к кассам.

— С чего ты взял, что я начну тему о деньгах?

— Об этом часто вспоминают, — спокойно оплачивая, начал Глеб. — Особенно после общения с Марковым.

И упрек в глазах. Он действительно ревнует меня? Или у них соперничество? И для них прям важно, чтобы человек занял одну лишь сторону в их битве.

С пакетами в руках мы направились к остановке.

В моей голове вихрем летал вопрос.

Как сказать Глебу, что с Матвеем у нас нет отношений. Как ему намекнуть? И как узнать, что для него важно.

То что я была с ним. С главным словом «я».

Или то, что Матвей вроде как побеждает. И тут главный Матвей.

Это так глупо, — со вздохом поднимаю голову и ловлю лучи закатного солнца.

— Наш автобус.

Тихо произнес Глеб и просигналил водителю. Мест не было и нам пришлось встать впрытык друг другу. Его близость меня смущала. И я осознала, что остро нуждаюсь прояснить окончательно все наши неясности.

— Я-а, — протянула я и замолчала. Глеб придвинулся, подумав, что он не расслышал. А я не могла отвести взгляда от двух спрятанных родинок за ухом. — Я не заинтересована в Матвее.

Глеб посмотрел на меня и отодвинулся.

Он не понял!

Пододвигаюсь к нему сама и встаю на цыпочки.

Я встала на цыпочки. С моим-то ростом. Я привыкла снисходить до кого-то, а не тянуться. Вот только с Глебом я многое делаю впервые. Сейчас к примеру, я впервые оправдываюсь.

— У нас были разные номера. Разные кровати. Утром сегодня я оставила его в отеле и уехала. У нас не то что близости, — хмыкнула я вспоминая тот вечер. — Поцелуя-то не было.

— Даже попыток с его стороны?

— Попытки были. Но все неудачные.

Выдохнув, я очнулась. Мое лицо слишком близко к нему.

Но мне не охота отстраняться от него. Мне не охота создавать стену между нами.

Я чувствую как его дыхание редет. Чувствую его запах. Запах моря и легкую пряность. Я вижу как его адамово яблоко нервно дергается. И даже бисеринку пота, скатившуюся по виску.

А я смачиваю пересохшие губы и поднимаю свой взгляд до его глаз. Серебро мутнеет у него. И в какую-то секунду я замечаю, как он дергается в мою сторону.

— Ох, какая пара красивая, — старушка похлопала Глеба по плечу и встала на выход. — Красивые у вас детки будут в будущем. Не потеряйте главное друг друга по молодой глупости. Других похожих на вас не бывает. Цените это в себе.

Старушка, кряхтя, вышла из автобуса. В цветной яркой шляпе и в плаще цвета фуксии. У нее была насыщено зеленая сумка и красные сапожки ботильоны.

— Оу, — смогла вымолвить я и отступить.

Момент был испорчен.

НО.

Что-то изменилось между нами.

Глеб помог мне выйти из автобуса, поддав руку. Я не споткнулась. А вот руку он мою так и не отпустил.

Вечер подкрался незаметно. Морской ветер продувал насквозь. И было действительно прохладно. Но не было привычного для меня снега и слякоти. О приходе зимы напоминала только дата в телефоне и порывы прохладного ветра с пожухшей на некоторых деревьях листвой.

— Тебе не привычно отсутствие снега? — спросил Глеб, когда я заметила свет фонаря у моего подъезда.

— Да, — согласно кивнула. — А ты тут родился?

Он не ответил. Он прижал к своему телу мою руку и погладил своим большим пальцем ладонь. Мурашки выстроились в ряд танцевать ламбаду. Думать о чем-то я не могла.

На меня нахлынули воспоминания, что я не так давно отказывалась от Глеба по ряду причин.

Первая, я отсюда хочу уехать. Это временно пристанище. А отношения — это связка.

Второе, я боюсь отказаться от мечты ради него. Мечту, которую я лелеяла много лет и обсуждала с мамой.

А третье, моя подруга возможно страдает из этого парня. А я лишаю даже минимального шанса на счастье ее.

Но все мои причины отказа ему улетели от его прикосновений. Мы подошли к фонарю и замерли друг перед другом. Об этом миге девчонки мечтают при чтении художки от которой меня тошнит. Я всегда насмеялась над Маринкой, подружки из школы моделей, когда она рассказывала про свидания. Как она ждала первый поцелуй со следующим парнем. Она даже анализировала характер по поцелую парня.

Но я никогда об этом не мечтала.

Момент, когда Глеб прикоснулся губами к моим я пропустила. Либо стресс, либо не знание сыграли со мной в злую шутку.

Вместо того, чтобы насладиться его поцелуем. Я замерла и не ответила.

Я только чувствовала его осторожные касания.

Я хотела ему ответить. Хотела раскрыться и поцеловать в ответ.

Но нам не дали продолжить.

— Какого черт? — выкрик парня прервал нас.

Я не узнала голос вначале. Пока не увидела обладателя.

Матвей в черной рубашке, пиджаке и утепленном пальто стоял перед нами. В его руках поник букет белых роз, украшенный зелеными камушками на лепестках.

Вселенная, тебе-то хоть смешно. Раз так подставляешь, — хмуро поинтересовалась я, наблюдая за парнями.

— Класс, — Валерия Ивановна стояла около своего стола и вещала новости. — До конца четверти осталась неделя. Вам нужно досдать работы, чтобы учителя проставили вам оценки. У кого-то есть проблемы. К примеру, у А-ани ты завалила контрольную по физике.

— Знаю, — протянула Аня. — Мне Сашка поможет подготовиться к контрольной.

Воропеев уставился на нее и прошептал что-то ей на ухо. Она растянула губы в улыбке и приблизилась к нему.

— Обязательно, Саш.

— Тогда, Саш, ты ответственен за Аню. Чтобы она сдала.

— Но Валерия Ивановна, — возмутился парень. — Она ведь знает все темы.

— Тогда как ты объяснишь, что она не сдала. — Воропеев опешил и замолчал. — Значит ты ей поможешь разобраться, чтобы у нее всё получилось, — подметила учительница и заглянула в шпаргалку. — Дальше... Арина у тебя с математикой проблема.

— Знаю, — подруга скривила личико и приподнялась с места. — У меня две темы не сданы. И контрольная плохо написана.

— Тогда кого ты выберешь для помощи в изучение?

Арина бросила взгляд на задние парты и покраснела. А потом она тихонько спросила меня.

— Ксюш, поможешь?

Киваю и тоже оборачиваюсь назад. На пустое место Глеба и Матвея. Ни того, ни другого нет на месте.

— Мне Ксюша поможет, — пискнула Арина и вернулась на свое место.

— Хорошо, — кивнула нам учительница. — Ксюш, а что у тебя с литературой? Тройки и четверки. На пять вытянуть не можешь?

Поднимаю голову и смотрю на девушку. Молодую и неопытную учительницу, которая с воодушевлением подошла к преподаванию. Мне она нравится. Но кажется немного наивной. Ей бы кто-нибудь сильный в пару. Тот кто будет охранять ее от нападок.

К чему этот бред в моей голове?

— Не нашла общий язык с литераторшой.

Призналась я.

В классе последовали смешки. Наши боевые действия на уроках русского и литературы скоро войдут в историю школы.

Она придирается к любому моему сочинению, к любому мнению, к любому ответу на вопрос. Ей во всем кажется моя насмешка над ней и ее предметом.

Как она сказала:

«Ваше самомнение, Малахова, вызывает презрение».

А потом добавила Свете:

«Светочка, вы прекрасно ловите мысль автора».

На мой вопрос: «откуда она знает мысли автора? Вдруг автор, когда писал, вообще не думал о тонкостях мироздания. Может ему просто хотелось написать это все».

Мне сказали, что я дура.

В иносказательном смысле.

— Она... не понимает тонкости русской классики, — заметила Света и добавила. — Не

дано той, что вертит задом перед камерой, понять головой мудрость предков.

— Круто сказано, — Тина номер один показала класс сестренке.

— Надо записать и выложить в инсту, — пробормотала вторая.

— Вот стерва, — прошипела за мной Нина.

Арина с недоумением поглядывала на Свету и на меня. Она помнила, когда Бельковы защитили меня от лица Мрака, а после выходных все изменилось. Света продолжила свои нападки, к ней присоединились Тины. Бельковы молчали. Матвей исчез. Как и Глеб.

Алексей Иванович передал, что Алмазов на олимпиаде в другом городе. Проектную часть работы я ему сдала. Но и на этом информация, где Глеб, заканчивается.

Матвей то ли на соревнованиях, то ли семья его куда-то увезла.

Но факт остается фактом.

Оба парня исчезли после встречи под моим подъездом. Единственным свидетелем оказалась как ни странно — Света. Которая тут же начала пользоваться этим.

А Бельковы получили инструкции не вмешиваться, по-видимому. Раз они после памятных выходных не оборвали девушку ни разу.

— А ты тогда исключение? — бросаю в ответ я. Света выпучила глаза, но благо заткнулась. — Сама по сколько часов вертишься задом перед камерой, чтобы в инсте фотка была тощей девушки. Как ты скрываешь выпирающий живот и бока. Расскажешь? А маленькую грудь пуш-апом прикрываешь? М?

Класс затих.

Света вся красная, дышит через раз. Она ломает карандаш, который держала в руках, а треск взрывает бомбу.

— Оу, вот это да!

— А я думал, что она красотка. А она...

— Она мне говорила про неидеальную фигуру, а сама...

Я не смотрю ни на кого из них. А только прямо перед собой. Кто-то зовет меня, но я не обращаю внимание.

Тогда звучит вопрос.

— А ты откуда это знаешь?

— Может она лжет?

— А может пытается привлечь внимание наше!

Кто-то выдвигал предположение. Которые от правды отходили все дальше.

— Она лгунья!

— На нее обратили внимание самые лучшие!

— Так класс, — призвала Валерия Ивановна. — Не нужно нападать на девушку всей толпой. И, Ксюш, такие вещи тоже не желательно говорить. — вперила на меня строгий взгляд учительница. И неожиданно добавила. — Как и тебе Света.

— Мне! — выкрикнула девушка. — Да она оболгала меня. Я ведь правду сказал. А она...

Я хмыкнула. И почему-то именно в этот момент была тишина.

Моё хмыканье услышали все.

— Видимо вы ее защищаете, потому что такая же, — бросила Света и уставилась на учительницу. — Такая же недалекая и двигающая задницей на камеру. А то откуда у вас деньги на шанель?

Ребята в классе зашумели. Они обратили внимание на дороговизну одежды классной. Часы и сумочку.

И опять со всех сторон последовали вопросы. А может права Света.

— Юрьева, тебе язык нужно отрезать, — бас Рустама прервал гвалт одноклассников. — Не мерь людей по себе. Усекла? А то правда жалит всех без исключения.

Света зыркнула на парня, а потом отвернулась. Она сложила руки на груди и насупилась. Больше она не проронила ни слова.

— Спасибо, ... Исаев, — закончила Валерия Ивановна. Взглянула в шаргалку и покраснела. — И-исаев, у тебя проблемы в английском языке. Тебе нужно сдать пару контрольных. И...

— Когда мне к вам прийти? — деловито спросил Рустам и привстал. — Могу в любой день. Для вас.

— Исаев, сегодня жду тебя в кабинете, — с фальшивой улыбкой ответила учительница и села за свой стол. — На сегодня все.

— Валерия Ивановна, я приду сегодня, — предупредил ее одноклассник. Она кивнула и повернулась к компьютеру. Но парень подошел к ней и добавил: — И называйте меня Рустамом.

Исаев первый вышел из класса. И только после него посмели выйти остальные.

Я подумывала пойти за Рустамом и узнать у него про Глеба. Уже подорвалась. Но потом остановилась.

Не хватало мне еще бегать за парнями.

То что они обиделись, не моя проблема. Один проводил, другой встретил. Я ничего не планировала. Никому ничего не обещала. Но после поцелуя Глеба, появился Матвей.

Он что-то кричал, а Глеб стоял и молчал. Но никто даже не задумался спросить меня. А что чувствую я.

Может я не хочу видеть обоих.

Пока они взерошено стояли друг против друга. Один молчаливый как скала, а другой громкий как море. Шторм между ними развивался со скоростью ... дофига. Я как истинная английская леди упорхнула домой. Просто ушла, а они и не заметили. Из окна я увидела как они приблизились, но не подрались. Уже хорошо.

Ушли они в разные стороны.

На следующее утро меня перехватила Света. Она оказывается: встретила парней около подъезда. Подслушала их разговор, но что именно рассказывать мне не захотела. Но то, что она услышала было достаточным, чтобы начать меня травить.

— Ксюш, — позвала меня Арина. Она натягивала рукава свитшота на ладошки и переступала с ноги на ноги. — У тебя есть планы на сегодня?

— Вроде нет, — хмурюсь я. — Съёмки закончились в этом году. А тетя меня игнорирует.

— Все так плохо?

Мы вместе с ней пошли к раздевалке и взяли куртки. Это утром мы выходим в разное время, а возвращаемся вместе.

Света задрав хвост прошла мимо меня, а за ней Тины. Мы вышли в след за ними.

— Света, он обязательно сегодня обратит на тебя внимание. Ты ведь такая красивая, — первая Тина подала сестренке зеркало.

— Он забудет эту мерзкую выскочку тут же. А вечеринка покажет тебя во всей красе.

Я вскинула бровь, но промолчала. Они скорей всего говорили про меня. Скорее даже ДЛЯ меня.

Нельзя идти на чужую провокацию.

— А то! Она ведь такая мерзкая, — закончила Тина номер два и замолчала, заметив меня.

Я им подмигнула и прошла мимо. За мной просеменила Арина.

— Они завидуют тебе, — прошептала подруга.

— Да пофиг, — отбросила я. — Они про какую вечеринку говорили?

Выловила я важную информацию. Может нужно оттянуться наконец. А то уже забыла, что такое вечеринка.

Хоть бы только моих углов не было. Которые любит сталкивать лбами Вселенная.

— Я тебе про нее и хотела рассказать, — с воодушевлением начала девушка. — Весь класс идет. Ежегодная, которую устраивает ребята из соседней школы. К сожалению, Глеб редко приходит туда.

— А ты часто? — едко спросила я у нее.

— Нет, — поспешно ответила она. — Но я давно хотела туда отправиться. И слушала как девчонки рассказывали как редко туда приходят они.

— Они?

Замерла я. Неужели мне повезет и их не будет.

— Мрак и А-алмаз, — сбилась на имени Глеба.

— Я буду.

**

— Это Малахит, — встретила нас Нина почти на входе. — Давайте девчонки проходите. Сюда.

Я прохожу, а за мной следует Арина. Она с восторгом оглядывается и краснеет, когда какой-то парень предлагает ей выпить.

— Ты впервые на вечеринке?

Спрашиваю ее я. Как-то странно выглядит ситуация. Интересная девчонка не влилась в класс. С ней мало кто общается в школе. Ее никто не выбирает в пары. Может то, что я рядом стою. И никто не рискует. Может я пугаю своим покер фэйс? Или все же так было и до меня.

— Это так заметно, — аккуратно убирает локон за ухо Арина и исподтишка наблюдает за одноклассниками.

Я оглядываюсь и вижу тут Дениса. Машу ему рукой, а он приветствует меня взмахом со стаканом. Мне казалось, что он игнорирует общественную жизнь класса.

— А почему?

Арина растерянно смотрит на меня. Мне даже показалось, что она не ответит мне. Но потом она поджала губы и проговорила:

— Лучше пусть меня не замечают, чем травят. Я такой с первого класса была. Почему-то не могу защищать свои интересы.

Грустное личико оглядывается по сторонам.

А мне грустно вместе с ней.

К нам подскочил один из футболистов одноклассников. Помню, что Антон. А быстрый он или ветреный — не помню. Он протянул мне и Арине стаканчики с напитками и откланялся.

— Может тебе пора начинать защищать себя? — не глядя на подругу проговариваю свою давнюю мысль на счет нее. Бросила взгляд на нее, а она задумчивая пьет. — Ну как?

Хороша мысль?

— Но как мне это сделать? Это ты смелая, — захлебываясь начала Арина. — Это ты можешь прийти, чтобы спасти подругу. Или заступиться за жертву. Это ты можешь в открытую воевать с царицей класса. Но не я!

— Почему?

— Потому что.... Я простая. Я заурядная. Я глупая. В школе учусь плохо. Не одеваюсь ярко. Не сильная. И ударить никого не смогу.... Потому что я не могу подойти и признаться парню в чувствах. Тем более позвать его на свидание. Не могу даже пойти отстаивать перед учителем свою оценку... А вот ты можешь. За тобой бегают парни. А ты идешь к своей цели не смотря ни на что.

Я долго вглядываюсь в тонкие черты лица девушки. У нее изящный тонкий носик, припухлая губка, высокие скулы, но не четкие. Ей не нужен макияж, чтобы проявились брови и ресницы. А только грамотный уход. И вера в себя.

— Арина, — позвала ее. — Нет заурядных людей. Мы все незаурядные. Определять крутость человека по способностям в школьных предметах глупо. Потому что ты к примеру хороша как визажист. Это твоя особенность. Талант. Способность. Пусть бьет твоих обидчиков твой избранник, а не ты. Признаться в чувствах парню боятся все. А не только ты. Но ты можешь перебороть свой страх, — замолкаю, чтобы перевести дыхание. — а одеваются ярко не должны все. А только те, кому это нравится.

Арина украдкой стерла слезинку в уголке глаза. Она втянула в себя воздух. Она пыталась отвернуться от меня. Но я заметила чуть покрасневшие глаза.

— Ты правда в это веришь?

Меня пробрало.

Улыбаюсь ей и молчу. Поднимаю стакан вверх и торжественно говорю.

— За твой успех, Арин. Я верю в тебя.

Делаем глоток.

Я оглядываюсь с интересом по сторонам. Одно из дел я вроде сделала. Может мои слова смогут помочь Арине начать верить в свою уникальность.

Зашла на квартирник и Света со своей свитой. Тины тут же начали щелкать себя и вести сторис. Они селфились около своего светоча, а она изредка позволяла сфотать и себя. Света рассматривала людей и морщила носик, когда видела нелюбимых одноклассников. К примеру так она реагировала на Дена.

— Решила оттянуться среди класса, — чокается со мной Ден и усмехается, когда я кривлюсь. — Понимаю. Класс у нас как шоу уродцев.

— Но уродов у вас нет.

— Уродство проявляется по-разному. Через фотоаппарат я словно вижу теневую сторону людей.

— Поэтому ты этим занимаешься? — с интересом вглядываюсь в парня.

А он согласно кивает и оборачивается.

— Хоу. Неожиданно! Набралась смелости девчонка. Давно пора.

Оглядываюсь, чтобы увидеть, про кого парень говорит, и замираю. Мы с Деном оказались немного скрыты за кадкой высокого цветка, но обзор оттуда был почти на всю квартиру. В углублении ко мне спиной стоял Глеб. Он невольно скрывал от чужих глаз девушку, которая выглянула. И это оказалась Арина.

Девушка с отчаянием и надеждой смотрела на парня. Она что-то шептала, но понять что

— невозможно.

Слишком шумно.

Она тянет руки к нему. И прикасается к его щеке. Она проводит по ней, а в глазах столько нежности.

А я онемела.

Ден что-то проговорил и ушел. Я никогда не узнаю что. Меня ударила молния чувств. Конечности похолодели.

Отхлынула кровь к сердцу и забила его в ритме боли.

Меня поглощают и уничтожают невидимые нити. Которые стягивались как удавка.

Сердце требует ломануться туда и вылить свою ревность на них.

НО.

Я стою и сжимаю кулаки. Ногти впиваются в ладони. И кажется там выступила кровь. Голова гудит от идей кровожадного убийства.

— Сочувствую, — прошептал рядом с ухом знакомый голос. — Смотреть как твой избранник милуется с другим. Это так больно.

Твой избранник?

Моргаю, и смотрю на Глеба с Ариной по-другому. Кто из нас с Ариной избранница Глеба?

Он меня поцеловал.

Я ему нравлюсь.

Но разве этого достаточно? А Арина?

Вглядываюсь в лицо подруги. Ведь подруги?

И кровь возвращается на места. Она как цветок тянется к нему.

Может мне нужно отступить. И возможно помочь ей быть с Глебом.

А я?

А я уеду через полгода. Буду моделью. А они останутся здесь. И будут все счастливы.

— Согласна, — киваю Матвею и оборачиваюсь. Я выдыхаю, чтобы расслабить напряженные мышцы лица. — Но Вселенная в принципе саркастичная дама.

— Потому что заставляет смотреть на это?

Матвей делает глоток из бутылки и пьяно вглядывается в меня.

— Скорее принуждает встречать проблемы в твоем лице, — хмыкаю я и замечаю бегающую Свету. Она заглядывает за каждый угол в поисках чего-то. Или кого-то очень похожего на парня, который пьет напротив меня. — И не позволяет мне захотеть уйти в монастырь.

Добавляю я.

В монастыре может нет интриг и подстав. Окунаюсь я в фальшивую фантазию.

— Тебе в монастырь нельзя, — серьезно отвечает Матвей и покачиваясь опирается одной рукой на меня.

— Я что, по-твоему, не достойна внутреннего покоя?

Скидываю руку, а он наклоняет голову в бок и ухмыляется.

— Ты, Малахит, может и получишь в монастыре внутренний покой. Но местные монашки растеряют свой из-за тебя.

— Но я тут причем, — вспыхиваю как антифриз. — Разве я нарываюсь на конфликт? Или, может, насмехаюсь над кем-то без причины. Я ведь хочу стать тенью.

— Если ты тень, — смеется Матвей и откидывает назад голову. — То мир обязан уйти в

мрак.

— В твой? — вскидываю бровь.

— Можно и в мой. В этом мы с тобой хороши. Ты окутываешь тенью, а я заблудшую душу утаскиваю во мрак. Может все же выберешь меня?

Опять он за свое.

Я не буду выбирать. Я откажусь от обоих. Разве я обязана выбирать из тех, кто захотел меня. Если никто не привлекает. Почему девушка просто обязана обратить внимание на одного из претендентов.

Я могу и хочу отказать всем.

— Ты пьян, Матвей, — отталкиваю парня и обхожу его. Но его руки обхватывают мою талию и притягивают к себе. — Матвей. Хватит!

Голос дрогнул у меня.

Экстренное внутреннее чувство вопит.

Беги, Ксю. Беги!

— Я не договорил. Знаешь, Малахит, почему все теряют покой рядом с тобой?

— Нет, не знаю, — разжимаю пальцы Мрака, но он неожиданно нежно проводят по спине. И крепче перехватывает меня.

Не отвлекайся, Малахит.

Камень-талисман, помоги мне!

— Потому что ты скала, Малахит. Ты истинный камень. Которым хотят обладать. Которым хотят стать. Ты словно снисходишь до остальных. И чтобы хоть как-то привлечь твое внимание, остается либо подружиться, либо доконать. Вот и думай теперь, что с этим делать.

Смеется Матвей и притягивает мое тело к своему. Я ощущаю каждый выступ его мускулистого тела. Крепкий пресс, сильные ноги и его возбуждение.

Я отвлеклась на его слова, а мое тело отреагировало на мощь парня. Трепет и волнение. Я чуть сбилась в помутнение.

Но голова заработала, когда Матвей жестко притянул меня и поцеловал. Секундное промедление и его язык ворвался в мой рот.

Мне оставалось только мычать.

Я мычала и била руками по его плечам, пытаюсь вразумить и остановить.

Все тщетно.

Мои ноги он сжал своими. Тело прижал своим. А руки перехватил своей.

Мимолетное возбуждение схлынуло. А другое чувство поднималось и разрасталось.

Волна черно-красного чувства. Ядреная смесь черного гнева — как осминожные чернила, и красной ярости — как вулканогенная лава, разрывали меня.

НО.

Бессилие.

И чертово чувство беспомощности убивали заживо.

Резали без опия.

Я хотела бить и кидать в смертника колья. Но вместо этого толкалась всем телом, пытаюсь вырваться из рук нарушителя моего внутреннего покоя.

Чтоб его Света до загса смогла довести!

Мой самоконтроль чувств сломался. Потому что я почувствовала влагу на щеках. Привкус поцелуев изменился. Они стали солеными.

Я что? Плачу?!

Из-за козла? Плачу потому что один идиот вздумал тебя поцеловать. Не спросив.

Убью гада.

Когда отпустит.

— Отвали от нее!

Кто-то оторвал от меня Матвея.

Я заплаканная, злая и заторможенная следила за полетом почти насильника в стенку.

Как он врезается в камень. Как затылком он бьется об зеркало. И разлетаются осколки.

Меня обняли, и чужие волосы попали в глаза и в рот.

— Ксюша. Ксюша! — трясли меня руки. — Открой глаза. Все хорошо.

Голос Арины.

А вот остальные звуки... Что-то падает. Кто-то кричит. Глухие удары. И стоны.

— Матвей бей его, — Света орет как заядлая фанатка футбола.

— Глеб, справа. Слева, — девчачьи голоса поддерживали своего кумира.

Тру лицо и открываю глаза.

Толпа школьников сгрудилась вокруг драчунов. Кто-то кричал, кто-то переговаривался друг с другом, а кто-то подбадривал. Но никто не рвался их разнимать.

Стираю след насильственного поцелуя с губ и по стеночке поднимаюсь.

— Ксюша, что случилось? Глеб сорвался. Я таким его никогда не видела! — хныкнула Арина. — Он такой бешеный стал, когда увидел вас. Вы целовались... Добровольно ведь?

— Нет.

Собираю мысли в кучу.

Надо их остановить. Но как?

У меня трясутся руки. Голова гудит. Мысль не идет.

А грохот становится громче. Зрители подбадривают друг друга, а кто-то устроил тотализатор. Другие снимают на камеру.

Придурки!

Драка ведь административка.

— Расступись! — бас Рустама заткнул всех. — Расступитесь, кому говорю.

Он расталкивает толпу и хватает за шкирку Матвея и Глеба.

— Уймитесь, — гаркнул он.

И повел драчунов на улицу.

Арина подхватила меня и повела на кухню. Она закрыла дверь и посадила на стул. За дверью гвалт не прекращался. Рустам словно перекрыл кислород им на время, а как ушел, с собой забрал чеку.

Выходить мне нельзя.

— Держи, — Арина мне протягивает стакан с водой и садится напротив. Выпиваю воду. Несколько капель не попали и стекли по моей губе на шею. — Ксюша, — тихонько позвала меня девушка и виновата взглянула. — Вы вместе?

— Я? — не понимаю о чем она. Встаю и наливаю себе еще воды. — Ты про кого?

— Тебя и Глеба.

Что я ей могу ответить.

Ведь ответ ни да и ни нет.

Мы не встречаемся. Но и между нами что-то происходит. Но что? Не могу описать даже я сама. Как уж ей рассказать.

— Арина...

— Ксюш, ты ведь догадалась про мои чувства.

...

— Но если у вас чувства, то я не могу вставать между вами.

Я со стуком ставлю стакан и из него выливается вода. И дверь на кухню раскрывается с пинка. Глеб с синяком на подбородке, со струйкой крови между носом и губой, с взъерошенными волосами.

Он подлетел ко мне и без слов схватил за руку.

Я в шоке.

Я последовала за ним, не спрашивая куда. Он тянул меня на выход, а я следовала за ним.

Мы промчались мимо Светы с шакальей улыбкой, мимо класса и школьников из других школ, мимо Рустама и Матвея.

Глеб вылетел, а я за ним как хвостик метеора.

Как долго мы шли? Но остановились мы в нескольких кварталах от квартиры, где проходила вечеринка. Глеб посадил меня на скамейку и развернул к себе.

— Ты мне нравишься, Ксюша, — начал с главного парень. Он крепко удерживал меня за плечи и прямо смотрел в глаза. — Я хочу бороться за тебя. Хочу завоевать тебя. Я надеюсь, что когда-нибудь я понравлюсь тебе и...

— Тшц, — протягиваю руку к его губам и затыкаю. Задеваю ранку на губе, и Глеб забавно морщится. Он первый признал. Теперь моя очередь. Я выбираю девочку школьницу. Даже если это продлится только год. — Ты мне тоже нравишься.

Глеб улыбнулся мне той самой улыбкой для близких. В его глазах расплавилось серебро от моих слов.

Он потянулся ко мне. А я к нему.

Вот теперь я не буду тупить. И сопротивляться не буду.

А буду наслаждаться юностью, чувствами и мигом.

Каламбур? А и пофиг. Когда тебя целуют, мысли варятся плохо. Даже слишком.

— Следующий конкурсант от фотоателье «Белая орхидея», — в микрофон проговорил ведущий и заглянул в шаргалки. — Снимок сделан на рассвете. Молодым перспективным фотографом Денисом Яровым. Фото сирены на берегу моря. «Охота на моряков». Модель Ксения Малахова.

Вдох-выдох.

Руки дрожат, сердце отбивает четкий ритм, а перед глазами туман.

Я словно прыгаю в ледяную воду с вышки. И вроде страх пугает. Он хочет сцепить меня в кокон непробиваемых чувств. Но адреналин от этого только повышается.

Меня захватывает возбуждение.

И я снова в коконе.

Но не страха, а эмоций. Они волной сбивают меня и топят. А я... поддаюсь волне. И отдаюсь всей душой.

Мой первый шаг. И я тону.

Очный конкурс проводится в местном доме культуры. Тут нет привычного мне подиума, но сцена здесь широкая. Пять конкурсанток до меня выступали на ней. Никто не упал и не провалился. Когда-то у меня был страх. Что я иду по сцене, и она проваливается подомной. И меня затягивает вниз сам ад. Свой первый выход я чуть не запорола из-за этого. Истерика не давала мне выйти и выступить.

Меня тогда поддержала мама. Она пришла ко мне за кулисы. Словно почувствовала, что я торможу.

«Сцена — это только деревянный пол и плотные шторы с осветителями. Ты боишься не сцены, а что подумают о тебе зрители. Но так ли это важно, если ты занята любимым делом?»

Ее слова тронули меня.

Когда объявили мое имя, я вышла и победила. Моя первая победа. Но не в конкурсе, а над страхом. Вечная битва моего сознания.

На очной части конкурса мы выходим в платьях местного модельера. На мне темно-зеленое бархатное платье с закрытыми рукавами, с декольте на спине почти до поясицы с длиной в пол. Девушки-соперницы как увидели, чуть не удавились на месте. Это платье было лучшим из коллекции. Модельер выбрал меня для него.

Под цвет глаз, как он предупредил.

Софиты ослепляют. Стук каблуков оглушает.

Я не вижу никого. Меня нет. Есть только миг. Этот захватывающий в плен миг.

— Прям малахитовая принцесса, — шутит ведущий и комментирует дефиле.

Я останавливаюсь около стойки, ко мне друг за другом присоединяются пять претенденток на победу. Двое из пяти я бы выбрала. У них есть внутренний задел. Они могут глазами проникать в человека, что для модели хорошее качество. Суметь через пленку показать чувства.

Одна длинноногая брюнетка выступает в коктейльном красном платье без бретелек. Яркая жгучая и сексуальная. Она одним взмахом возбуждает. И без показной пошлости, а с естественной внутренней сексуальностью. Которую она не стесняется и демонстрирует.

Вторая девушка блондинка. Она в длинном платье глубокого синего цвета. На бедрах

юбка расширяется, и от этого шелковый наряд взлетает при каждом движении. При шаге ее ноги ткань облепляет как вторая кожа, а глубокое декольте на груди создает впечатление флирта. Она будто кокетничает с каждым оставаясь недоступной. В ней нет фальшивой «не даю». Она создает впечатление, что никто не достоин ее. Королевский синий придает ей царственности.

Остальные трое из пяти обычные. С хорошим фотографом они смогут чего-то добиться. Но из себя как модели ничего не представляют. Надутые губы, откровенный позы. Без скрытых чувств и секрета.

— Выбрать победительницу было трудно, — смахивает со лба челку ведущий проходит мимо нас. — Но мы это сделали. Для объявления результатов приглашается главный член жюри.

Парень взмахивает рукой и на сцену поднимается дама. Красная шляпка, черное платье с красными перчатками. У нее поджаты губы и заострены черты лица. Почему-то эксперты моды чаще всего такие... экстравагантные и высушенные как гербарий.

Она говорит о влиянии моды на общество, о конкурсных работах, и отмечает акценты. Я же уставилась в зрительный зал. Третий ряд по центру. Денис и Арина вместе со мной прогуляли школу, чтобы приехать сюда. Они захотели поддержать меня.

Ну и Денис сам хочет забрать свою награду.

Вот оптимист. А в школе прячется от всех под маской равнодушия.

Рома тоже к нам присоединился. Он забрал нас с остановки и повез в соседний город. Вроде взрослый уже дядька. Ну почти. На десять лет старше нас. А ведет себя как наш ровесник. Шутит уровня «школа я тебя не забыл». И пытается женить Дена на Арине.

Это так странно. Мы втроем знаем тайну Арины. И причины почему попытки Ромы безуспешны до сих пор. Чувство неловкости угнетает меня.

Вечеринка перед новым годом сблизила меня и Глеба. Но отдалила от Арины. Она не хочет мешать нашему счастью. И она жертвует собой ради других.

Я смотрела на нее всю дорогу. Ее осознанность и жертвенность поражает меня. Смогла ли я когда-нибудь так поступить?

Сомневаюсь.

При всей своей правильности и холодности. Я эгоистка. Я не смогла пожертвовать своим комфортом в доме тети. И в школе. Поэтому я здесь и стою на сцене. Собрала команду, которая болела за меня в зале. Потому что эгоистка.

Я действовала ради своего блага. И взяла с собой Арину из-за этого. Хотя могла не делать. Ведь знала, что ей больно видеть меня.

Более того позвала Глеба с собой. И он согласился.

Но Люся заболела, поэтому заботливый брат остался присматривать за сестрой.

А так бы... я заставила бы страдать людей. Из-за собственной прихоти.

— Третье место, — ведущий выжидательно замолчал и осмотрел зал. — Занимает работа «Нимфы в лесу».

Жгучая брюнетка в красном выдохнула и улыbnулась. Она подошла к ведущему и приняла грамоту из его рук. А главный член жюри едва растянула губы и кивнула. Девушка помахала залу и встала в сторонке как первая медалистка.

— Второе место, — парень заглянул в бумаги и нахмурился. Пару секунд и он справился с помешательством и продолжил: — Работа «Афродита».

— Что? — не сдержалась непримечательная девица, по-моему. — Я должна была занять

первое место.

Она надула губы и сложила руки на груди.

Неужто подкуп? Как я не люблю нечестную борьбу.

Член жюри глянула на девицу и прошипела:

— Радуйся, что вообще призовое место получила.

А она мощная, смогла подумать я. Дама в красной шляпке оказалась крепким орешком. Стальной взгляд подчинял любого. Наглая девица тоже просекла, что не потянет даму. Она только вздрогнула от ее взгляда и смиренно забрала приз.

То-тоже.

— Первое место, — прочистил горло ведущий. — Занимает работа, которая нас впечатлила. Своей чувственностью и оригинальностью. Малахитовая принцесса в своей работе «Охота на моряков».

Аплодисменты не дали дослушать название работы. Ноги подгибались. А пульс зашкаливал. Я живу ради этих моментов. Когда мой талант модели оценивают по достоинству. Когда на мне роскошный наряд, который я показываю на себе.

Дама подошла ко мне ближе и пожала мне руку. Ее голос тягучий как зелье ведьмы. Она прикоснулась своей щекой к моей и прошептала:

— Нужно тебя запомнить Малахитовая принцесса.

Она отошла от меня. Но ее слова еще в моей памяти. Спустя время ее голос кажется миражом. Но ее внимательный взгляд говорит громче ее слов.

Я сделала то, что хотела.

Я засветилась.

Проигравшие плачут кроме одной. В королевском синем наряде. Она с достоинством спустилась со сцены и гордо вышла из зала. Хороша девушка. Возможно когда-нибудь мы с ней встретимся на другом конкурсе.

Победители отправились на фуршет.

— Ксюша, — подхватил меня Рома. — Ты красотка! Мне уже поступило два предложения о выгодном сотрудничестве.

— Вижу, я оплатила твою работу, — подхватываю бокал с водой и делаю глоток.

— А то...

Рома убежал общаться с бизнес-партнерами. Дениса атаковали фотостудии. Арину тоже обрабатывают местные визажисты. Ведь ее аккаунт в сети популярен, но никто не знал, кто мастер. А тут она реальная стоит рядом с ними.

Все заняты.

А я как-то неожиданно осталась одна в толпе.

Мне бы хотелось здесь и сейчас увидеть Глеба. Чтобы он поздравил меня с победой и подарил букет.

А потом чтобы он поцеловал меня. Его поцелуи мне по-особенному нравятся. Заставляют чувствовать жизнь.

— Для принцесс все самое лучшее, — мужской голос вырывает меня. Букет белых роз перед глазами затмевают вид. А знакомый аромат сигарет и парфюма проявляют прошлые воспоминания. — Малахит превратился в принцессу на сцене. Тебе идет это платье. Могу купить его для тебя.

Поднимаю голову и вижу Матвея. На нем темно-синий костюм, белая рубашка и красный галстук. Как многие другие на этом конкурсе. Он одет со вкусом и с иголочки. Его

наряд из дорогого материала и возможно даже сшит на заказ.

Он принадлежал к этому миру. И мир его принимал. Он вписывался в него. Я бы не смогла отличить его от местных гостей.

Такие мысли заставили вздрогнуть.

А Глеб бы смог вписаться в такое общество? К которому стремлюсь я.

— Или ты со мной не говоришь после моего сорванного поцелуя? — хмыкает парень.

Я беру в руки букет и утыкаюсь носом в него. Нежный едва уловимый аромат дурманил.

— Малахит, я был пьян.

— Я с тобой говорю. Если ты из-за этого здесь. Просить прощения желательно, но не обязательно. Потому что общаться нам с тобой не нужно.

— Малахит...

— Я сейчас с Глебом, Матвей. Пообещай мне не делать глупости. Я не хочу проблем ни в школе, ни в отношениях.

Отступаю как можно скорее от одноклассника, но он перехватывает меня за рукав. Его действия напоминают мне вечеринку. Как я не могла выбраться из его объятий. Паника закрадывается из тайных уголков.

Нервно глотаю скопившуюся слюну, но пытаюсь выдержать лицо и невозмутимо гляжу в его глаза.

— Малахит, ты серьезно? — прошипел Матвей. — Ты думаешь, что он может дать тебе всё чего ты достойна? Того, чего ты по-настоящему хочешь? Ты ведь хочешь высот карьеры. Это Я смогу дать тебе это. А он? Только проблемы и быт. Заботы о ребенке, истеричную мать, трусливого отца. Ты думаешь, он просто школьник? Да только он работает больше, чем некоторые.

— Разве это стало недостатком? — не выдержала я и оцепила руку парня. — Когда ответственность стала недостатком?

С гневом вглядываюсь в парня, а он берет у мимо проходящего официанта бокал и выпивает содержимое. На другой поднос ставит уже пустую стекляшку и с надменностью смотрит на меня.

— Ты собираешься остаться в нашем маленьком городишке? Или уехать?

Это был нокаут.

— Ты хочешь уехать, — продолжил бить меня он. — А Глеб не уедет. Ему нужна учеба, отмазка от армии и сестра. Что он выберет: тебя или маленькую сестренку. А ты? Успех столицы и богом забытое место.

Матвей надавил на мозоль.

Он ударил в солнечное сплетение своими словами.

Он сказал то, что я боялась признать.

То от чего бежала.

Смогу ли я просить о переезде парня у которого вся жизнь здесь. На столько ли я эгоистка?

— Я не оставляю надежды, — Матвей приблизился ко мне и поцеловал в щеку. А потом прошептал в самое ухо: — На тебя, Малахит. Я подожду.

И ушел. Я смотрела вслед парню. И что-то во мне разрывалось. Это что-то кровоточило внутри меня. Неужели это сердце так болит от правды. Неужели правда такая болезненная. Это больно.

НО.

Сейчас идет праздник. Мой праздник. Моя первая победа после смерти родителей. Я должна радоваться.

Цепляю на себя маску. Сейчас я рада. Потом буду решать как быть. Но не сейчас.

Сейчас у меня праздник.

— Опять урок у Марго, — вздыхаю я и прижимаюсь крепче к Глебу.

Мы стоим в тени углубления. И нас никто не видит. До урока осталось примерно десять минут. А после каторга этого дня закончится.

— Она опять над тобой будет стебать, — смеется Глеб и целует меня в висок. — Почему ты не можешь отвечать строго на ее вопросы? Не дополняя их своими комментариями.

— А я только так и делаю, — возражаю и отстраняюсь. — Разве этого не видно?

Парень улыбается и машет в отрицании. Я от возмущения задыхаюсь, но отмалчиваюсь. Буду я еще тратить свое время на противную училку. Лучше крепче обниму парня, которого не видела почти неделю.

Вчера я поздно приехала с победой. Глеб не смог прийти ко мне, хоть и хотел. Поэтому я получаю лавры победительницы от любимого с опозданием.

Но к счастью, сейчас Люся здорова. Утром они были у врача. И сразу пришли в школу.

Как Глеб сказал, не мог больше терпеть в дали от меня.

Мое каменное сердце с каждым его словом оживает. Я с теплотой отщепляла воспоминания и собирала их в копилку. Чтобы в будущем я могла поднять себе настроение, открыв ее.

Это ведь так ми-ило.

Меня точно влюбленность отупляет.

— Расскажешь как прошел конкурс? Кто был? Кого видела?

Вопросы Глеба невинны. Он интересуется, потому что ему интересна я. Вся я. Как дышу. Что нравится. Что воодушевляет.

Но я с ужасом ждала этот вопрос. И все же не была готова к нему.

Потому что не знала. Говорить ему про Матвея или нет.

Если скрыть — не будет ли это ложью. А если рассказать — не разозлится ли он.

— Был Рома, Арина и Денис.

— И все?

— И конкурсантки, — смеюсь я. Куда уже без них.

— И все?

— И..., — звонок прервал мое трепыхание.

Глеб обернулся на звук. Он взял мою руку и потянул за собой. Я шла за ним, но чувствовала камень в груди. Отвратительное чувство вины. Мое сердце окаменело от этого. Идти мне было трудно. Я передвигала ноги, но казалось, что у них увеличился вес.

Глеб не заметил моего состояния. Он проходил сквозь толпу танкером и тащил меня на прицепе. Около кабинета он остановился. Что-то заставило замереть его.

Я подняла голову и увидела Матвея. В его глазах я видела приговор. Он уставился на наши руки, провел взглядом по руке вверх и остановился на моем лице. И этот засранец, который кажется недалеким в плане чувств других. Он словно не замечает, что другие люди тоже умеют чувствовать.

Но это ложь.

Он прочитал мою вину. Потому что он заглянул в мои глаза и улыбнулся. Как победитель. Как тот, кто знает секрет в обход другому.

— Рассаживайтесь, — Маргарита Геннадьевна прошла мимо меня.

Я отцепилась от Глеба и села за свое место.

Арина сидела уже на месте. Она не поднимала головы, когда одноклассники заходили. И даже когда учительница проводила перекличку. Она ожесточенно чертила на бумаге линии, а потом стирала их.

— Держи, — протянул ей чистый листок. — Твой скоро истончиться.

Она молча приняла и отбросила карандаш.

Понимала ли я ее чувства?

Частично.

Жалко ли мне было ее?

Жалко.

Но жалела ли я о том, что выбрала Глеба?

Не знаю. Может чуть-чуть. Примерно одна тысячная или даже миллионная процента.

— Так Малахова, — начала избивание младенца Маргарита Геннадьевна. — Твой анализ «Не жалею, не зову, не плачу...». Где он?

— В тетрадке.

— В какой? — прошипела учительница и уперлась ладонями в рабочий стол.

Опять по старой. Эта женщина каждый свой урок начинает с «Малаховой». Я скоро буду думать, что родственница сосланного телевизионного ведущего. Пусть говорит она свою любимую фамилию где-нибудь дома. Подальше от меня.

Потому что это начинает создавать внутри меня воронку. Которая втягивает в себя многое. Бешенство на учительницу, вину к Глебу, сочувствие к Арине, гнев на Матвея. Смерч нарастает. И вот-вот наступит торнадо.

— В толстой, — смешок в классе прервал меня. — В линейчку. На сорок восемь листиков. На обложке котенок с надписью «Китти».

— Хватит!

Озверевший окрик и стук по столу. Возможно задрожали стекла в кабинете.

Но не я.

Потому что торнадо внутри меня наступает.

Одноклассники переглядывались, но смеяться перестали. В открытую враждовать с учительницей для них в новинку. Но каждый урок эта мегера спрашивала меня. Все ответы, задания, пересказы.

Всё!

Меня это достало.

Возможно ее шутка капельку затянулась. Но пусть она уже поймет, что пытаться Малахит вредно для здоровья. Я могу терпеть насмешки, постоянные придирки. Какое-то время. Но и мое терпение имеет свойство кончаться.

Тетя тоже допрыгалась. Сейчас мы при встрече только здороваемся. Ее попытки сделать из меня современную золушку канули в прошлое. Она не дотянула до уровня злой мачехи, а я до сказочной героини из сказки.

Сейчас это предстоит увидеть и учительнице.

— Малахова, выйди в центр и расскажи стихотворение.

— Любое?

— То самое. Анализ которого пропал.

Встаю с места и прохожу в центр. Я осматриваю бегло ее стол. Не мог он исчезнуть без

чей-либо помощи извне. Раз училка не на моей стороне, буду действовать напролом.

— Анализ не пропал. Пропала тетрадка. Но для учительницы литературы логика и причинно-следственная связь не знакомые понятия?

Встала в центре и скрестила руки. Моя поза расслаблена. Но кто бы знал, что мне приходится удерживать себя.

Что мне хочется вцепиться в волосы мегеры и расцарапать ее лицо.

Что мне хочется скинуть с ее стола все вещи и найти свою пропажу.

И что мне приходится прикладывать усилия не делать этого.

— Ты договориться хочешь?

— Я справедливости хочу.

Маргарита Геннадьевна подошла ко мне. И она достигала меня в росте, к моему удивлению. Она была на каблуках. Но все же. Эффект хорош.

Она заглянула в мои глаза на прямой линии. И меня это радует. Можно посоревноваться в софистике. Противник — сойдет.

— Ты хочешь показать кто из нас крутой, — начала женщина и ее ноздри раздулись.

Первый раунд.

Начинаем.

— Вы находите меня крутой, — медленно начала я. — Если так, то ваши попытки прогнуть меня есть показатель принятия.

— Принятия?

— Что я достойна крутости. Что я... смогу ответить вам по уровню.

— Да ты....

— Вы сказали, что пропал анализ. Но про тетрадь вы ничего не сказали. Вывод: тетрадь не пропала, а только анализ. Кто-то выдрал страницу из моей тетради. И вы это знали. А исказили факт так, словно я виновата в отсутствии анализа. А не вы. Потому что позволили кому-то выдрать мой анализ из моей тетради. Я права?

И это был нокаут.

Учительница, которая недавно смотрела мне прямо в глаза, упала.

Не на колени. Но ее ноги точно подогнулись. Ошарашенное лицо, страх в глазах.

Я что права?

Я угадала?

Йеху-ла.

Оглядываю класс. Все с одинаковым шоком смотрели на падение авторитета учительницы. И только один смотрел на меня.

Света прожигала во мне дыру. Взгляд с обещанием кары.

— Садись, Малахова, — сипло пробормотала женщина и махнула мне рукой.

Я не я, чтобы не послушать.

И немного подбить.

— А стих?

— Какой... Ах, не надо. Я передумала. Садись, — проговорила она.

Я села на место. Арина пожала мне руку. Ее первый разговор со мной за сегодня. Хоть и безмолвный.

Почему она продолжает страдать? Могла отсесть от меня. Или попросить отсесть мне. И перестать общаться.

Сила это или глупость?

Кто знает.

— Так в субботу у вас был урок русского. И была контрольная. Я хотела спросить причины отсутствия. Алмазов?

— Сестра болела, — Глеб приподнялся. — Сдам в любой день.

— Хорошо, — кивнула учительница и сделала пометку. — Дальше. Гордеева?

— Прогуляла.

— Как обычно, — рыкнула учительница и отметила что-то в журнале. — Яров, Вахрушева и, кхм, Малахова. Вы были?

— На конкурсе, — вместо нас ответил Денис. Он встал с места и подал листок. На нем наши имена значились как участники. — Я, Арина и Ксюша участвовали в региональном конкурсе.

— И как?

Равнодушно спросила Маргарита и пометила в журнале наше достойное отсутствие.

— Победили.

— Поздравляю, — вернула ему листок.

Дена такое равнодушие покорило. Он поджал губы и сел на стул с прямой спиной. Обидно парню за такое непонимание.

У него победа как фотографа.

У Арины как мастера образа.

Я как модель.

Но для такой гримзы как Маргарита Геннадьевна — это чушь. Блажь. И что-то неважное. Только трата времени.

Но для нас — это будущее.

— Марков, а ты где был? — удивленно спросила женщина.

Не-ет. Внутри кричу, а внешне удерживаю лицо кирпичом.

Оглядываюсь на парня, а он на меня. И в его глазах напутствие. Он не прощает отказа. Он встает, а я отворачиваюсь.

Он скорее всего скажет, что был с девушкой. В городе. Словно с намеком. Чтобы я напряглась еще больше. Чтобы была на грани разоблачения. Ему невыгодно валить меня открыто. Он хочет попросить меня о чем-то. А мне придется дать что ли?

— Поддерживал Ксюшу на конкурсе, — с улыбкой ответил Матвей и облокотился на парту.

Он не мог так сказать. Я оборачиваюсь к нему через плечо. А он посылает мне воздушный поцелуй.

Глеб увидел это. Он сжал руки и убрал их на колени. Рустам присмотрелся к другу, а потом на меня и на Матвея. Он покачал головой и что-то сказал своему другу.

— И как, поддержал? — с нездоровым интересом учительница оглядывала нас.

— Букетом белых роз и поцелуем.

Вот г.... Он ведь специально не договорил. Что за поцелуй. В щеку ведь. И он тут же ушел. Он не провел со мной весь вечер.

Да мы в субботу уехали. Основная часть конкурса начиналась после обеда. В воскресенье оглашение победителей и фуршет.

Он был и в субботу значит. Я его не видела.

Звучит паршиво. Словно я все выходные провела с Матвеем, а не ребятами.

Вот г... Матвей.

Дзинь.

Надеюсь также звучит арфа в раю. Я никогда так не радовалась окончанию урока. Сейчас я могу увести Глеба от Матвея. А то он может и дальше продолжать говорить двойко. В итоге окажется блуждание в трех соснах.

Одна сосна — я изменница.

Вторая сосна — я лгунья.

Третья — я прообраз адюльтера.

Я успела сложить свои принадлежности. И Глеб выхватил меня из-за парты. Я с кем-то просталась. Кому-то махала рукой. Но все они сложились в единый блик. Без лица и сущности.

Мы не говорили. Спустились на этаж с младшими классами. Забрали Люсю.

Она тараторила как заводная юла. И это единственное, что сдерживало парня. Глеб ступал неторопливо, но каждый шаг он продавливал в землю. Он улыбался Люсе, но на меня не смотрел.

Ко мне пришло сообщение.

Арина каждое новое слово отправляла отдельно. Волновалась подруга за меня.

Смысл складывался в правде. Она хотела позвонить Глебу и сказать, что Матвей врун. Он не сказал важного. Что виделся со мной не больше пяти минут после победы. Отдал цветы, чмокнул в щеку и исчез в тумане толпы.

Она была готова встретиться с тем, кого любит. Чтобы он не вздумал обижаться или обвинять меня.

Так поступит не каждый. И эта мысль была как мотылек надежды.

Но пользоваться ее добротой я не буду. Глеб должен поверить мне.

НО.

Если вдруг случится, что он не поверит. Если он примет ложь за правду. Если Мрак для него убедительней Малахит.

То такой симптом как недоверие не лечится. Это уже диагноз. Это опухоль отношений.

Глеб отвел Люсю на занятия музыкой. Дал ей перекус. И вернулся ко мне.

Хмурый красивый парень смотрел на меня исподлобья.

Я не находила слов. Оправдываться мне не в чем. Но вину при этом я чувствую. Хочу рассказать как все было. Но почему не смогла рассказать об этом с утра? Или до урока, когда он меня спрашивал про конкурс.

Я не солгала.

НО.

И не сказала всей правды. А это почти ложь.

— Пойдем, — произнес Глеб и первым пошел к детской площадке.

На ней резвились дети. Они радостно кричали и пищали при спуске с горки. Родители стояли в сторонке и пялились каждый в свой телефон.

Мы не остановились рядом с ближайшей свободной скамейкой. Глеб повел меня дальше и усадил за самую спрятанную от чужого внимания места.

— Ты злишься? — спросила я, когда он уселся рядом со мной.

Он сел около меня, а не на другой край. Меня уже это обнадеживало.

— Злюсь.

— Сильно?

Глеб махнул головой, а потом запрокинул ее. Он долго молчал и смотрел на небо. Я

думала, что ответ его готов. Что он сильно обижен и нам нужно расстаться. Раз я скрываю информацию о Матвее. Раз считаю, что ему моему парню это знать не нужно.

Я вдохнула в себя побольше воздуха, чтобы опередить его ответ. Но не успела.

— Впервые Мрак проявляет такой нездоровый интерес к девушке. Раньше такого не было.

— Меня это должно впечатлить?

— Нет, — Глеб взглянул на меня. — Я это к тому, что он не отступит. И мне нужно быть готовым к тому, что... Он будет поблизости. Чтобы дискредитировать кого-то из нас. Чтобы не упустить момент. Но это не главное. Ксюша, — он взял мои руки в свои и крепко сжал. — Ты что-нибудь к нему чувствуешь?

— Нет.

— Тогда почему ты мне не сказала, что видела его. Там.

Задаёт вопрос и ждет. И как раз на этот вопрос ответить я не могла себе. А уже ему тем более.

— Знала, что начнешь ревновать.

Глеб с грустной улыбкой потянулся ко мне и прижал к себе. Он погладил меня по голове. И я почувствовала утешение с его стороны. И мне это было нужно.

Потому что я соврала. Частично. Но соврала.

Я не рассказала ему про Матвея, потому что знала что он будет ревновать. Но еще потому что мне пришлось бы рассказывать о чем мы с ним разговаривали. И тогда бы вскрылся мой страх. Мой выбор. Мне придется выбирать. А я пока не хочу. Хочу быть влюбленной в первого красавца школьницей.

— Больше так не делай, — в волосы проговорил Глеб. — Не хочу узнавать такое от Матвея, учительницы или еще кого-нибудь. Я лучше буду ревновать, но знать, что ты моя.

— Пройдемся?

Мы встали. У нас был час пока Люся занималась музыкой. Потом Глеб пойдет домой. Помогать сестре с уроками, кормить и другие домашние дела. Разве это правильно. Чтобы школьник нес ответственность взрослого.

— А что случилось с твоей мамой?

Глеб мельком взглянул на меня и ответил:

— Точно не знаю. Но помню я ее такой с детства. Раньше ее истеричность не проявлялась совместно с яростью. Агрессия появилась в последние пять лет.

— Пять? Но как?

— Отец из-за этого и ушел. Сначала ее ревность с проявлением истеричности была обращена на отца. Он не мог разговаривать по телефону. Мать сразу хватывала трубку, чтобы проверить кто это. Он не выдержал и ушел. Мне было тринадцать.

— А он помогает вам? Хотя бы финансово? С Люсей встречается?

— Деньгами помогает. С Люсей редко встречается.

— Почему?

— Боится. Вдруг она унаследовала истеричность матери и начнет за него цепляться.

— Разве это генетическое?

— Нет. Что-то в жизни матери произошло в период подросткового созревания. Так психиатр сказал.

— Но что именно не известно. И спросить ее не представляет возможным. И остается только пить таблетки, чтобы снизить агрессию и уменьшить давление на мозг.

Запрокидываю головы и вспоминаю, что еще я находила.

— Откуда ты знаешь?

— Почитала статьи в интернете после знакомства.

Глеб остановился и повернулся ко мне.

— Мама может быть нормальной. Если не увидит катализатора в виде меня или отца.

Но это работа самая простая. Которая не требует сильной нагрузки на мозги. Ей нельзя перерабатывать. Отец присылает нам денег. Но и их тоже не хватает в полной мере на нужды. Лекарства матери стоят дорого.

Что-то не сходится. Если алиментов не хватает, то откуда возможность покапать дорогой подарок сестре. Или Глеб копил деньги?

Но ведь и он одет не в лохмотья. Не в брендовые вещи, но и не в поношенные несколько поколением Алмазовых.

Где дыра в информации?

— Но как вы тогда справляетесь?

— Ты ведь заметила, что я редко прихожу на вечеринки, в меру участвую в жизни школы. — Я медленно киваю. — Я работаю после школы. В четырнадцать я прошел первые курсы по программированию и начал на этом зарабатывать. Потом по созданию сайтов. За пять лет количество курсов перевалило за двадцать. И сейчас я неплохой специалист со своей базой клиентов.

— Вот откуда у тебя деньги на покупку подарков, — проговорила я.

— Я тот парень, у которого проблем много. Но их я научился решать.

Глеб повел меня дальше. Я шла за ним. А внутри меня появилось восхищением этим парнем. Глеб не раскис, не ждал подходящего момента. Он взял на себя обязательства. Маму, сестру и даже отца, который слился. Он уже не маленький мальчик.

И это достойно восхищения.

И мое сердце радостно забилося при взгляде на него.

Наша прогулка подошла к концу. Люсю мы забрали. Дошли до развилки и разошлись в разные стороны. На улице стемнело. Но мне нужна была эта темнота. Чтобы побыть наедине с собой.

Квартира встретила меня запахами еды и гомоном вечерней суматохи в семье. Но никто встречать меня не собирался, а я не собиралась здороваться с ними.

Прошла к себе и повалилась на кровать.

Глеб... разве можно быть таким правильным. Таким принципиальным.

Таким же как и я.

Но с разными целями на жизнь.

Оповещение в телефоне отвлекло меня. На почту пришло письмо. Я открыла сообщение и резко подскочила.

Вдох-выдох.

Разве такое возможно.

Но как?

«Малахова Ксения, вы приглашены на кастинг сессию. Она будет проходить в Москве. По адресу Кутузовский проспект, д. 36С5, каб. 101. В 11:00 начало. Модельное агентство Венеция».

— Дядь Миша, вы не обязаны мне присылать деньги на отель для Москвы. У меня есть сбережения. Я накопила.

«Глупости не говори, — с кашлем перебил меня дядя. — Я знаю, что делаю. Мне деньги не нужны в таком количестве. Я уже стар. А вот тебе очень. Сделай свою мечту реальностью. — кашель. — Тогда я успокоюсь. И смогу уйти на покой».

— Но дядя...

«Не спорь со мной. Поезжай в Москву. И выполни обещание».

Он сильно закашлялся в конце. Мои мысли вылетели. И остался только страх. Страх остаться одной. Смертность делает нашу жизнь ценнее.

— Дядь Миша, как ваше здоровье?

«Все хорошо, Ксюша. Все хорошо. Мне главное, чтобы ты была здоровой, и счастливой».

Он сбросил звонок. А мне приходит оповещение о зачислении. Этого даже будет много. На много больше, чем мне нужно в столице.

— Ты идешь на урок? — Арина подошла ко мне со спины и прикоснулась к плечу. — Иностраннный сейчас. Наша классная хочет что-то сказать классу. Ведь скоро выпускной.

— Пойдем, — обнимаю подругу.

Девушка удивляется моему порыву. Обычно это она тянется для объятий или сказать какие-нибудь милости. К тому же мы последний месяц отделились друг от друга. Она не говорила прямо, что она ревнует Глеба. Но по ней это видно.

Правда, она старается скрыть свои чувства от меня. В чем у нее отсутствует талант.

Мы вместе проходим в кабинет. Глеб сидит с Рустамом. Матвей общается с Бельковыми. Света уставилась на Матвея и пытается привлечь его внимание к себе при помощи фальшивого бюста.

«Сегодня идешь на работу?»

Матвей прислал сообщение. В один из дней я искала работу. Сидеть дома неудобно. Съемки в таком количестве я не смогла тут найти. Да и деньги мне пригодятся в будущем. Недели две назад Мрак увидел меня, когда я вышла с новым отказом. Потому что им не нужна школьница. А мне не нужен ежедневный график. Мне нужна подработка, которую я смогу без страха переносить.

Вдруг появятся новые приглашения на съемки. Или же вновь придется отправиться в другой город.

Подставлять работодателя не хочу. Но и нагружать себе тоже.

И Матвей помог мне. Он привел меня в бизнес своей семьи и попросился за меня. Я стала стажером помощника. Как-то так.

Работа связана не со срочной постоянной работой. А нудной и монотонной. Она нужна, но не в срочном порядке. Если даже мне не удастся прийти на работу, я могу перенести рабочий день. Главное предупредить своего начальника.

После того дня, Мрака повело. Он писал мне.

А я ему отвечала.

Может это неправильно. Но я это делала.

И не говорила Глебу об этом. Он знает про работу. Но как я ее получила — нет.

Я снова ощущаю себя врунишкой. И подделать что-то с собой не могу. Чего я добиваюсь?

Скрывая такие вещи от парня. Почему до сих пор не рассказала про приглашение в Москву. Ведь завтра я улетаю. Знают все, кроме Глеба.

«Нет, не иду».

Отправляю и убираю телефон в сумку.

Валерия Ивановна раздает листки с тестом по английскому. Я углубляюсь в задание. Чтобы достойно разговаривать на иностранном мне приходилось прикладывать усилия. Был один год, когда я каждый день учила по двадцать слов, практиковала пару грамматических правил и решала по тридцать упражнений. После наступила жесткая практика изученного. Разговоры с иностранцами, диктанты, тесты.

Я считала, что мне английский в будущем пригодится. Моя мечта стать моделью международного уровня как Анна Селезнева или Наташа Поли.

Поэтому для меня школьная программа казалась легкой. Прошло минут пять и тест был решен. Арина мучилась над третьим вопросом. А Нина за мной над пятым. Я оглянулась и кроме меня с тестом справились еще двое.

Глеб и Матвей.

Они переглянулись. Матвей оскалился ему, а Глеб проигнорировал.

Я резко от них отвернулась. Смотреть как один пытается вывести другого мне не хочется. Прошло еще десять минут и классная забрала работы.

— Класс, скоро выпускной. И, — девушка слегка покраснела и замаялась. Оглянувшись, заметила взгляд Рустама. Он не сводил свои черные глаза с учительницы и это сбивало ее. Откашлявшись Валерия Ивановна продолжила. — У вас выпускной. И вы должны танцевать в паре с одноклассником. Нужно разбиться по парам. И сходить на пару занятий после уроков.

— Кто нас будет учить? — Света с прямой спиной как у балерины раздавала флюиды радости. Хоть кто-то рад предстоящим танцам.

— Я.

Учительница расправила плечи перед классом. Но единственный, кто воодушевился, был Рустам.

— Любого можно выбрать в пары? — бас парня пробирал меня до дрожи. Как с ним можно долго общаться? И что бывает с тем, кто навлечет на себя его гнев? Уверена таких психов не существует. Глеб либо везунчик, либо чокнутый смельчак раз дружит с ним.

— Из одноклассников, — Валерия Ивановна отвернулась от него и присела за стол. — Давайте разобьемся на пары.

— Я с Сашей, — Аня первая подняла руку и подмигнула парню.

— Я с ней не буду танцевать.

— Будешь.

— Не буду, — возразил Воропеев. — Я лучше с Клавой, чем с тобой.

Аня бросила мимолетный взгляд на Клаву, и девушка превратилась в томат. Она замахала руками перед лицом Гордеевой и с мольбой пробормотала:

— Я не буду с ним танцевать, Аня. Я не хочу танцевать. Я не буду...

— Завязывай, — махнула хулиганка и приблизила к себе стул соседа. — Слышал? Ты будешь танцевать со мной.

Это нечто. Я бы не рискнула ей перечить. Самоубийц тут нет. И девчонки по очереди отказались от Саши. Он с обидой посмотрел на каждую и отвернулся от Ани.

— Значит Саша и Аня, — с улыбкой проговорила классная. — Дальше...

— Я буду с Малахитом танцевать!

Матвей подскочил на месте и с улыбкой повторил.

— Запишите. Я с Малаховой танцую. У нас рост подходящий для парных танцев.

— Не у тебя одного.

Глеб тоже поднялся с места и скрестил руки. Они вновь встали друг против друга и выжидали первых действий от другого.

— Ты танцевать-то умеешь? — скривил нос Матвей. — Это вальс. А тряска телом в клубе не пойдет. С Малахитом должен быть лучший партнер.

— Разве ты еще не знаешь, она уже выбрала, кто для нее лучший.

— Она запуталась. Ей нужно помочь и направить в правильном для нее направлении.

— Ты для нее никто, — приблизился Глеб к парню. Его тело звенело от напряжения. Еще одна искра и начнется пожар.

— А ты уверен? — не унимался Матвей, и тоже встал в стойку.

Одноклассники перекидывали взгляд с одного на другого. Они все были свидетелями драки на вечеринке. Для них не секрет наш треугольник с лишним третьим углом. Об этом кажется понимали все. Кроме самого Матвея.

Это не кончится хорошо.

Учительница с волнением приподнялась. Казалось, что она бросится к ребятам разнимать их. Если придется. Но ее руки все же задрожали.

Рустам встал рядом с Глебом, чтобы что-то сказать ему. Но мой парень его оттолкнул. Переговоры прошли безуспешно.

Конфликт из-за меня. Но решать его мне не хотелось. Мне вдруг стало наплевать на все. Ну зачем спрашивается я буду лезть в мужской диалог. Глебу нужно просто верить мне, что я с ним. А Матвею принять, что я не с ним.

То, что они оба петушатся, как я могу что-то изменить.

— Ксюш, может ты остановишь Глеба. Он может послушать тебя.

Арина с перепуганным личиком следила за моим парнем. Как будто она имела право смотреть на него таким взглядом невинного ангела. Болтушка-Олеся чуть ли не снимала на камеру всех. Но ее лицо выражало глубокое запоминание происходящего. Скоро всем расскажет про почти-драку в классе а.

Тины отпрыгнули с места раздора, переглядывались, но молчали. Все смотрели на парней. Но только не Света. Она глядела на меня и убивала. Как будто я виновата в ее расстроенных планах покорения Маркова.

Да пофиг на всех. Хватит.

— Может сама Ксюша и выберет себе партнера?

Предложила альтернативу Валерия Ивановна. Хоть как-то успокоить бушующих парней.

— Ксюша? — позвала меня девушка.

Я оглянулась на Глеба и на Матвея. Понимаю почему каждый поступает именно так. Вроде как.

НО.

Меня задолбало. Что вместо того, чтобы спросить меня. Они решают кто из них круче.

— Я танцую с Денисом Яровым.

Денис хмыкнул на мое заявление. А парни оба сели на места. Гул в классе поднялся как будто сняли слуховую заслонку.

— Ты уверена?

Валерия Ивановна уточнила, а я кивнула. И только тогда она записала нашу пару.

Шум в классе не смолкал. Две пары глаз прожигających мне спину не давали покоя. Но поворачиваться к ним я не думала.

К черту все. Надоело. Разве можно вот так. Слушать и не слышать. Лучше тогда с Денисом оттанцую вальс, но сохраню территорию от бойни петухов.

Дальше пошло проще. Света урвала момент и выбрала в пару Матвея. Арина с Глебом. Вот как судьба их столкнула.

Когда прозвенел звонок я сорвалась. Никого не ждала и молча ушла. На полпути к дому меня перехватил Глеб. Он немного запыхался, но не согнулся пополам от пробежки.

— Ксюша, что это значит, — со свистящим выдохом начал Глеб. — Почему он так уверенно говорит? Почему считает, что ты можешь выбрать его? Ты с ним общаешься? Скажи, Ксюша.

Я останавливаюсь и замираю перед ним. Говорить ему правду или нет? Но он заслуживает знать ее.

— Почему ты отреагировал на него? — выдавила из себя. — Почему вместо того, чтобы дать мне ответить. Что я отказываюсь танцевать с ним. Ты отреагировал. Словно он крадет у тебя меня. Почему ты сразу не попросил узнать мое мнение? Скажи, Глеб, почему?

Мой парень опустил голову на моих словах. Он понимает о чем я или нет? Или ему важнее общаюсь я с другим.

— Глеб, тебе нужно было только спросить меня. С кем я хочу танцевать. И я бы ответила, что с тобой. Но....

В моей сумке зазвучал телефон. Кто-то прислал сообщение. Глеб сделал сильный выдох и отвернулся. Продолжать разговор не хватало сил. Я достала телефон, чтобы отвлечься и разблокировала.

И лучше бы я продолжила этот мучительный разговор....

— Теперь понятно почему он считает, что может приглашать тебя на танцы.

Глеб прямо без стеснения смотрел на экран. На котором маячило сообщение от Матвея. «Давай сходим куда-нибудь, поговорим».

Но только Глеб не видит всей переписки. Где я постоянно отказываюсь от встреч. Где я отстранено отвечаю на все вопросы. Матвей с искренним интересом спрашивает меня обо всем. А я холодно ему отвечаю.

Не спрашивая про него.

Но Глеб видит одно сообщение. Без контекста.

Я могу показать ему всю переписку и объясниться. Что, как и почему.

НО.

Ведь камень не имеет свойство оправдываться. Когда падает на голову. Или лежит под ногами. Вот и я молчу и смотрю. Как Глеб злится. Как он хочет высказать мне все. Что я может даже ш... или как он еще может меня назвать.

Нас прерывает телефон. Уже его.

Парень кратко отвечает. И быстро завершает звонок.

— У моей матери случился истерический приступ. Она у врача. Мне нужно ехать, — я киваю ему. Сочувствие к нему как человеку прорывается. Хочу помочь. Но я никак не реагирую. — Мы потом с тобой поговорим об этом. Мне нужно бежать.

Он не прощается и срывается с места.

Мама она единственная. И он должен был убежать. Если бы не ссора, то я бы пошла за

ним. Чтобы помочь и поддержать. Но я остаюсь на месте и гляжу вдаль.

Домой идти так не хочется.

Мне нужно собрать чемодан для поездки. Я не успела рассказать Глебу, что завтра у меня самолет в Москву. Значит не время.

«Самолет прибыл в аэропорт Внуково».

Самолет прилетел вовремя. На часах семь тридцать утра. У меня есть три с половиной часа, чтобы добраться до модельного агентства.

Спускаюсь с трапа и сажусь на автобус, который довозит меня до терминала. Чтобы не терять времени, набираю в навигаторе адрес агентства и ищу свое местоположение. Ждать экспресс от Внуково до станции метро слишком долго. К тому же я не успею. Поэтому выбираю путь самый быстрый.

С собой я взяла только ручную кладь. Ждать багаж нет нужды. За пять минут дохожу до остановки и сажусь на подъехавший автобус девять-один-один.

Мой личный спасатель.

Шесть остановок. Час пробки. Давка людьми и вещами. И я вылетела из автобуса как ужаленная в попу осой. Спускаю на метро. И офигеваю. Как в нем кто-то разбирается. Я вроде как на Сокольнической линии. Мне нужно на центральное кольцо. Навигатор к счастью объяснял все. Даже в какой садится в вагон, чтобы потом было удобнее выходить.

Врал только о количестве людей вагоне.

Я кое-как выбралась из метро. Мое приключение в подземке заняло полтора часа.

Оглядываюсь, чтобы найти адрес дома. Прошла в одну сторону, потом в другую. И наконец нашла нужное место.

Ух, кажется успела. Осталось полчаса до сборов.

Живот громко заурчал. В самолете меня не кормили. Дома я успела захватить бутерброд. Поэтому перекусила в такси пока ехала в аэропорт. Но прошло слишком много времени. Да и приключения вымотали меня.

Осматриваюсь и вижу маленький кафетерий. В соседнем внутреннем дворике дома. Надеюсь там быстрое обслуживание.

**

— Малахова Ксения, — произношу я на ресепшене. Девушка глянула на меня, потом на список нашла мою фамилию и попросила отметить. Она показала направление и уткнулась в свои записи.

Ладно, с обслуживанием тут среднее. Ну или таких девиц как я миллион. И перед каждой расплыться — жизни не хватит.

Прохожу мимо стендов с примерами работ. И выхожу в огромный зал. Девушки разных мастей и внешности сидели на диванчиках и попивали напитки. Кто-то кофе, кто-то воду. В основном девушки молчали. Но пару групп девчонок уже образовались.

Одна группа сидела около окон. Они оккупировали лучшие места. Свет из окон струился и создавал вокруг них ореол божественности. Как только сюда зайдут организаторы, они скорей всего обратят внимание на них. Их было пятеро. Все светловолосые, светлокожие. Одна с инопланетной внешностью, другая с кукольным. Остальных я не успела разглядеть. Но эти двое были заводилами.

Они увидели меня и оценили по своим стандартам. Пошептались друг с другом и отвернулись от меня.

Окей, мне самой не особо нужно было.

Другая группа темненьких. Темные густые волосы, загорелая кожа. Одна из них, кто

видимо заправляет этой группой не загорелая. А с природной чуть шоколадным оттенком. С глазами на пол-лица бледно-голубого оттенка. Она тоже осмотрела меня и не приняла к себе.

Что ж, согласна с ними. Я не белокожий ангел и не арабская ночь. Я скорее лес. Зеленые глаза как трава, а волосы как ветви. Уютный и гостеприимный лес. До тех пор, пока мне не вредят.

Улыбаюсь всем и прохожу к последнему оставшемуся месту. Присаживаюсь.

— Доброе утро, леди, — высокая блондинка вошла в зал. Деловой костюм обтягивал ее, а высокие шпильки вытягивали. Она держала в руках папку-планшет и шариковую ручку. — Я рада видеть вас всех. Мы выбрали вас, потому что увидели потенциал. Мы сделаем сегодня шутинг. А завтра некоторые из вас получают приглашение на съемку к фотографу Мишустину.

— Ох...

— Ах...

— Это сам Мишустин?

— Я думала, что он за границей.

— Это стоит того...

— Дайте мне закончить, — потребовала жестким голосом девушка. — Меня зовут Изабелла. Я скаут агентства Венеция. Свои данные вы запишите в анкетах, которые получите во время съемки. Вечером мы определим пятерых, которые завтра отправятся на съемку. Мишустин будет выбирать сам. Но сегодня его не будет. Олеся, раздай анкеты и ручки и собери у девушек композитки.

Я поднимаю руку.

Как я поняла, мы тут на весь день. Я хоть и позавтракала, но этого мне хватит на два-три часа. Нужно узнать подробности.

— Слушаю вас, — Изабелла заметила меня и махнула.

— А обед будет? И такой момент как только отсняюсь и заполню анкету, могу быть свободна? Или нужно до победного?

Мой вопрос возможно был не в тему. Потому как тишина сбивала с толку. Я что-то не то спросила. Или модели не едят. Может они и нет, а вот я — да.

— Кто вы?

— Малахова Ксения.

Изабелла заглянула в бумажки и резко глянула на меня, а потом обратно. Она что-то прочитала, что ее сначала озадачило.

— Ксения значит. Малахитовая принцесса?

— Но...

— Не беспокойтесь, — перебила меня распорядитель. — Обед привезут. Как только вы закончите можете идти.

Изабелла вышла, оставив в комнате свой аромат. Девушки повскакивали с места и побежали за распорядителем. Главари обеих группировок задерживались. И как оказалось не зря. Когда я подошла к выходу, то они приблизились ко мне.

— И кто же ты такая? — блондинка с инопланетной внешностью скривила губы.

Две другие внимательно меня осматривали и молчали.

Что-то им рассказывать не хотелось. Да и не знала, что повлияло так на агентство. Моя работа принесла такое внимание или дама в красной шляпке порекомендовала меня.

Но только этих девиц моя жизнь не касалась.

— Я не на приеме у доктора, — спустя время ответила я. — Чтобы меня так осматривали. И не у священника на исповеди, чтобы рассказывать о себе что-то. А это значит ваши вопросы не уместны.

Не слушая их, отправилась на выход. Мне или показалось или нет. Но кто-то сзади проговорил, что зря я так поступила.

Возможно зря.

Но не умею я быть милой, когда припирают к стенке. Когда сначала воротят носом, а потом «ой, мы такие с тобой лучшие друзья».

Я прошла за толпой и получила бланк анкеты. Фамилия, имя, номер телефона, размер одежды, рост и вес. Классический набор. Заполнение у меня заняло три минуты. Приложила к анкете свою композитку со своими лучшими работами и прошла в очередь за одеждой.

Нужно постараться. Чтобы опшин состоялся.

Нас снимали трое фотографов с разных ракурсов и мест. Мы как на конвейере проходили на одно место, потом на другое и затем на третье. Каждая съемка на одной локации занимало двадцать минут. При том что девушек было тридцать. Они запланировали массовый кастинг с намеченным дедлайном.

Выходило, что у каждого фотографа должна отсняться за двадцать минут тридцать девушек. Это ведь работы часов на десять. Еще плюс обед.

Надо занимать первые места, чтобы не задерживаться тут. Мне еще отель искать на ночь или даже две.

Съемка у первого фотографа прошла гладко. Девушка смотрела только в объектив и щелкала меня почти без остановки. С одной стороны быстро. Но с другого... не было той связи с камерой и понимания, что нужно.

Второй фотограф был разговорчивей. Но от него было больше придинок, чем советов. Куда ты идешь, зачем ты села, тут свет не тот, а ну пересядь.

Я молча следовала его «советам», но когда видела, что права. Молча делала, как считала нужным. Может он и опытный фотограф, но я пыталась вложить хоть что-то в свои действия.

Третий был вроде как молчаливым и отстраненным. На нем была шапка и очки для зрения. Одежда скрывала истинные размеры. Когда я подошла к его локации, и он сделал первый снимок. Что-то в нем изменилось. Он словно ожил.

Вместо двадцати минут он снимал меня почти сорок. Он говорил, что хочет от меня увидеть. Или какую эмоцию ждет. И один раз попросил подобрать для меня другой аксессуар.

Соперниц это напрягало. Но высказываться они не решались.

— Как тебя зовут, — мелодичным голосом поинтересовался третий фотограф.

— Ксения Малахова, — открыла бутылку и выпила почти половину. Я не могла попить последний час. А так хотелось.

— Малахова, — словно запоминая повторил мужчина. — Ты заполнила анкету? Вложила композитку?

— Да. И отдала Изабелле.

— Хорошо, жду тебя завтра.

Последние его слова смутили. Разве не Мишустин должен нас снимать завтра.

Сняла с себя выданные аксессуары, сняла наряд и оделась в свое. Попрощалась с Изабеллой и девушкой на ресепшене и вышла.

На часах шесть, а мне нужно найти отель. Зашла в кафе, в котором завтракала и попросила себе кофе. Интернет в помощь.

Мне либо дико везет, либо так суждено. Потому что моментально нахожу в двадцати минутах ходьбы капсульный отель. И там осталось два номера, один из которых я тут же бронирую.

Пора на встречу с кроваткой на ночь.

Подошла к кирпичному зданию. Недалеко от входа в отель находилась стоматология. На ресепшене сидел парень. Он часто тыкал по экрану, на котором мелькала экшн-игрушка.

— Привет, — смотрю на табличку с именем. — Леша. Я бронировала место минут пятнадцать назад.

— Позднее заселение оплачивается дополнительно, — откладывает телефон и дергает мышь от компьютера.

— Хорошо, сколько с меня за ночь. И можно продлить номер по телефону?

— Запись продлить можно, — бормочет под нос Леша. — С тебя 1300 за номер и 200 за поздний заезд.

Достаю деньги и паспорт. Леша забирает все и открывает документ. Начинает вбивать данные в вордовский файл, а потом замирает.

— А тебе, что 17? — с удивлением спросил администратор.

— Да, в паспорте же отмечена дата.

— Извини, но несовершеннолетним тут не место, — отдает мне и деньги и паспорт.

Парень поджимает губы, словно извиняется, но помочь не планирует.

Я достаю из сумки папку и оттуда лист а4. Протягиваю их парню и говорю:

— Это нотариальное заверение моего опекуна. Я могу заселяться в отель самостоятельно. Мне разрешил мой опекун.

Леша аккуратно взял бумаги. Несколько раз перечитал одну строчку, хмыкнул и вернул обратно.

— Твоя взяла, — улыбнулся он. — На сутки значит в Москву.

— Есть такое.

Администратор заполнил бумаги и распечатал акт заселения. Я мяла в руках нотариальное заверение. Нужно позвонить дяде Мише и поблагодарить его за идею. Он как узнал про мою поездку потребовал, чтобы тетка сходила со мной к нотариусу. Я ее кое-как уредила в этом. Сама заплатила за услугу. Но меня она еще целый день попрекала за это. Вспоминала маму, что она тоже бредила фотографиями. Что это полная чушь и нужно заниматься, только действительно важными вещами.

К примеру, экономический или юридический. А еще лучше медицинский. На ее заверения я только морщилась. Как ей объяснить, что из предложенного более и менее для меня только экономический. И то с натяжкой. Только потому что отец учил меня арифметике быстрого счета в уме.

Леша закончил. Он протянул мне ключ и встал, чтобы проводить.

Мы прошли через дверь в общую комнату. Тут сидел один парень. Он был в наушниках и быстро печатал на клавиатуре ноутбука. В общей комнате отдыха стояли несколько столов, пять пуфиков вместо стульев и один диван. Цветовая гамма отеля — белая с яркими акцентами: красного, желтого и синего.

— Там туалет и душ, — махает в правую сторону Леша, когда мы вышли из общей гостиной. — А вот там кухня. Стоит микроволновка, чайник, кружки и тарелки с приборами.

После себя все мыть.

— Туалет и душ общий?

— Да, — смеется парень. — Не беспокойся. Каждая кабинка запирается. Душ просторный в меру. Столкнуться с парнем сможешь только около раковины.

— Радует, — хмуро отзываюсь.

Мне понравился отель, но вероятность столкнуться с парнем с полотенцем на бедрах не особо радует.

— Тут капсулы для сна, — проводит меня в последнюю комнату. — У тебя капсула десять.

— Желтенькая дверь?

— Ага, желтенькая, — отвечает Леша. — Пока, Ксю. И кстати в ящиках ниже есть полотенце, халат, тапочки и моющие средства.

Я подошла к своей капсуле и открыла ее при помощи ключа.

В принципе неплохо. Кровать есть с мягким матрасом, выдвижной столик тоже есть. Фонарик, розетка и чистое белье. Правда ощущения комфортабельного гроба. Но если вспомнить американские фильмы, то у них покойники в очень удобных гробах хоронятся.

Скидываю вещи на кровать, достаю свое свежее белье и из ящиков полотенце с халатом. Пора бы сгонять в душ и переодеться.

Душевая кабина действительно плотно закрывалась. Проблем принятие душа у меня не вызвало. Скорее переодеться в своем номере из халата в одежду было проблематично. Лежа.

А теперь нужно что-нибудь перекусить. Пойду искать дешевую столовую в Москве. Вышла из отеля и отправилась по стрелке навигатора. Оглядывала улицы, запоминая места. Вечер был немного прохладный. Поэтому особо гулять не хотелось. А вот есть — очень.

Осталось перейти улицу, как из ресторана вышли трое парней. Один из них закурил. И я его знала.

— Ксюша, — не менее удивленный голос Матвея вывел меня из транса.

Он-то тут откуда. Разглядываю парней, которые стоят рядом с одноклассником. И узнаю одного. Волейбольная команда. Матвей ведь с ними играет. И у них соревнования. Наша классная ходила ругаться с тренером. Потому что он забирает слишком много ребят на разные соревнования. А у мальчиков скоро экзамены.

— Кто она, Мрак? — блондинчик махнул мне рукой, приглашая подойти. — Я Арсений. Друг Мрака. А ты?

— Малахит она, — перебил друга Матвей.

— Это она?

Воскликнул другой друг. Не выразительные черты лица, но открытые. Он не скрывал свои эмоции и его мимика активно выдавала их его собеседникам.

— Ксения, — Арсений отбросил руку другого и приблизился ко мне. — Приглашаю вас отобедать с нами в ресторане.

— Тем более, что платит Матвей, — заржал второй.

— Заткнись, говорун, — гаркнул блондин и повел меня ко входу. — Мы знаете ли сидим без девушек. Потому что наш капитан запретил их приглашать.

— Сам сел на обет и нас заставляет, — поддакнул позади другой.

— Умолкни, — звук глухого удара. Матвей не выдержал видимо.

Одноклассник обогнал меня и Арсения и перегородил нам дорогу. Они долго смотрели

друг на друга. Как видимо Матвей был недоволен инициативой Арсения. А мне не хотелось снова привносить разлад в группу.

— Я думаю, мне лучше не следует к вам присоединяться, — начала я. И потихоньку потянула руку, чтобы высвободить из захвата.

— Почему? — удивился Арсений. — Ты не смотри, что Мрак бука. Он всегда такой. Да и ты ему не даешь. — я косо уставилась на парня. А он с усмешкой добавил: — спокойствия. Ты ему не даешь. А ты что подумала?

— Я...

— Пойдем внутрь, — подал голос Матвей. — Тебе не нужно уходить, Малахит. Пойдем поедем я угощаю тебя.

Арсений вел меня под руку с одной стороны, а Матвей с другой. Их друг ушел вперед. Когда мы подошли, вся волейбольная команда знала меня. С кем-то я познакомилась. Но в основном. Ребята приглушенно разговаривали в конце стола. Тем самым уединив меня и Матвея.

— Как ты оказалась в Москве?

— Пригласили на кастинг, — закрутила пасту и перед тем как закинуть ее в рот. Добавила: — Вот и приехала.

Матвей следил за моими движениями. Позволяя мне наесться спокойно. Но в то же время, продолжая, осыпать интересующими его вопросами.

— А что Глеб не сопровождает тебя?

Больной вопрос попадает в десятку. А Матвей меткий парень.

— Ты ведь понимаешь почему. — ответила и допила коктейль.

— Скорей всего из-за нашего конфликта. Про твоего партнера танцев. И того, что он узнал о нашем общении.

— Откуда ты знаешь? — шокировано спросила я.

Про наше с ним общение. Откуда Матвей знает, что знает Глеб. Неужели он стоял рядом с нами и специально отправил сообщение. Чтобы мой парень увидел его у меня в телефоне. И ведь сообщение отправил двусмысленное.

— Что он знает про нас?

Звучит так, как будто мы подельники. Или даже любовники, которые прячемся от супруга. Я поморщилась от самой гнусной мысли.

— Нас нет, — твердо сказала я. — Есть только переписка.

— Суть не меняется, — отхлебнул он.

— Так откуда узнал?

— Он вчера приперся ко мне и прижал к стене. Потребовал не соваться к тебе. Ни в сообщениях, ни в живую.

Он не пошел к мне разбираться. Он пошел разбираться с соперником.

Не убивал ей нервные клетки своей ревностью, а пошел разбираться с тем, кто пристает к его девушке.

Нравится ли ей это?

Да. Так на много лучше, чем если бы он трепал ей нервы. И требовал от нее прекратить общение. Это видится в ее глазах как поступок мужчины. А не задиристого парня школьника. А ведь они так и не поговорили.

Она утром отправила сообщение: «Улетела в Москву на кастинг».

Но он не позвонил ей в ответ. Весь день она ждала. Хотя бы сообщение от него или

пропущенный. Но ей написала только Арина. Что к ней приходил Глеб и спрашивал про кастинг.

— Как он отреагировал на твою поездку? Ему ведь нужно привыкать к таким командировкам.

Матвей, как нарочно, тербил своими вопросами мне душу.

Смотрю на парня и киплю. Как чайник. Чувствую как пар поднимается все выше.

А ведь злюсь не потому что он смеет задавать свои вопросы. А потому что он прав. И эти вопросы причиняют мне боль.

Звук входящего сообщения. Неужели Глеб созрел на разговор?

«Вы приглашены завтра на съемку фотографу Мишустин. В 9 утра в модельное агентство Венеция».

— Мне пора, — встаю и киваю ребятам из команды. — Завтра на съемки. Надо отдохнуть.

— Я провожу, — Матвей поднимается и подзывает Арсения. Передает ему карту и прощается с остальными.

— Не обязательно.

— Обязательно. Это не наш городишко. Это Москва.

Сказать на это нечего. Он прав. Остается только позволить ему проводить. Мы выходим и молча идем к моему отелю.

Как же Матвей прав. Мне нужно подготовить Глеба к отлучкам на кастинги. Еще к тому, что я могу сниматься почти обнаженной, когда в зале людей больше одного. Что меня может не быть в течение полугода, а потом неожиданно приехать на неделю. И снова отправиться в тур съемок и показов мод.

Его нужно подготовить. Или бросить. Чтобы освободить.

Но почему я держусь за него. Почему мне с ним так комфортно? Словно меня укутывает плед в неясную погоду. Почему мне хочется постоянно целовать его и обнимать. Раньше меня воротило от парней. Они были просто представителями мужского пола. А Глеб ... он....

Мы подошли к отелю и остановились друг против друга. Матвей смотрел мне глаза, а потом достал из заднего кармана джинс пачку сигарет и зажигалку.

— Я не согласен с твоим выбором. Глеб не тот парень, что тебе нужен. Он...

Я понимаю, что Матвей пытается напугать меня правдой Глеба. Которую я уже знаю.

— Я все знаю про него, — перебила его. — Он все мне рассказал. А вот ты откуда знаешь?

— Света рассказала, — закурил. — А у нее свои методы поиска информации.

Мда. Свете в разведку нужно отправляться, а не замуж выходить. Глеб скрывал, как мог, ото всех информацию о болезни матери. Так спокойнее. А оказалось, что Света знает. Но хорошо, что молчит. Совесть в ней не полностью пропала.

— Неважно. Я хочу быть с ним.

Твердо проговариваю правду. Я хочу быть с ним. Но буду ли?

— Но он не уедет за тобой.

— А ты что ли уедешь, — с издевкой спрашиваю и отступаю. Потому что горько внутри. Почему нельзя запатентовать свою жизни на какой-нибудь божественной доске. Чтобы строго в определенное время приходил успех, любовь, дети и смерть. Почему мы не можем контролировать свою жизнь?

— Уеду.

Столько уверенности в голосе парня. Как ему объяснить. Даже если я расстанусь с Глебом. Я не буду с ним. Не потому что он где-то проигрывает. А потому что не люблю.

— Матвей...

— Я тебе больше подхожу.

— Но люблю я его, — воскликнула и замерла.

Потому что правда, которую я только что сказала: была для меня новостью. Я сама только что узнала эту правду. И ответ на все в мои «почему».

Я его просто люблю. Люблю своего Глеба.

Матвей отходит и выбрасывает бычок. Потом достает еще одну сигарету, но не закуривает.

— А он знает? Может поэтому он жестко ревнует.

Матвей выкидывает целую сигарету на тротуар и уходит. А я сразу прохожу в отель. Смотреть на сгорбленную спину парня не доставляет мне удовольствия. В туалетной комнате чищу зубы, переодеваюсь. Завожу будильник. И лежу. Сна нет. Что-то я сегодня не сделала.

Резко подкидываю руку и достаю телефон. Нужно позвонить Глебу.

Первый гудок и абонент тут же отвечает. Но молчит.

— Я люблю тебя, Глеб, — проговариваю в тишину я. Но он продолжает молчать. — Я виновата, что не предупредила заранее. Что промолчала про Матвея. Но я люблю тебя. И я это поняла в дали от тебя. Возможно я не во время... возможно опоздала. Но я...

“Я жду тебя, Ксюша, — тихий голос с нотками радости. Немного уставший, но уже успевший стать мне родным. — И я тоже люблю тебя. Спокойной ночи”.

— Спокойной.

Отключаюсь вслед за ним и затихаю. Вот теперь я все сегодня сделала. Все что должна. Закрываю глаза и с улыбкой засыпаю.

— Надеюсь ты взяла все что я говорил? — Глеб натягивает на меня кепку и поправляет ветровку.

— Ты вообще-то не сказал куда мы пойдём, — хмыкаю я. — Люся с нами?

— Ты ведь не против, — беспокоится парень.

— Ты первый человек, который сам берет на прогулку младшую сестренку, — улыбаюсь ему и поправляю рюкзак.

Из подъезда выбегает девочка и на ней в разные стороны топорщатся косички. Она одета в спортивную крепкую обувь, ветровку, а на голове вязаная повязка. Она одета так же как и я. Примерно.

— Нам нужна удобная и теплая одежда, — поясняет Глеб.

— Но на улице тепло, — возражаю я.

И действительно. Весна пришла на юг стремительно. Тучи разошлись, солнце полилось теплыми прогревающими лучами. Я стояла минут пять и чувствую как прогрелась. Но Глеб таинственно улыбнулся, но промолчал.

— Воду взяла?

— Как и сказал, — согласно кивнула. — И из еды бутерброды.

— Отлично. А мы, Люся, что взяли?

Он улыбается ей и треплет по голове. Девочка возмущается, но светится. Ей хочется приключений, которые устроил ее брат.

— Плед, чай в термосе, котлеты, хлеб, овощи, салфетки... — по памяти перечисляла она и загибала пальцы. — Что-то еще, но я не помню.

— А чего мы ждем? — интересуюсь у Глеба. Люся ведь здесь, но мы никуда не уходим.

— Такси.

Которое подъехало вместе с его словами.

Парень открыл дверь и впустил на заднее сидение меня и Люсю. Отнес наши рюкзаки в багажное отделение. А сам сел впереди.

— Куда нам?

Таксист мужчина ближе сорока с мощными усами повернулся к Глебу.

— К мастерской стеклодувов.

— Мы правда поедем туда, — воскликнула Люся. Она завертелась юлой на месте. То пытаясь обнять брата, то возвращаясь к окну.

Мне название места не о чем не говорило. Хотя и понятно. Я живу тут седьмой месяц, но знаю только где школа, дом, магазин и остановка до студии.

Спрашивать куда мы, я не стала. Потому что Глеб намерен был устроить мне сюрприз. Не смогла его разговорить в течение нескольких часов. То и сейчас не смогу. В этих вопросах мой парень упрямый.

Люся знала куда мы. И можно было бы спросить ее...

Но мне показалось, что это подло использовать девочку, только потому что меня заинтриговали.

Моя съемка в Москве прошла успешно. Как оказалось тот последний фотограф и был Мишустинным. Я ему понравилась на кастинге. Поэтому он выбрал меня и еще четыре девушки. Двое из них были главными звездами групп. Одна темненькая, а другая светленькая

с инопланетной внешностью.

Они увидели меня и зашипели. Думали, что я пробралась на второй день съемок зайцем. Хотели даже выгнать меня вместо персонала агентства.

Им не дал Мишустин. И чуть не выгнал их сам.

После его отповеди они присмирели. Высказались, когда вышли из агентства. Но я уже их не слушала. Бежала в аэропорт на самолет.

Матвея на второй день я не видела. У него были соревнования. И он перестал мне писать даже, когда вернулся в город. Это должно радовать. Но мне было неловко. Что я призналась в чувствах к Глебу в разговоре с Матвеем.

А что чувствовал он? Может быть боль? Может после этого он перестанет преследовать меня?

Это бы облегчило мне жизнь.

Арина опять начала со мной общаться. Мы часто встречаемся после школы у нее, чтобы готовиться к занятиям и к экзаменам. Я точно знаю, что буду сдавать. Классический минимум предметов. А вот Арина не знает как быть. Ей нужно выбрать вуз, сдать подходящие экзамены для профессии и поступить. Но на кого и куда она пойдет через пол года — не знает.

Мы встречаемся у нее, когда родителей подруги нет дома. К себе я ее не приглашаю. У меня постоянно какой-то шум на фоне. А у нее тихо. Но у меня с ней правило. Не трогать тему моих отношений с Глебом. Я вообще не говорю с ней о нем.

Женская солидарность или жалость? Скорее сочувствие правит мной. Не могу вот так заставлять ее еще больше мучиться.

А с Глебом у меня начался новый виток отношений. Ему не хочется отпускать меня домой. И если бы не его больная мать, то он бы забрал меня к себе. Он уже составил список подходящих институт недалеко от дома. У него на выбор три лучших вуза с бакалавром «Прикладной информатики». Предметы, которые ему нужно сдать, он хорошо знает. И готовиться к экзаменам хоть и усердно. Но в то же время спокойно.

— Мы почти приехали, — повернулся к нам Глеб. — Вы не уснули? А то молчите.

Весна вступает в свои права на юге быстро. На календаре только первая неделя весеннего месяца, а на деревьях уже давно проступили первые листочки.

Мы вышли из машины, а Глеб расплатился с таксистом и достал наши рюкзаки. Я с интересом оглядывалась по сторонам. Трасса едва касалась склона. Было видно, что нас ждет лесная чаща с минимальным количеством цивилизации. Именно туда и смотрела Люся. На ее личике был написан восторг и предвкушение.

Склон скрыт деревьями и перед ним преградой льется речка. Над которой висел мост. Висячий над рекой мост! Которые любят срывать в фильмах, когда герои переходят по нему.

— Нам надеюсь не туда?

Спрашиваю Глеба. Он улыбается мне и отдает рюкзак.

Люся к нему подсказывает, чтобы отобрать свою ношу и первая побежала к мосту.

— Стой, — выкрикнула я. — Может он аварийный!

— Трусишь? — интересуется Глеб и двигает бровями.

Это ведь провокация, — рычу про себя я. Но отбираю рюкзак и топаю к мосту. Люся уже на середине. Она так уверено идет по нему. А я топчусь в самом начале и не знаю как ступить на него.

— Он не аварийный, — сзади проговаривает Глеб. — Или ты думаешь, я бы позволил сестре бежать впереди меня?

Не позволил бы.

Знаю и так.

Вдох-выдох.

Делаю первый шаг. Он шатается подо мной. И я резко хватаю за веревки для рук. Второй шаг. Земля уходит из-под ног. Или точнее мост.

— Смелей, Ксюш, — подгоняет меня Глеб. — Это как показ мод. Представь, что на тебе дизайнерское платье. Внизу зрители из экспертов моды. И тебе предстоит дефиле по подиуму. Ты что будешь идти как каракатица?

Откуда он знает как меня заставить двигаться?

Я выпрямляюсь после его слов. Ноги не дрожат и стоят уверенно на неуверенной платформе. Руки я отпустила. И теперь я не я.

Третий шаг я сделала нормальный. Четвертый еще лучше. А пятый, я словно действительно была на подиуме.

— Молодец, Ксю.

Я обернулась и замерла. Улыбка в глазах Глеба воодушевляла. Она бодрила получше всякого кофеина и энергетика. Ради его улыбки я готова пойти на все.

— Скорей, а то малявка моя убежит. А там подъем.

Он подталкивает меня. И я пошла. С ним над пропастью вперед.

На другом конце моста нас действительно ждал подъем. Люся тут быстро бежать не могла. Рост пока маловат. Я и Глеб с длинными ногами догнали ее примерно на середине восхода. И пошли в ее темпе.

Под ногами камень. По краю дороги трава. Мне с каждым шагом наверх открывался вид над пропастью и на город. С одной стороны виднелось море. Тонкой полоской, с другой каньон из гор и деревьев. Падать туда совсем не хотелось. Но внутри меня раскрывала крылья птица, которой нравился вид. Которая чувствовала порывы ветра и ей не было страшно. Ее пропасть возбуждала перед полетом.

Мы не говорили, пока поднимались. Дышать становилось труднее. И, чтобы сохранить силы, мы только переглядывались. Мы подбадривали друг друга взглядами и улыбками. Но мой путь затруднялся тошнотой.

Я не привыкла к перепадам давления. Легкая дурнота сковывала меня. До вершины оставалось чуть-чуть, и я шла только из-за собственного упрямства. Глеб заметил мое состояние и подошел ко мне около перевала, чтобы помочь.

— Садись. Мы посидим тут десять минут. Тебе нужно передохнуть и попить воды.

Люся отобрала телефон у брата и бегала вокруг нас фотая все подряд. Она умудрилась селфить себя так, что казалось, что она над пропастью.

— Люся, только прошу осторожнее. Дальше путь куда мы не ходили.

— Хорошо, брат, — кивнула она, не замедляя серию фоток.

— А вы как себя чувствуете? — отпила я воду из бутылки.

— Мы привыкшие к давлению, — ответил Глеб, поправляя шнурки на моих кроссовках. — Это наш не первый подъем. Я часто с Рустамом хожу в горы. А Люсю мне не с кем оставлять было. Вот и она приобщилась.

Я закрыла бутылку и убрала ее в рюкзак. Ветер трепал мои волосы, а Глеб выпрямился во весь рост и встал около края. Он казался таким полководцем за которым хотелось идти.

Высокий и сильный. Ему не хватало бинокля или подзорной трубы.

Я вытянула из рюкзака свой телефон и навела его на Глеба. Пока он не видел, сделала себе пару фотографий на память. Нужно сохранять такие моменты в памяти. Моменты воспоминаний. Кто знает, что будет дальше.

— Пора.

Я встала и пошла за Люсей. Глеб в этот раз не позволил ей идти вперед. Только после него. Мы прошли к камням, которые представлялись как вратами в пропасть. Глеб держась руками за камни первый пошел вниз. Потом пошла Люся. Она ловко соскользнула в пропасть в руки брата.

Пришел и мой черед спускаться.

Я оперлась руками о камни и сделал первый шаг.

Черт, как скользко!

Подумала я, когда заскользила вниз. Я не скакала ловко как девочка. Я почти кубарем скатилась в руки Глеба. Может не кубарем, но скатилась с визгом.

— Не ушиблась?

Крепкие руки не дали упасть. Я громко дышала в грудь парня переводя дыхание после испытанного экстрима.

Вот ведь адреналин.

Ему ответить я не могла. Я только покивала и отцепилась от него. Стоять могу. Ноги не дрожат как у курицы. Уже хорошо.

— Это было круто, — выкрикнула Люся. — Брат, можно я также скачусь?

— Нет!

— Но брат, — надула губки девочка.

— Люся, Ксюша не специально так скатилась. Она испугалась, когда падала.

Люся резко замолчала. Ее глаза расширились и в них откликнулся испуг. Она поняла, что значит испугаться. Только в своей версии. Ее маленькое тельце напряглось.

Глеб тоже это увидел и отпустил меня. Он присел около сестры и обнял ее.

— Все хорошо, Лю. Ты со мной в безопасности.

Она закивала головой и взяла брата за руку. Глеб встал и пошел дальше. Люся не отставала, продолжая держаться за него.

Он ее единственная опора.

Он ее скала.

— Ксю, ты идешь?

Я аккуратно последовала за ними.

Мы спустились в лес. Деревья были покрыты мхом. Казалось что мы попали в таинственный фэнтезийный мир. Слегка нереальный, но потрясающий. Вдалеке слышался шум воды.

Мы идем к водоему?

Нам пришлось спускаться еще минут десять. Пока мы не достигли низа ущелья. Здесь протекал ручей и образовывал небольшой водоем среди камня и деревьев.

Красиво!

— Мы пришли?

— Еще нет, — помог перейти скользкий камень Глеб. — У нас тут привал.

Люся споласкивала руки в ручье, а Глеб пил воду.

А я замерла перед отражением.

Как тут красиво и спокойно. Вот бы тут устроить съемку. Несколько человек в образе диких или фэнтези людей. Девушки люди, а парни русалы. И они притягивали девушек к себе.

А то почему русалки только девушки. Русалочье мужское озеро.

— А тут люди летом купаются? — спросила я.

Глеб передал бутылку Люсе и подошел ко мне.

— Нет, летом тут пересыхает. Самое хорошее время походов весна. Именно начало. Зимой и осенью тут скользко.

— А куда мы тогда пойдём? Дальше?

— Да, я обещал сестрёнке водопад. Но время было не походное.

— А меня взял как в довесок, — неожиданно обиженно проговорила я.

Глеб прижал меня к себе и поцеловал в краешек губ. Он легонько боднул меня и прошептал:

— Ты никогда не будешь для меня довеском. Я позвал тебя. Потому что хотел показать водопад двум дорогим мне девочкам. Моей Люсе и моей Ксюше. Запомнила?

На такое отвечать словами сложно. Я глазами пробежалась по ущелью, отмечая. Люся занята цветами и не смотрит на нас.

Я потянулась к губам Глеба и поцеловала. Языком провела по губам в обманном движении. И отодвинулась.

Но мне не дали закончить.

Глеб обнял меня за плечи и прижался губами к моим. Его поцелуй не были обманкой. Не рассчитаны, чтобы подразнить. Они целовали мощно и беспощадно. С расчетом на то, чтобы мои ноги подогнулись.

— А что вы тут делаете, братик?

Люся?!

Я оторвалась от Глеба, задыхаясь. Долго не могла выравнять прерванное дыхание, а губы чуть побаливали от атаки парня.

Девочка с улыбкой наблюдала за нами и хитро поглядывала на брата.

— Долго ты на нас смотрела? — грозно спросил Глеб.

— Неа, вы молчали слишком долго вот и оглянулась, — бесхитростно поделилась Люся. — Но вы не ответили, что вы делали?

Я растеряно смотрела на Глеба, а он на сестру. Как объяснить, что мы делали ребенку. И главное зачем.

Мне в ее возрасте поцелуи казались мерзостью.

— Эмм, ну мы...

— Практиковали искусственное дыхание, — слишком громко высказалась я.

— Да? Это вам в школе задали? А мне тоже придётся проходить такое?

Глеб сначала опешил, а потом нахмурился. Потому как в будущем скорей всего девочка тоже будет проходить поцелуи. Но понравится ли это брату?

— Не думаю, — с сомнением ответил Глеб.

— Да ладно тебе, брат, — захохотала Люся. — Знаю, чем вы тут занимаетесь!

— И чем же?

— Целуйтесь!

Выкрикнула девочка и побежала к тропинке. Глеб помахал ей только кулаком и выкрикнул, чтоб подождала их.

— Пойдем дальше, инструктор по искусственному дыханию.

Дальше нам предстоял подъем. Полчаса мы пробирались сквозь деревья. Тропинка извивалась как змея на камне. То влево, то вправо. Несколько раз моя нога соскакивала с бревна, но меня ловил Глеб. Поэтому мой исход остался без травмы.

Птички щебетали, создавая какофонию звуков природы. Я с наслаждением прислушивалась к ним и чувствовала. Что моя душа обретала спокойствие. Мне так давно хотелось отдохнуть. Не телом, а душой. Чтобы я могла не думать о проблемах, о целях, а просто остановиться. И услышать этот мир. Увидеть миг, который пролетает из-за рутины жизни.

И сейчас я словила этот момент. Момент умиротворения где-то внутри. И мой камень в груди перегрелся от переполнявших эмоций, которые расщеплялись. Они освобождали место для покоя.

Мы вышли на вершину. Город, горы, лес. Слышались пение птиц, вой ветра. Я встала на край выступа и расправила крылья.

Как бы я хотела стать птицей.

Свободной и лёгкой.

Парящей в воздухе.

Летающая куда только взбредет.

Тут пахнет безмятежностью жизни. Тут себя можно ощутить свободной.

— Ты улететь не собираешься?

— Собираюсь!

— Я с тобой.

— Хоть куда?

— Не важно куда, лишь бы с тобой.

Мы пару минут посидели и отдышались. И отправились к спуску.

Нас ждал водопад.

Каменные склоны, вьющиеся деревья. Проход сюда был не самым легким, но интригующим.

Шум воды был другим.

С нашим приближением он притягивал еще больше. Может там действительно обитают русалки, которые призывают нас на гибель.

И наконец я его увидела.

Обитый мхом камни окружали водопад, маленькая тропка становилась круче.

Последний шаг и я замерла.

Вода падала вниз мощно и неизбежно. Такая мягкая и нежная водичка, казалась убийственной падая вниз. Водопад завораживал, наполнял силой, но купаться под ним не тянуло.

Было страшно зайти в воду. Казалось сами камни ограждали от любопытных прикоснуться к потоку.

— А-ааа, — заверещала Люся. — Как долго я ждала этого дня. Водопад!

Люся перепрыгивала с камня на камень и подобралась почти к водопаду. Она ловко зацепилась за ветку, уперлась в камень ногами и дотянулась рукой до льющейся воды.

— Она у тебя обезьянка, — проговорила я.

Глеб кивнул, но продолжал следить за действиями сестры. И только, когда она вернулась, расслабился и повернулся ко мне.

— Ты что-то спрашивала?

— Нужно разложить плед и еду. Я проголодалась.

Мы разложили плед, достали еду и термос. Я разлила по стаканчикам чай и раздала Глебу с Люсей. Следующие десять минут мы ели.

Нас окружал запах воды и земли. Шум успокаивал внутри тревогу. Я впервые ела на природе. Как-то мы с семьей не ездили за город.

Надо было это сделать в прошлом. С мамой и с папой. Мама бы взяла с собой фотоаппарат и снимала бы нас. А папа разжигал бы костер. Возможно бы взяли палатку и остались бы на ночь.

Но это фантазия останется ею навсегда. Она не сможет стать реальностью. Если только я не создам свою семью и не привью традицию ездить за город.

Глеб бы это одобрил.

Люся первая расправилась с обедом и убежала рвать себе цветочки. Глеб наблюдал за мной, пока я доедала бутерброд и вытирала губы салфеткой.

— О чем думаешь? — спросил Глеб, поддавая мне упаковку влажных салфеток.

Я вытянула одну и вытерла руки от соуса.

— О маме, что мы не ходили в поход. И если бы пошли. Она бы все тут сфотографировала.

— Это от нее у тебя любовь к моде?

— От нее, — с улыбкой соглашаюсь с ним. — Но не к моде. А к моделингу. Она меня снимала, еще когда я не умела ходить. Потом меня стало увлекать позирование. Дальше школа моделей. И потом я пропала в этом.

Парень забирает из моей руки салфетку и складывает в пакет с мусором. Он о чем-то напряжено думает.

И что-то во мне в ответ напрягается.

Он понимает или нет. Что моя сфера деятельности может стать преградой.

— Ты чокнутая, — со смехом говорит Глеб. — Ты знаешь?

— А то, — смеюсь. — я не замечаю время: когда позирую, когда придумываю позы. Я перестаю быть собой. Меня на секунду заполняет пустота, и я словно в вакууме. Где нет проблем. Есть только я и фотоаппарат. Который меня запоминает.

Откидываюсь на плед и всматриваюсь в небо. Оно голубое. Просторное. Безграничное.

Глеб укладывается с другой стороны. И его голова оказывается на противоположной стороне. Чуть ниже моей.

Его голос звучит глуше. А меня это завораживает. У него такое голос. Тихий, но сильный. Я хочу стать кошкой, которая будет тереться о ноги хозяина. Ради его голоса. Который позовет меня по имени.

— Я понимаю тебя, Ксю. Я всегда считал, что одно из пунктов для счастья найти свое предназначение. Я даже долго думал, как определить это свое предназначение.

— И понял?

— Когда ты готов не спать и не есть. Когда не чувствуешь времени. Когда ты готов платить за то, что ты делаешь. Когда ты думаешь об этом как часть тебя. Если это присутствует в твоей жизни. То это и есть твое дело.

Мудро. И все это у меня про моделинг.

— А ты нашел? Ты ведь много работаешь. Это твое дело жизни? Или нет?

— Раньше боялся, что нет. Но потом оказалось, что я не могу отделить от себя айти.

Компьютеры, интернет, приложения. Все это часть меня. Они дополняют меня, а не уничтожают. И тогда я понял. Мне повезло. Я не ошибся.

— И я. Я тоже не ошиблась.

Мы повернулись одновременно друг к другу. Его глаза горели, когда он смотрел на меня. Мне кажется, мои горели не меньше.

Секунда соединения. Казалась раем.

Но время имеет свойство проходить.

Мы провели около водопада почти час. Наелись, нафоткались и собрались в обратный путь.

Уже ставшая знакомой тропа промелькнула. Казалось, что время сократилось вдвое на преодоление того же расстояния.

Эффект обратного пути. Это не измерение времени. А твое суждение о нем.

А какое мое суждение о времени. Возвращаться в знакомое или исследовать новое?

— Спасибо, Ксюш, — Рома похлопал меня по плечу и махнул девушке с ресепшен. — Неси сюда платье. Модель пришла.

Я шла за фотографом, и наблюдала как он раздавал команды. Денис махнул мне около фотостены. Настраивал аппаратуру и стойку. Арина стояла около зеркала и разбирала свой переносной чемоданчик. Она не смотрела в мою сторону, но она видела, как я вошла. Но даже не обернулась.

Что-то опять изменилось?

— Привет, Арин, — обняла ее со спины, как обычно, делала она. Только вместо привычной улыбки, она напряглась. И не спешила поворачиваться. — Арин?

— Привет, — поспешно отреагировала подруга. — Там платье для баннера, макияж простой. Выделяющий глаза. Прическа полусобранная с опущенными прядками. Готовься. Скоро съемка.

Что с ней?

Я отошла, чтобы скинуть курточку и попить воды. Нужно расчесаться и снять с себя одежду. Зашла за ширму, разделась и надела платье. Средней длины платье-халат на тонких бретельках. Серьезность и невесомость.

Так бы я охарактеризовала платье для съемок.

То, что нужно для рекламного баннера фотостудии.

Рома захотел обновить рекламу студии. Поэтому попросил меня о съемке. А еще он хочет отснять в рекламном стиле серию студийных снимков, а потом повесить их на стену вдоль коридора.

Я буду-то встречаю и провожаю гостей по фотостудии. Мое лицо привлекательная картинка для Роминой студии. Интересная идея.

На выходе из-за ширмы меня встречает Денис. Он оглядывает меня с ног до головы и показывает класс. Фотограф одобрил образ.

— Ты счастливая, — отмечает факт парень и подмигивает. — Глебу это удастся?

— Откуда ты знаешь?

Ахнула я.

Денис ведь не всевидящий. Или нас видели, когда мы возвращались из похода. Я устала в тот вечер, но счастье не покидало меня. Мне снились фантастические сны. Мне даже впервые не хотелось вставать с кровати. Потому что сны утягивали меня назад.

— Ваше селфи. Поцелуй на камеру. Соц сети. Аккаунт Глеба у всех наших в подписках, — дроблено оповестил меня Ден и подмигнул.

Фото?

Наше последнее селфи? На фоне водопада. Где он меня целует в щеку, а я задорно улыбаюсь в камеру.

Он выложил?

Открываю телефон и заглядываю в приложение. Последнее фото выложено вчера. Я так вымоталась после прогулки, что упала и уснула. Потом уроки и подготовка к экзаменам.

Завтра ждет нас школа. Нужно будет отметить, какие я буду сдавать предметы для егэ.

Но сейчас я поняла в чем причина дурного настроения Арины. Она видела. Она видела что я с ним. Вечером я не выходила на связь. Занималась одна. А влюбленная девушка могла

подумать все что угодно.

Прохожу и сажусь на стул. Подставляю лицо к свету. Арина с каменным выражением. Для нее это так неестественно. Она молча приступила к макияжу. У нее тряслись руки. И несколько раз стрелки получались неровными. Девушка стирала их и заново наносила.

Обычный мэйк, который она делала за двадцать минут. Занял почти сорок. Даже Рома подходил к нам и спрашивал в чем дело.

Протягиваю руку к Арине, но она шарахается от нее. Заглядывает в мои глаза и краснеет.

— Все готово.

— Арина...

— Ксюх, ты долго? — Денис подошел и оглядел со всех сторон. — Нам и так много работы предстоит. Пойдем скорее. Раньше начнем, раньше закончим.

Встаю и всматриваюсь в лицо девушки. Как же жаль. Но у нее не хватает сил держать лицо. Или не все это умеют. Да имею ли я права, требовать от нее. Держать это лицо. Для меня — это гордость. Скрыть свои чувства, не показать свои слабости.

А она... Арина такая открытая к жизни. Разве можно от нее требовать то, что не присуще ее нутру.

— Прости, — шепчу одними губами и отхожу к стенду.

Пора работать.

**

— Отлично, — кивает мне Ден. — Ты справилась. Но часто ты получалась какой-то расстроенной, — задумчиво провел по волосам парень и взглянул прямо в глаза. — В чем дело? Опять из-за Глеба?

— Ум?

С непониманием смотрю на друга и в отрицании машу головой. Из-за Глеба это или нет. Но мне больно. За Арину. Что ей приходится страдать. Но у нее не уляжется боль даже если я расстанусь и подтолкну Глеба к ней. Она заслуживает настоящие ответные чувства. Ей нужно отпустить свои чувства.

И как быть мне. Чувство вины за свое счастье. Оно создает туманность вокруг моих чувств.

Жуть.

— Ты Глеба позвала?

Смотрю куда показывает Ден и ахаю. Вот как он может.

В дверях с улыбкой и с подарком стоит мой Глеб. Он машет мне и зовет. А я не задумываясь лечу в его объятия. Потому что не могу иначе.

Мне тянет к нему, словно я на привязи. Только потяни и я прибегу.

Что это: любовь или зависимость?

Вопрос важный, но не здесь и не сейчас.

— Как ты тут оказался? — утыкаюсь ему в шею.

— Был рядом. Ты закончила?

Отпрыгиваю от него и несусь переодеваться. Быстро скидываю платье, одеваю свои джинсы. Распускаю волосы и провожу своей расческой.

— Теперь вижу, что ухаживания других ты больше не примешь.

Рома облокотился бедром о стол и слишком явно нахмурился. Но мелькнувшая улыбка показывает всю несерьезность его слов.

— Есть такое. Я ведь свободна?

— Свидание?

Хочу крикнуть да, но осекаюсь. Встречаюсь со взглядом Арины, которая следит за каждым движением Глеба. Как он сел, как потянулся к журналу.

Она принесла ему стакан воды, а он поблагодарил в ответ. Арина покраснелась, что сделало ее еще милее. Она с трудом контролировала свои чувства рядом с объектом.

Жгучая ревность обожгла меня. Мне хотелось вырвать стакан из рук Глеба, а содержимое вылить на голову Арине.

Что за мысли!?

Они ведь убивают меня. Съедают мой мозг.

— Ксюш?

Рома заволновался, что я долго молчала.

Взглянула на него и вымученно улыбнулась.

— Да, на свидание. Я пошла?

Не слушаю ответа и ухожу к Глебу.

— Я всё. Идем? Пока, Ариш.

Она смутилась от моего взгляда. Прохрипела что-то в ответ, но на нас больше не взглянула.

Глеб попрощался с Деном, и мы вышли.

— Ревнуешь?

— А ты не знаешь, что она влюблена в тебя?

— Знаю.

— И?

— А что мне делать? Главное не пользоваться ее чувствами. И быть отстраненным. Чтобы она не придумала лишнего.

— Но откуда..?

— Она намного хуже тебя скрывает свои эмоции. Это твои чувства сложно раскрыть. А ее — просто. Даже если не хочешь.

Мы выходим из центра, в котором находится фотостудия. Глеб рассказывает про Люсю. Как она сегодня дала в нос парнишке за то, что он предупредил ее о своих намерениях. По факту, сказал ей, что он на ней женится, когда они вырастут. За это Люся ударила мальчика. Со словами, что у нее уже есть кто на примете. И это не он.

На этом месте я засмеялась. Потому что от Люси. Маленькой и нежной девочки, которая выглядит как наивный котенок. Услышать такие слова. В это с трудом вериться. Я предупредила Глеба, что поверю в эту историю. Если только сама лично услышу такие слова от девочки.

— За всю нашу совместную жизнь, я уверен. Ты не раз услышишь такое, — смеется парень.

На мой неестественный смех он не обратил внимание.

— Куда мы идем?

— Я хочу познакомить тебя со своими друзьями, — воодушевленно признался Глеб и повел к беседке с мангалом у пятиэтажного дома.

Ребят было пятеро. Двое с девушками. Один с сестрой на год младше его. Еще один как сам себя называет: самым ржачный из компании. Только потому что много говорит и не по делу. И, конечно, Рустам. Я думала, что они друзья только в школе. Но оказалась не права.

Рустам поприветствовал меня. Глеб представил другим. Но имена его друзей вылетели из головы. Мне обрадовались все, кроме одной. Сестренки одного из друзей. Она разочаровано взглянула на Глеба и зашмыгала носом. Девушка другого друга подошла к ноющей дурынде и что-то ей зашептала на ухо. И это что-то обрадовало ревнивицу. После чего она перестала плакать, но продолжила смотреть на меня с вселенской обидой. Как будто я украла ее вещь.

Да что это такое.

Почему девушки думают, что я краду чужое. Парни ведь не вещи. Они люди. Это они принимают решение, что я им нравлюсь. Я их не заставляю.

Но мне кажется такие ревнивицы считают, что я ведьма. И готовлю любовное зелье, которым опаиваю бедных и несчастных.

Ну, или сирена. Как вариант.

Ребята готовят мясо, девушки рядом режут овощи. Глеб подал мне баночку пива. Но открывать ее и пить, я не хотела. Не с теми людьми. Нет, настроения на выпивку и расслабон с чужими.

Самый ржачный пригнулся к Глебу и Рустаму. Словно собрался рассказать или спросить один секрет. И громко прошептал:

— Не знаете, у вашей классной Валерии парень есть?

Я сначала подумала, что не поняла вопрос. Но кинув взгляд на Рустама, уверилась в правильности своих догадок.

Рустам напрягся, его руки сжали железную баночку, и она согнулась в нескольких местах. Во силе в его руках.

Я невольно отступила к Глебу. Все же его друг наводит на меня страх.

— Зачем тебе?

Пробасил Рустам. Глеб обратил внимание на друга и с жалостью посмотрел на своего ржачного приятеля.

Я бы перевела взгляд так: «друг тебе каюк» или «у меня скоро на два друга станет меньше. Один помрет смертью дурака, а другой сядет за смерть дурака».

А ржачный друг заржал и произнес факт так, как будто он самый главный философ в округе.

— Ваша классная огонь баба. Так бы ее вы...

Договорить он не успел. Звонкая затрещина остановила монолог ржачного друга. Он испугано взглянул на Рустама и закрыл рот как рыбка на суше. Чуть позже он вместо того, чтобы возмущаться, извинился и отсел подальше.

Видимо задумался о смысле жизни. Ведь затрещина Рустама для ржачного друга оказало виток умных мыслей. Затрещина оказалась аналогом яблока Ньютона для дурака.

— Тебе не нравится?

Тихий голос Глеба отвлек меня.

— Почему так решил?

— Ты напряжена. От пива отказалась. И смотришь на всех как на обидчиков.

Перечислил он.

Глеб прав. Я хоть и опасаюсь Рустама. Но он единственный не вызывает отторжения у меня. А вот другие.

Не особо.

Я словно чужая. А они не собираются принимать меня. Хоть при этом Глеб

предупредил их. Что я для него важна.

— Мы пойдем прогуляемся, — Глеб вывел меня из беседки.

Друзья его пытались остановить, но он отказался.

Один только Рустам молча поддержал его.

По-моему, у Глеба один друг.

Мы отправились к набережной. Она была полна людьми. Мы держались за руки и гуляли вдоль берега. Еще не было жарко. Но и спрятаться от непогоды не хотелось.

Приятно, но иногда появляется необходимость спрятаться в каком-нибудь уютном местечке, чтобы отогреть конечности.

— Ты задумывался о переезде в столицу. Ты ведь уже специалист в айти? А там и университеты лучше. И вообще.

Задала волнующий меня вопрос. Может я преувеличиваю проблему. Может нужно просто обсудить будущее с парнем. И все вокруг будут счастливы.

— А Люсю куда? — со смешком спрашивает Глеб.

— С собой.

— В Москве у школы будет слишком много вопросов. Почему брат, а не мать ходит на собрания. Почему брат решает все финансовые вопросы вместо отца. Почему они оба живы и относительно здоровы, но их нет. Но всегда есть брат.

— А тут?

— А тут привыкли. Что у Люси есть старший брат. Ответственный и решающий все ее проблемы. Не мама и не папа. А брат. Им интересно, но не так сильно.

— Понятно, — протянула я, замыкаясь в своих мыслях.

— К тому же, учеба в столице сложнее. А мне нельзя отчисляться. Потому что мне нельзя в армию. На кого мне оставить Люсю. Значит мне нужно очное образование. С магистратурой. Чтобы я смог довести Люсю до совершеннолетия. И чтобы они знали меня. И не отчисляли даже если я где-то накосячу. А еще работа. Тут уже наработанная база клиентов. Уеду в Москву и придется все заново делать. А это финансовая яма на некоторое время.

Я слушаю его, а внутри меня плачет маленькая девочка. Потому что она надеялась на чудо. Но его видимо не будет.

Его жизнь здесь.

А моя?

Смогу ли я постоянно приезжать к нему. И сможет ли он постоянно ждать меня.

Мимо нас проходит компания людей. Но один из них оторвался и направился прямо ко мне, перекрывая мне дорогу. Высокий блондинчик. И знакомый.

Это был Арсений из волейбольной команды Матвея.

— Малахит! Вот те на. Как в Москве встретились и познакомились. А потом совсем пропала. Так еще и Мрак молчит. О тебе ничего не говорит. Только тренируется как на олимпиаду.

— Ты о чем, Арс?

Глеб с удивленным лицом замер как каменная глыба. А Арсений повторил все, что сказал. И даже добавил, что хотел помочь. Он не задумывался о смысле. И о том, к чему приведут его слова. Но они зажгли фитиль.

Арсений хотел помирить Мрака и Малахит. А то его друг пошел провожать девушку, а потом вернулся очень злой и раздраженный.словно красотка превратилась в уродку в

полночь.

Я слышала только свой пульс. И чуть позже голос. Раздраженный любимый мужской голос.

— Это в твою поездку на кастинг? Ты встретила с ним, когда была в Москве? И не рассказала про встречу?

Глеб уставился на меня. А Арсений просек, что что-то не просек в наших отношениях и растворился в сумерках вечера.

Я стояла напротив своего парня и молчала. Глеб разочаровано всмотрелся в мои глаза и ушел откуда мы пришли. И он ни разу не оглянулся.

Как думайте, логична ли обида Глеба? И есть ли проступок в молчание Ксюши?

Вы бы так поступили? Промолчали бы о встрече с парнем, к которому ревнует ваш парень?

А вы бы рассказали, что у вас разные цели на будущее?

Жду комментариев:)

П.с. Я бы, как человек, поступила иначе. Не так как Ксюша.

Чувство вины как паразит. Как чертов гельминт в кишечнике. Паразитирует внутри и медленно убивает. Питается тобой. Твоими хорошими эмоциями и убивает в тебе цельного человека.

А сам расцветает и растет.

Прошла неделя, потом вторая. А Глеб продолжал молчать.

Он обиделся. Без этого никак.

Парень не отвечал на звонки, которые я делала в первые дни. В школе игнорировал. Даже на совместном награждении в математическом конкурсе ездили молча. Но молчал он не только со мной.

Маша, наша отличница, во время поездки трещала словно у нее два рта вместо одного. Она надеялась на внимание. Все же Глеб в школе, а тем более в классе, является одним из популярных парней. И его внимание для любой как честь. Как солнечный свет во время дождя. Которым я смела разбрасываться.

Судя по взглядам одноклассниц.

Они не понимали, почему я еще не выпрашиваю прощение в ногах у парня.

Глеб говорил только с учителями, Люсей и Рустамом.

Его друг неодобрительно на меня поглядывал. Но не зыркал убийственным взглядом, после которого хочется вздернуться. Его беспокоило состояние Глеба.

Но я устала. Устала держать себя. Свое лицо. Свою маску.

Арина недоуменно поглядывала на меня. Она не спрашивала подробности. Но все в ней говорило. «Иди к нему. Поговори. Я бы так и сделала».

НО.

Я не она.

Часть меня бежит к Глебу, чтобы попросить прощение. Это часть влюбленная. Верующая в чудо. Нежная фиалка, которой нужно в меру солнечной свет и вода. А еще любовь и ласка. Другая часть заставляет сидеть на месте. Это камень. Мой малахит в сердце.

Камень для моей души: привычен. Привычен на столько, что я гублю в своей душе фиалку. Не поливаю и не радую светом. А она чахнет.

Но зато крепнет камень во мне.

И голос от малахита говорит все громче.

«Его жизнь здесь. Пусть лучше мы расстанемся сейчас, чем позже. Это благородный поступок. Ты спасешь его от боли».

Ведь так?

Я ведь этого хочу. Чтобы он меньше страдал? Чтобы не страдала я.

Эти мысли убивали меня. Чтобы откинуть их, я садилась и занималась как угорелая. Нужно сдать экзамены, нужно подготовиться к модельным показам. Нужно подготовить свою будущую жизнь в столице. Остается времени все меньше. А я столько часов бездарно потратила на чувства.

Я занималась и практиковалась в английском, в театральном мастерстве. Упражнялась с разными эмоциями и позами. Я все делала со слезами на глазах. Но делала.

Экзамены по математике и русскому.

Я даже ночью училась. Потому что сон бывало не приходил.

Я осунулась. У меня появились мешки под глазами.

Однажды ко мне подошел Рустам и увел на разговор.

— Что между вами снова произошло. Вы что тут бразильские сериалы устраиваете из ничего.

Парень нависал надо мной. И меня впервые не трясло от страха при его присутствии. Он остался таким же большим и угрожающим. Но мое чувство самосохранения ушло в глубокую спячку.

Я могла только без интереса пялиться на парня и подбирать слова.

— Тебя это разве касается?

— Касается раз из вас двоих ни один не может подойти и разобраться в ситуации, — четко проговорил Рустам. — Он мой друг. И я вижу, что он страдает. Но еще я вижу, что страдаешь и ты. Поэтому не понимаю, что происходит.

— А он не говорит?

— А ты как думаешь? — с усмешкой произнес он. — Мы ведь гордые люди. И пойти на прямую честно поговорить нам сложно. Вместо того чтобы гладить по шерстке свою гордость. Мог бы пойти против шерсти ради счастья. И ты кстати тоже.

Я гляжу на друга моего парня и радуюсь. У него есть хороший и преданный друг. Не то, что те ребята. Они может и общаются давно. Но они не друзья.

Так приятели и только.

А Рустам предан Глебу. И это меня радует.

— Рустам, — тихо зову его. Он наклоняется ко мне. — Я люблю...

Нас прерывает тихий вздох рядом с нами.

Оглядываюсь и вижу нашу классную.

Она прижимает классный журнал. Ее глаза распахнуты и в них отголосок боли. Она смотрит на меня, а потом и на Рустама. Делает шаг назад, и убегает.

Рустам срывается за ней. Он пронесется, словно его подгоняет сам ветер, по школьному коридору, преследуя свою жертву.

Неловко.

Я ушла в тот день, но недалеко. Меня встретила Света и тоже повела на разговор.

Только она не с дружеской помощью, а с угрозами.

Матвей в эти дни не общался со мной. Он не говорил со мной с Москвы. Но его взгляд изменился после моего фиаско с Арсением. Как он проговорился на набережной Глебу, что я с ними встречалась.

Видимо друг рассказал Мраку про встречу, и чем она закончилась.

Взгляд Матвея напоминал звериный. Он как хищник наблюдал за моими действиями и выжидал. Когда я ослабну до такого состояния, когда позову его.

Но он не дождется от меня зова помощи. В этом я была уверена.

Только Свете об это не расскажешь. Она видит, что Матвей ни с кем не встречается. И он наблюдает за мной. С ее способностями она может вычислить, что я работаю в бизнесе родителей Маркова.

Моя сестрица пришла с уже знакомой мне Диной, и прижала меня к стене.

— Почему он продолжает за тобой следить? Почему он смотрит на тебя, а не на меня? Что мне сделать, чтобы он посмотрел на меня!?

Она кричит, а слюна падает мне на лицо.

Я слишком слаба, чтобы сопротивляться. Во мне нет ни физических, ни моральных сил.

Она кричит и плюется. А я могу выдавить из себя немного.

— Сделай пластику. Чтобы твое лицо было похожим на мое. Я уверена. Он обратит внимание на это.

После моих слов ярость в глазах сестры выливается. Мне или мерещится, или скорей всего нет. Но они краснеют и напоминают дьявольские.

Света заносит руку, чтобы ударить. Но ей не дают.

— Тебе ведь говорили, что трогать Малахит никто не смеет, — Бельков номер один держит крепко руку сестры прямо около моего лица. Видно, что девичья рука помаленьку приобретает синеватый оттенок. Света пытается вырвать из тисков кисть, но ей не удается.

— А ты, — второй Бельков приобнимает Дину и прижимает к себе. — Ты уже должна знать, что Мраку не нравится, когда что-то его портят.

— Да разве она его, — выкрикивает Света. Она не выдерживает и взрывается. Отпихивает Белькова и вытягивает свою руку. И начинает оглушительно кричать. — Она не с ним! Она его динамит! Как он смеет ее еще и защищать! Я могу и хочу сделать ей больно. Чтобы поняла, что такое боль. Что значит терять близких. Что значит остаться в одиночестве.

Поднимаю голову и холодным взглядом ловлю ее.

У нас с ней контакт. Но я впервые смотрю на нее своим взглядом. Который режет по живом.

Выпрямляюсь во весь рост и нависаю над своей сестрицей. Теперь помощь нужна ей, а не мне.

Протягиваю свою руку и смыкаю на ее шее.

И говорю. Не так как она. Громко, в надежде что ее кто-нибудь услышит. А тихо. Потому что знаю. Страшнее тихого голоса нет ничего. Только нож перед горлом.

— Ты не знаешь, что такое истинная боль. Что значит терять близкого. — крепче перехватываю и вижу как глаза у сестры пугаются. Она делает судорожный вздох, но ее горлу не хватает места, чтобы протолкнуть воздух в легкие. — Ты потеряла надежду на будущее. Но он даже не был твоим близким. Ты придумала историю в которую сама и поверила. И не смей говорить мне, что я не знаю боль. Что я не знаю, что значит терять близких. И что такое одиночество. Ты должна навсегда заткнуться для меня. Чтобы больше я тебя не слышала. Чтобы из твоего поганого рта больше ни слова не вылетело в мой адрес. Ты поняла меня?

Говорить Света не могла.

А я не могла остановиться.

Что-то во мне взорвалось и уничтожало все вокруг. Мне хотелось крушить. Мне хотелось губить. Мне хотелось убивать все вокруг.

И так получилось, что мне попалась она.

Моя кухня. Которая давно напрашивалась на порку.

Пришла кара и за ней.

— Тебе нужно остановиться, — один из Бельковых подошел к нам и положил свою руку на мое плечо. — Ксюша, остановись. Ты ее убиваешь.

— Ян, говори когда ее хватать.

— Олег, заткнись, — гаркнул Ян. — Она сама отпустит. Она ведь не хочет стать убийцей.

Кто убийца?

Я?

Как тот парень, который убил моих родителей. Причина аварии. Он убийца. Которого я ненавидела и хотела убить. Но он стал калекой. Его судьба сама погубила.

Но мои родители умерли.

А Света. Я ее ненавижу. Но убивать. Ее убивать я не хочу.

Медленно, даже слишком я разжимаю руку. Света жадно плотает воздух. А я отхожу. Моя рука опадает, и Ян подхватывает меня.

— Ты молодец Ксюша.

— Так девоньки, — Олег встал около Светы и подбежавшей к ней Дины. — Вы забываете о встречи. Забываете, что было. И тогда все будет окей. Прощайте. И надеюсь, Света, это твоя последняя попытка обидеть Малахит. Она тоже может сделать тебе больно.

— Пошли, Олег.

Ян уводит меня, а Олег идет позади с моей сумкой. Они не стовариваясь заводят меня на парковку и салят в машину.

— Ты в порядке? Может в больницу?

— Да посмотри на нее. У нее просто болезнь трех эн.

— Какие к черту трех эн, — взрывается Ян и заводит машину.

— Недосып, — зажимает первый палец Олег. — Недоед. И недо...

— Я понял, — перебил его Ян. — Но все же. Ксюш, ты как? Глеб тебя обидел? Скажи только Мраку, и он ему надерет задницу.

— Брат, ты дурень, — ржет Олег. — Ты не видел что ли Глеба. Он такой же, как и она ходит. У него тоже болезнь трех эн.

— И как по-твоему лечится эта болезнь, — хмыкает водитель.

— Блин, брат. Я знал, что ты младше меня, но чтобы мне как старшему объяснять как лечится последняя эн. Поезжай к моей девочке и я объясню. Почти наглядно.

Ян стучает брату по голове, но смеется.

А я слово только очухиваюсь. И понимаю, что натворила. Я этими руками сжимала горло человека. Я сжимала и чувствовала пульс. Как он учащается. Как не хватает телу кислорода.

И мне понравилась такая власть.

Это так ужасно.

Слезы покатались по моим щекам. Мои ладони прижимаются к глазам, словно пытаются удержать внутри. Но это не помогает.

Я вздыхаю, а с выдохов вырывается и всхлип.

Братья переглядываются, но молчат.

А я реву.

Потому что я хочу быть счастливой. Хочу быть мягкой и женственной. Хочу быть с Глебом. Но если я с ним останусь, то я не смогу исполнить свою мечту. И это меня угнетает не меньше.

Я устала выбирать.

Я хочу определиться. И выбрать что-то одно.

Братья привезли меня домой, а я прошла в свою комнату и сразу завалилась спать. Эмоций во мне не осталось. И сон наконец-то пришел.

**

Наступило утро. Я пялилась в потолок, когда на меня навалило осознание. Так

продолжать нельзя.

Нужно что-нибудь отрезать. Либо мечту, либо Глеба. Одним ударом. Что-нибудь одно. Тогда мне станет легче.

Собираюсь дольше обычного. Приходится замазать тоналкой мешки под глазами. Подкрасить глаза, чтобы они не казались потухшими.

Я вышла из подъезда и врзалась в парня.

Глеб стоял передо мной. В его руках красная роза. Которую он мне протянул.

Это что? Перемирие?

Когда я приняла решение что-нибудь отрезать?

— Прости меня, Ксюш. Я не должен был уходить. Как ребенок. Не узнав всю правду.

Передо мной маячит роза, а я не могу ее взять. Передо мной еще висит вопрос и мое решение. Что выберу я.

— Ксюш, я должен верить тебе. Ты не предашь меня. И мой поступок глуп и самонадеян. И я...

— Глупости не говори, — перебиваю его. Беру цветок в руки и вдыхаю аромат. Тут на югах цветы действительно пахнут. Свежестью и самим цветком. Обоняние тает от аромата, а я капельку оживаю. — Я тоже должна была рассказать о встрече с Матвеем.

— Но я...

— Глеб, мы подростки. Нам свойственно вести себя так. Не подумав. Мне не за что прощать тебя. А я вот...

— Ты тоже не должна ничего говорить, — обнимает меня Глеб.

Мне так уютно в его объятиях. Я хочу склонить голову на его плечо. Прижаться к нему. Поцеловать.

Но правильно ли это?

— Пойдем в школу, Ксюш. Скоро занятия.

Киваю и следую за ним.

Мы сделали пару шагов, когда Глеб резко тормозит и целует меня. Я задыхаюсь от его поцелуя. Мне он нравится. Я обнимаю его за шею и целую так же жарко его в ответ. Мне надо набраться смелости и решить что делать.

А пока я наслаждаюсь поцелуем с парнем, которого люблю.

С улыбками на губах мы приходим в школу. На нас все посматривают. Кто-то улыбается на наши скрепленные руки, а кто-то отворачивается.

Но когда мы зашли в класс, нас встретило объявление.

— Класс, давайте поедим на мою дачу в горы кататься на лыжи. Скоро экзамены. И времени совсем не будет. Так что предлагаю всем без исключения приехать на мою дачу. Будем пить, курить и кататься на лыжах. Как вам?

Предложение Матвея приняли на ура. И по взгляду Матвея я понимаю. Я поеду. По своей воли или нет. Это уже будет следующим вопросом на досуге.

— Народ, тусуемся до тех пор, пока нас держат ноги!

Кричит Бельков Олег.

Я начала их различать. Олегу присуще порывистость в действиях. Он словно заводная игрушка, которая прыгает и скачет постоянно. И иногда хочется нажать ему на стоп. Только кнопки у него такой нет.

Ян спокойнее. Он уравнивает своего брата. Более степенный. Говорит только, когда придумает, что хочет сказать.

Они встретили меня и Глеба на входе в дачу Матвея. В первые секунды меня оглушило. Громкие басы, выкрики одноклассников и не только. Они будоражили кровь.

— Вы последние, — приветствует Олег нас. — С вас штрафные стопки!

Мне вручают стопку с прозрачным напитком и такую же Глебу. Мне не охота пить что-то крепкое. Но на нас выжидательно смотрят слишком многие.

— Давай я вместо тебя, — предлагает Глеб. Он уже отдал пустую стопку довольному Олегу. И протягивает руку к моей.

Я бы с радостью отдала. Девчонки, которые стояли поблизости и услышали предложение парня, умилились.

Но я встретила взглядом с Матвеем. В его глазах была уверенность, что я отдам стопку Глебу.

И что-то во мне надтреснулось.

Когда я успела стать такой трусливой?

Разве я не подросток. Когда я в следующий раз напыюсь? Моделям нечасто удается это сделать между съемками. Нам нужен свежий и цветущий вид.

Либо сейчас, либо в нескором будущем.

Крепче сжимаю стопку и выпиваю алкоголь.

Напиток тут же обжигает мне горло. И первое желание выплюнуть все что я выпила. И только спустя пару секунд я почувствовала тепло. Оно потекло вниз по горлу, согревая внутренности.

Приятно.

Не сразу, но приятно.

Отдаю пустую стопку Олегу, который взрывает хлопушку над нами.

— А теперь поцелуй влюбленных!

Что?

— Или первых попавших в сети, — ржет Олег, и обнимает попавшую в его руки Машу.

Наша отличница отталкивает его от себя и жутко краснеет. Мне показалось, что ее кожа приобрела оттенок бордово-красного. И может вот-вот бухнуться в обморок.

Олег же упорно не пускал девушку и поцеловал ее прямо в губы. Под напором парня девушка сдалась. И возможно немного ответила на его поцелуй.

— Вот видишь, Снегирева, поцелуйи это вообще не страшная вещь, — отстранил ее от себя и с любопытством заглянул в ее лицо. — Или может это был твой первый?

Маша покраснела, толкнула в бок Белькова и убежала. Она вытирала руками щеки и расталкивала подростков в стороны, чтобы убежать.

— Олег, ты такой придурок, — Ян треснул по плечу брата. — Иди за ней. И успокой.

Для девчонок что-то первое всегда важное.

— А ты откуда такой просвещенный? — вспыхивает Олег. — Может сам себя на место девчонок любишь ставить?

— Если бы это было так, ты бы знал.

Олег поворчал, но пошел за Снегиревой. Успокаивать.

— Не смотрите на придурка, — советует Ян. — Он путь прокладывал головой, вот и повредил ее немного.

Ян прошел мимо нас.

— Бельковы, — пафосно проговорил Глеб. — Они всегда такими были. Один натворит делов, а другой решает их.

Мы пошли в толпу. Глеб прокладывал нам путь, а я осматривала гостей.

Тут были все наши одноклассники. Арина приехала тоже, но с Ниной и с Ксюшей. Я хотела ей предложить поездку со мной. Но передумала. Незачем травить девушке душу, нашими с Глебом сплетенными руками.

А то в последнее время Глеб постоянно меня держал. Он не хотел отпускать меня даже на уроках. И поэтому, когда удавалось, он пересаживался.

Не согласился ехать один Денис. Как бы его не уговаривали. Он отрицательно махал головой и твердил: «Нет».

Пришлось нашим отступить. Все же Яров успел занять свою репутацию нелюдимого.

Мы прошли мимо Олеси, которая рассказывала группе девчонок новую сплетню. И мимо волейбольной команды Маркова.

Арсений тут же помахал мне. И тот другой. С яркой мимикой. К своему сожалению, я забыла как его зовут.

Матвей не подходил к нам, и Глеб помаленьку расслаблялся. Он тоже понял, что отвертеться нам от приглашения не удастся. Зачем нужна была вечеринка для Мрака мы не знали.

Я надеялась не для того, чтобы подставить еще как-то меня. Или показать в невыгодном свете Глеба.

Либо это было примирение?

Нет, не думаю. Слишком смиренно для Матвея. В нем точно нет такого качества, как смирения с чем-то либо.

Значит подстава?

Глеб отошел, чтобы найти нам напитки. А я осталась стоять около камина.

Живой огонь приятно согревал мои застывшие пальцы. Чтобы добраться в горы нам пришлось потратиться на такси. И одеться пришлось не по-летнему и даже не по-весеннему. Днем в горах было тепло. Но ближе к вечеру тут холодало. Мне пришлось отыскать теплую кофту и куртку, чтобы добраться до дачи в полной комплектации и без обморожения.

— Алмазов тебя случаем не бросил?

Едкий голос сестрицы. От него застывает кровь во мне. Я медленно поворачиваюсь в ее сторону и осматриваю.

— Нет, с чего это ему бросать меня.

Отворачиваюсь от сестренки и провожу по волосам. Все же я напрягаюсь. Я жду от нее подянки. Может это, будет гадкое слово. А еще Света не поняла мое предупреждение. Она снова пытается добиться от меня реакции.

Не люблю реагировать на чужие провокации. Но иногда так трудно удержать язык за

зубами.

— Да? — сомнение в голосе сестрицы. С издевкой. Что она хочет сказать этим? — Только почему-то твой парень общается с твоей подругой. А твоя подруга...

Ее палец с ярким красным маникюром со стразами указал направление. Я не хотя взглянула и сжала зубы до скрежета.

Там стоял Глеб, а рядом с ним Арина. Она столкнулась с ним и теперь краснела. Девушка пыталась вытереть салфеткой мокрое пятно, а Глеб... он отстранял ее. С улыбкой и какими-то словами. Но они вызывали у Арины приступ смущения. Она более нервничала пыталась осушить пятно. И в какой-то момент Глеб схватил ее за руки и встряхнул. Она посмотрела на него, а он говорит. Проникновенно. Прямо в глаза.

И она заморожена.

Обжигающая ревность.

К нему. К ней.

Она лишает рассудка и здравого смысла. Она управляет мной похуже чужой намеренной провокации. А это лишает меня главного. Того, чего я дорожу больше всего на свете. Независимости.

Я зависима от своих чувств. Они поглощают меня.

И казалось бы невинный поступок любимого. Его попытка успокоить девушку. Вызывает во мне взрыв атомной мощности.

Я не слышу себя. Я не слышу своего подсознания. Разве это независимость?

Это зависимость. От чувств. От другого. То, чего я не люблю. То, чего я боюсь.

А еще жалость. Потому что Глеб бросает взгляд на меня. И он моментально меняется. На нем появляется та, самая улыбка. Только для близких. И это замечает Арина.

Ее личико искажается. На нем мелькает боль, которую она хочет скрыть. И мне тоже больно.

Жалость к другому — это тоже зависимость. Чувство вины — зависимость. Я не могу поступить по-своему без оглядки на другого.

Раздражение внутри губительно для меня.

Но меня больше всего раздражает не сами чувства. Не другие люди. А то, что я испытываю эти чувства. То, что я не чувствую свободу.

И они меня сжимают в рамки, которые я создала. Сама.

— Оо, а ей больно, — вкрадчиво прошептала Света. — Из-за тебя она страдает. Да не только она. Все. Но ей... единственная твоя подруга каждый день умирает. Когда видит тебя такой счастливой. И его. Только тебе скорей всего плевать. Как и всегда. Ах, да. Ты ведь смогла пережить реальную смерть близких. Так что на чужую сердечную смерть тебе наплевать. — ее яд патокой лился. Он обволакивал меня и попадал в нужные места. Мои руки задрожали и, чтобы скрыть это. Я сжала их в кулаки. А Света обошла меня с другой стороны и продолжила: — А еще твои родители. Они ведь умерли, потому что спешили к тебе. Ведь у любимой дочурки праздник. Первый показ. День рождение. Поздно ночью возвращались ради этого. А там... столкновение. — она сделала глоток напитка и взглянула оценивающе на Глеба. — А еще он. Алмазов ведь тоже мучается. Он понимает какого полета ты птица. И ждет, и боится. Ему хочется удержать тебя. Но и боится перекрыть тебе путь. Ведь тогда ты упорхнешь. Ты даже Матвея поймала в свои сети, — указала на Мрака. Вокруг него столпились девчонки, но он ни с кем не общался. Даже пытался вырваться из кучи, что у него не получалось. — Расскажи, как себя чувствует та, вокруг которой все страдают и

умирают?

Света вздернула одну бровь и ухмыльнулась. Она отсалютировала мне полупустым бокалом. А я окаменела.

Она смогла ударить меня.

Она нашла мое слабое место.

Я следила мертвым взглядом, как она уходила. Но в голове моей она оставила хаос. Гул нарастал.

Оказалось, что гул был не только в моей голове.

— Куски говна!

Голос Белькова вырвал меня. Рядом с ним стояла заплаканная Маша. На полу с прижатой ладонью у щеки лежал в футболке с футбольным номером Антон, а напротив Олега стоял другой футболист. Он вытянул руки перед собой и отступал.

— Олег, ты чего? Мы ведь поразвлечься ей предложили. Без всякого криминала.

— А она вам отказалась, — грозно замахнулся Бельков. — Но со слухом у вас беда.

— Да она не знает от чего отказывается!

— От дерьмового любовника, — глухо проговорил Олег. Он еле сдерживался и уже направился к стоящему футболисту.

Глеб и Ян выскочили к ним. Олега сдерживал его брат, а мой парень встал между ребятами.

— А теперь каждый по очереди расскажите, что произошло.

Мой телефон требовательно зазвонил.

— Алло, — осторожно ответила на незнакомый номер.

После смерти родителей, когда мне позвонили из полиции и сообщили об их гибели. У меня развился иррациональный страх. Словно каждый звонок с незнакомого номера — это признак плохого сообщения.

— Вы Ксения Малахова? — мужской уставший голос показался мне знакомым.

— Д-да. А вы кто?

— Капитан полиции Белехов.

Это он. Тот самый, который звонил мне и сообщил о смерти.

Что ему нужно?

Я затравленно оглянулась. Мне нужно уединиться. Увидела балконную дверь и кинулась к ней.

Свежий воздух обдал меня, наполняя меня кислородом и холодом. Но я его не чувствовала. Холод внутри меня был сильнее.

— Вы здесь, Ксения?

— Д-да. Я слушаю.

Дрожащая рука трясла телефон у уха. Дыхание сбивалось, а сердце билось в слишком частом ритме.

Предчувствие нового ужаса.

— Я сожалею, — Бум. — Мне снова приходится вам звонить. — Бум. — Но... — Бум. — Михаил Аркадьевич Носов. — Бум. — Он умер два часа назад. В центральной больнице. Он перед смертью попросил позвонить вам и передать сообщение. Ксения?

Умер....

Два часа назад....

Центральная больница.... А я даже не знала, что он госпитализирован.

Дядя Миша.

— Да, я слушаю.

— Вот его записка. «Я успел отправить тебе посылку. Она поможет тебе для твоего пути. Запомни, Ксютка, ты все равно передо мной в ответе за исполнение своей мечты». — ... — Ксения?

— Кто его похоронит?

— Он оставил деньги на это. Я лично займусь этим.

— Спасибо, капитан. Спасибо, что позвонили.

Я отпустила руку с зажатым телефоном. Из него еще издавались звуки голоса, а потом последовали гудки.

Боль в груди сдавливала меня изнутри. Слез не было. Одни только жалкие всхлипы. Боль распространялась по телу, а камень трещал. Кровь сочилась из него внутри.

Как же больно!

Все вокруг меня страдают.

И умирают.

Все. Вокруг.

Слова Светы как кислота на рану. Зашипела и разъела еще больше.

И слезы рванули. Сбивая все преграды.

— Малахит, Малахит, замерзнешь ведь, — мне на плечи опустилась мужская куртка. Матвей обошел меня и заглянул в мое лицо. — Мал... Ксюша, что случилось? Ксюша! Болит где-то? Ксюша, не молчи!

Выкрикнул Матвей, дергая меня за плечи. Его волнение в голосе добило мое каменное сердце. Потому что я заревела в голос со стонами и всхлипами.

— Ну-ну, Ксюшенька, — притянул к себе Мрак и нежно провел по голове. — Маленькая моя, я все решу. Не нужно плакать. В чем хочешь, помогу. Не могу видеть твои страдания. Ксюш, ты ведь слышишь меня?

Его теплые объятия успокоили меня. Слезы высохли, но всхлипы остались.

Слышу как открылась балконная дверь и голос:

— Отойди от нее.

Глеб вырвал меня из объятий Матвея и упрятал за свою спину. Мне так тяжело в душе, что я не могу воспротивиться. Или даже сказать что-то.

Я стою и смотрю, но мне все кажется почти нереальной картиной. Почти сюрреализм.

— Вот придурок, — крикнул Матвей. — Посмотри на нее! Видишь? Ты часто видел, чтобы Малахит ревела вот так!

Глеб оглянулся и увидел только мои красные глаза. Он сжал кулаки и направился к Матвею.

— Это ты ее довел?

— А может ты?

Они встали друг против друга. В их позах напряжение. Нужно только взмахнуть флагом и начнут бой.

Внутри пустота. Внутри нет чувств. Они испарились. Потому что боль выжгла все светлое, что было.

Только последние слова дяди Миши звучали в голове. А все остальное казалось лишним. Неуместным.

Что нужно убрать и срочно.

— Вы оба идиоты, — холодно проговорила я. Они оглянулись на меня. И у обоих растерянность на лицах. Они всматривались в мое лицо. Но, я уверена, они видели только маску. Маску бесчувствия. — У меня умер последний близкий человек. А вы, как недалекие петухи, можете только петушиться и драться.

Оборачиваюсь, а позади меня толпа из гостей. Они расступились при моем подходе. И я как Моисей прошла сквозь море людей.

Я выбегаю и торможу около входа.

Нужно что-то делать. Нужно отсюда выбраться.

— Я вызвала такси. Оно приедет через двадцать минут. Ждет?

Арина протянула мне мою куртку. Я забрала ее. И кивнула.

Девушка не ушла. Она подошла ко мне и обняла. Крепко. Как умеет только она. Я выдохнула в ее плечо и затряслась.

Видимо я еще не все слезы выплакала.

Я спряталась.

Я закрылась ото всех.

Известие о смерти дяди Миши пробило во мне дыру, которую я не могла заполнить. Единственное, что помогало мне. Это мои занятия с Ариной. Девушке не давались многие предметы, но чтобы их сдать. Ей приходилось выкладываться на всю.

Она не хотела просить меня о помощи. Но я настояла. Потому как чувствовала себя в клетке. А вместо тока на прутьях: боль и воспоминания. Которые давили меня. Меня гложили чувства, словно я не оправдала надежды. Родителей и дяди Миши. И чтобы хоть как-то утолить этого пожирателя, я занималась благотворительностью.

Арина единственная, кого я хотела и могла видеть. При ней я не стеснялась своих слез. При ней я раскрыла душу. И ей я помогала. Тем самым утоляя голод своей совести.

В тот вечер после вечеринки. Я ночевала у нее. Отвернулась на кровати и плакала. Арина прилегла рядом со мной и обнимала со спины. И шептала: «Ты переживешь. Ты справишься. Ты самая сильная, кого я знаю».

Ее слова заполняли меня. И мне становилось капельку легче.

На следующий день мне прилетали сообщения один за другим.

Глеб, Матвей, Денис, Нина, Ксюша...

Они писали мне. Многие хотели встретиться. У меня хватило сил ответить только Денису. Предупредила, что я не в форме и запланированную съемку нужно перенести.

Других я проигнорировала.

Тогда они начали строчить Арине. Она поглядывала на меня. Словно спрашивала, можно ли. Но даже она в первый день не смогла добиться от меня ни слова. Она стойко пыталась игнорировать писк уведомлений. Но мне кажется, она потом вышла, чтобы всех оповестить.

Ксюша жива. Но ей нужно время.

Мне нужно много времени. Это я поняла спустя неделю.

Неделю я и Арина упорно занимались. Мы готовились к экзаменам.

В школе я сидела понурая. Мой внешний вид отпугивал одноклассников, но привлек классную. Валерия Ивановна подошла ко мне, чтобы узнать про мое состояние. Я с трудом взяла себя в руки и выдержала сочувствие в голосе девушки при общении со мной. Она пыталась помочь мне, но моя боль заглушала даже разум.

Мне проще отказать людям. Сказать, что я справлюсь. Вместо того чтобы пробиться сквозь стену чувств. И потом освободиться от них.

Я улыбнулась ей и попросила не лезть в мою жизнь без просьбы. И ушла. У Валерии Ивановны было ошарашенное лицо. Ведь до этого я с ней общалась доброжелательно. А тут мне пришлось наругать ей. Но после этого она ко мне не подходила.

Так прошел месяц.

Со мной связался капитан Белехов. Рассказал про похороны. Что он выполнил, что обещал. Я его только попросила отправить мне адрес кладбища и место захоронения. Я обязательно к нему приеду на могилу. Но сначала нужно сделать, что обещала уже я.

Как-то незаметно пришло время экзаменов и прощания с уроками.

Сегодня последний звонок для выпускников.

Я и Арина пришли в советских формах с бантиками в причёске. Она заплела мои длинные волосы, которые достигали талии, в косички. Ещё подруга вплела белые ленточки от банта и уложила их в шишку из начеса и шпилек. Она потратила на это чудо почти час.

И за это я была ей благодарна.

Потому что никто кроме нее не сделает причёску для меня. Не за деньги. А чтобы другой человек обрадовался.

— Спасибо, — прошептала я Арине.

Слезы проявились в уголках глаз. Я быстро заморгала. Не хотела испортить макияж. И нужно перестать. Слезы делу не помогут. Даже если они облегчают боль в душе.

— Ты улыбнулась впервые за месяц, — заметила она.

Легкая усмешка исказила мои губы. Разве это улыбка? Скорее оскал. Или неуклюжая попытка улыбнуться.

— Это был трудный месяц.

— Мне казалось, — выдох. Арина сомневается. Она хочет сказать и сомневается в надобности слов. Выдох. И скрещивание наших взглядов через отражение. — Что смерть родителей так тебя не косила.

Я первая разъединяю контакт.

Моя боль не связана с трагическим фактом. Это связано со страхом.

— Со смертью родителей оставался дядя Миша. А сейчас....

А сейчас страх.

Кому я сейчас нужна?

Произнести это, значит признаться. Что я не смелая и каменная Малахит. Я человек. Я девчонка, которой только семнадцать.

— Я понимаю, — обняла меня подруга. — Я могу стать тебе близким человеком. Не хочу, чтобы ты чувствовала себя одинокой. И Глеб... он тоже волнуется.

Она споткнулась на его имени. Она подталкивает меня к нему. Но какой ценой?

В любом случае, мне нужно с ним поговорить. Мне нужно рассказать, что я остаюсь в этом городе в доме тети до своего дня рождения.

И это не обсуждается. Потому что тетя Маша уже намекала мне. Как только я стану взрослой в лице государства. В тот же день я обязана свалить из ее дома.

Куда я пойду? К Арине я точно не перееду. Это будет уже наглостью. К Глебу? Так у него мать истеричка. Буду еще катализатором ее истерик. А это скажется на ее здоровье. К тому же после того приступа ей нельзя работать. Она сидит дома. И выходит только на прогулку и к врачу под ручку с сыном.

Вывод: к нему нельзя.

К Матвею? Так сам Глеб и откажется от этой идеи.

Или я могу уехать в столицу. Некоторые модельные дома предоставляют апартаменты для моделей. Девушки румэйты живут в одной квартире и работают в одном доме. На каждую модель назначается буккер, и именно он ищет контракты для моделей агентства.

Так что для меня есть шанс не остаться на улице. Но для этого нужно после совершеннолетия отправиться в столицу.

НО.

Мне нужно поговорить с Глебом. Мне нужно попросить у него прощение. Я даже с ним не поговорила после вечеринки. И хоть у меня оправдание. Но мне нужно это сделать. И признаться, что я уезжаю.

Я хочу закрыть свой гельшпат.

Вся школа собралась на улице. Я проучилась со своим классом один год. Но кое-кто стал для меня очень близок. Я оглядываюсь и всматриваюсь в лица тех, кого знаю не так давно.

Арина стала подругой.

С Ниной я могла поговорить не стесняясь своей стойкости. Которая присуще парням. Как думала когда-то. И чего пыталась скрыть. Иногда общество давило на меня из-за этого.

Еще и Ксюша. Хоть она редко присоединялась к нам. Но и она пробилась ко мне. Может ее щенячий благодарный взгляд, который она бросала на меня. При каждой нашей встрече. Меня это иногда пугало. Слишком большая ответственность. Словно я ее приручила. Поэтому я девушку немного сторонилась. Она это замечала, но не обращала внимание. Но все же она успела мне запомниться.

А еще Бельковы. На деле оказались прикольными ребятами, которые отстаивают свои принципы. Олег в тот вечер защитил Машу от Антонов. Двоих футболистов нашего класса. Возможно девушка не так поняла намерения парней. Но Олег застал момент, когда Маша отталкивала их. А они напирала. Бельков разозлился не на шутку.

Даже до сих пор он со злостью поглядывал на Антонов. И не подпускал их к Снегиревой. Которую удерживал подле себя.

Денис тоже отирался поблизости от меня. Мне сегодня с ним танцевать. Он об этом несколько раз напоминал. Думал, что я передумаю и пойду в пару с Глебом или на худой конец с Матвеем. Которые только и ждали, когда я подойду.

Матвей весь месяц сверлил меня взглядом. Возможно он рассчитывал на силу мысли. Но что-то в нем изменилось. Он не только смотрел как зверь на добычу. Он присматривал за мной издали. Но не, чтобы забрать себе, а чтобы помочь. Он ждал моего клича о помощи и был наготове в любую секунду.

А вот Глеб... он ждал. Приносил мне каждый день записки в виде открыток. В них были пожелания. Банальные и очень простые. Но они отогревали меня по крупинкам. И заставляли улыбаться. В одной он написал про утро. Какое оно теплое. И приложил фотографию моря с утра. В другой он напомнил о нашем походе. С подписью.

«Птица. Полет. Свобода».

Это было сделано с любовью. И я ее чувствовала в каждом его слове. Поэтому желание обсудить мою поездку казалось необходимым.

Я и Арина стоим в одном ряду с нашим классом. Матвей снова понес счастливую Люсю на плече. А она задорно звонила в колокольчик.

Теперь нам нужно станцевать вальс и по домам.

— Ты готова?

Денис в костюме и в галстук подал мне руку. К Арине подошел Глеб, но смотрел парень на меня. К Матвею подскочила Света.

Первые ноты знакомого всем вальса из фильма. И мы закружились. Первый поворот, второй. А затем нам нужно поменяться парами, чтобы сделать один поворот и вернуться назад.

Денис закрутил меня сильнее, чем нужно. Поэтому в объятия другого я влетела.

— Осторожнее, — вкрадчивый голос Глеба.

Я вздрогнула и подняла на него свой взгляд. Я не замечала, что он тоже осунулся. Под его глазами появились мешки под глазами, а цвет кожи побледнел. Он так сильно

переживает за меня?

— Я в порядке, — проговорила я.

Он с грустью осмотрел мое лицо и прижал к себе крепче, чем нужно. Но то, что нужно, чтобы согреться.

— Глеб, нам нужно поговорить.

— Хорошо, — быстро согласился парень. — Но, Ксюш, я хочу, чтобы ты знала.

Поднимаю на него взгляд и теряюсь. В его серых глазах слишком много чувств. Слишком много всего, чтобы определить. Что он хочет сказать.

Как лучше: чтобы он первый высказался или я?

— Не отворачивайся от меня, когда тебе больно. Прости меня. Что, вместо того чтобы поддержать. Я ревновал. Вместо того чтобы быть с тобой. Я был не там. Что я...

— Глеб, я...

— И, Ксюш, — парень не дал мне сказать. Он продолжил также быстро говорить. Словно у него заканчивается кислород. Словно сейчас закончится момент. Больше перебивать я не смела. — Я так люблю тебя. Что не знаю, как буду без тебя. Если опять мы с тобой разругаемся. Мы должны быть вместе. Мы должны справиться. Я не хочу с тобой расставаться. Не смотря ни на что. Хорошо?

Вслушиваюсь в его слова. И они отзвуком идут по моим венам. Я тоже хочу быть с ним.

НО.

Разве это правильно. Я также должна выполнить обещание дяде. Я должна найти себя.

Но разве он меня отпустит. Глеб так сильно сжал меня в руках, что мне кажется, их не разжать.

Он не хотел отпускать меня даже, когда мы менялись парами. И только вид Арины, которая стояла рядом с ним, его образумила. Ее партнер уже выпустил девушку из объятий. И ее должен был подхватить Глеб.

Только он этого не заметил.

Танец закончился. Денис повел меня туда, откуда взял.

— Спасибо за танец, Ксю.

Я ему только кивнула. Ко мне подошел Глеб с Ариной. Парень не мешкая схватил меня за руку и повел на выход.

На сегодня официальный праздник закончился. Ребята должны отправиться на вечеринку. Но я бы туда не пошла. И Глеб видимо тоже.

Мы в ногу шли к выходу. Глеб крепко держал меня за руку, а мне не хотелось вырываться. Бросаю взгляд в сторону и резко отвожу.

Потому что вижу Матвея. Его искажившее лицо. Он сжал кулаки и бдительно наблюдал за нами. Как мы идем. Как мы держимся за руки. Как выходим за территорию школы.

Последнее, что я заметила. Как он расталкивает одноклассников. Как отпихивает Свету и уходит на парковку.

Видимо не только мы не придем на вечеринку. Но и он.

Открываю вкладку в интернете, чтобы узнать результаты экзаменов. Рядом со мной трясется Арина. Она уже минут десять медитирует над экраном, но не решается нажать. От результатов экзаменов моя жизнь не зависит. Поэтому спокойно нажимаю на сенсорную панель и вылетает новая вкладка. Пару секунд она загружается и потом появляется таблица с моими данными.

Русский язык — 5 (90 б.).

Математика (профиль) — 5 (94 б.).

Иностранный язык — 5 (98 б.).

Обществознание — 5 (88 б.).

Закономерно. Я столько времени провела над учебниками, что даже закрытыми глазами сдала бы.

Выдыхаю и смотрю на подругу. Она нажала на вкладку, но зажмурила глаза. Девушка даже не рискует взглянуть, чтобы проверить. Она протягивает мне телефон и шепчет:

— Ксюш, посмотри! Я сдала? Я смогу поступить?

Опускаю взгляд на телефон и улыбаюсь.

Русский язык — 4 (61 б.).

Математика (профиль) — 3 (39 б.).

Обществознание — 4 (70 б.).

История — 5 (90 б.).

Быстро складываю в уме и присвистываю.

— Какой проходной балл для бюджета?

— Государственного? — уточняет Арина, и закатывает глаза. — Чтобы поступить на гостиничный сервис, мне нужно 196 баллов. Но это мечта. Мне хотя бы поступить, а потом перевестись на бюджет. Я даже не знаю, где ошиблась. Вроде выполняла, как мы с тобой решали. Много учила. А не смогла поступить на бюджет. Родители расстроятся.

Она прикоснулась своими ладонями к своим щекам, а я только улыбнулась.

Еще не знает результата, а уже построила печальную картину. Прямо Пьеро.

Подхожу к ней и обнимаю. Поиграем в печаль вместе что ли.

— Арин, а 260 баллов тебе хватит, чтобы поступить?

— Да где мне их взять, — всхлипнула она.

Я возвращаю ей телефон.

— Может быть там.

Она кидает взгляд на экран. И тут все меняется. У нее раскрывается рот, глаза округляются, и она с неверием провела по экрану, чтобы обновить.

Не верит?

— Но как, — прошептала она.

— Мы ведь занимались. Вот и сдала.

Арина запищала и кинулась мне на шею. Она кричала мне в ухо слова благодарности и одновременно прыгала.

Столько искренних эмоций поражают. Я могу в ответ только обнять и дожидаться, когда стихнет первая волна.

— Ух, — выдохнула Арина и побежала в подъезд. — Приходи через час. Начнем

собираться к выпускному. А пока я побежала рассказывать родителям. Что их дочь не совсем дурная.

Она подпрыгнула на месте и кинулась к дому.

Я смогла только проводить ее взглядом, а потом опять взглянуть на телефон. С моими баллами я могу поступить во многие университеты. Но они мне не нужны. В модельном агентстве я буду сдавать иные экзамены.

Мне пришло сообщение. Глеб тоже получил результаты. У него одни пятерки. Почти по сто баллов каждый выбранный экзамен.

«Ты выбрал университет?».

«Государственный. Там есть «Прикладная информатика», и я меня там уже ждут».

Государственный?

Арина тоже поступит туда. На другое направление, но все же. Они могут там встретиться. А меня не будет.

Сжимаю руку, чтобы успокоить всколыхнувшуюся ревность. Так не должно быть. Я ведь решила отпустить его.

Я должна это сделать. Но прошел месяц, а я держусь за наши отношения. И Глеб тоже. Люся повзрослела. Некоторые вещи она может делать без брата. Поэтому парень уделял свободное время мне.

А я слаба. Потому что не сказала про отъезд. Не сказала, что нам нужно расстаться. Я сама цеплялась за него. Вместо того чтобы отпустить.

Какая я слабачка.

Если только...

Я могу использовать этот день на полную катушку. И после него направить все свои силы на расставание. Отстраниться от него. Больше взять работы.

Рома предложил несколько съемок. И Денис с радостью снимает меня в новых местах. Наступило лето, и значит, что природа изменилась. Новые декорации. Новые стили.

Решено! Сегодня я выпускница.

А завтра приступаю к задаче номер один. Ампутация.

Вдох-выдох.

Поднимаюсь со скамейки. Пора собираться. Мое платье ждет меня. И Арина тоже. Пора наряжаться.

**

— Доставка для Малаховой Ксении.

Доставщик внес в квартиру четыре платья в чехлах. Арина подскочила к нему и протянула руки.

— Мои прелести, — прошептала она, баюкая наряды.

Я достала кошелек, чтобы расплатиться. Но доставщик отмахнулся.

— Это подарок. — Мой изумленный вид заставил молодого парня вздохнуть и пояснить. — Дама из магазина услышала вашу фамилию и просила передать.

— Дама? — уточнила я. — Словно немного высушенная, но статная и элегантная. Не удивлюсь, что у нее красная шапка и перчатки.

— Эм, — задумался доставщик. — Все верно. Она просила передать: «Удачного выпускного».

Он подмигнул мне и вышел из квартиры Арины.

Я еще ошарашенная вниманием той дамы закрыла дверь. Я ведь до сих пор не знаю ее

имени. На конкурсе была не в состоянии запомнить, а потом как-то не до этого. Но нужно узнать и поблагодарить.

Это она порекомендовала меня агентству Венеция и теперь у меня в портфолио снимки от Мишустина. Теперь этот подарок. Такими знакомствами не разбрасываются.

Слышу как девочки в комнате визжат от радости. Открыли чехлы? Я выбирала платья для них. Не доверила им такой ответственности.

Захожу и на меня налетает хаос.

— Это правда мы оденем? — шмыгает носом Арина. — Они ведь такие красивые. А какое кому?

— Это, я уверена, мне, — указывает на платье в пол Нина. — Я ведь такая длинная.

— А вот и нет, — не согласилась я. — Давай сделаем нашей школе предынфарктное состояние.

Подмигиваю Каратаевой и подхожу к стойке с нарядами. Передо мной четыре платья. Два в пол. Два по колено. Правда Нине платье будет на середину бедра. Как я и рассчитывала.

— Чем же ты собираешься оглушить массово народ? — удивляется Нина. — Неужто моими ногами с пинка?

— Твоими ногами, но не с пинка. А только их видом, — протягиваю красное коктейльное платье девушке. — Это тебе.

— Оно мне едва прикроет зад, — хмурится девушка.

Нина мнет платье в руках в сомнениях. Но либо моя уверенность в глазах или желание покрасоваться напоследок делает свое дело. Она улыбается и отходит, чтобы переодеться.

— А второе короткое платье надеюсь тебе? — шепчет Ксюша исподтишка поглядывая на меня.

Я отрицательно машу головой и подхожу взять второе платье в руки. Золотистое без бретелек с пышным низом. Девушка прижимает руки к щекам и кажется еще секунда, и она заверещит от счастья.

— Это не может быть правдой. Я ведь в нем буду принцессой!

Ксюша выхватывает из моих рук вешалку и приплясывая скинула свою одежду.

— А что делать с лифчиком, — с недоумением смотрит на платье и на свою одежду одноклассница. — Бретельки ведь буду видны. А как я без него?

— А ты без него, — равнодушно проговорила я.

И отвернулась. Это была своего рода проверка. Если она рискнет сейчас, то Ксюша перестала быть жертвой. Жертва не сможет пойти в пасть льву. Привлечь внимание акул. Так может поступить только охотник. Тот, кто справится с любым нападением.

Слышу тишину позади себя. Арина с улыбкой замечает метания будущей принцессы, но потом слышу сдавленное «ах».

— Ты каким подземным богам молилась, — Нина так эмоционально произнесла, что я не удержалась. И обернулась. — Ты, где такую грудь сделала?

— Родилась с ней, — прошептала Ксюша и отвернулась.

Она передевалась к нам спиной. А когда повернулась, мы присвистнули. Я не ошиблась с размером.

Света травила девчонку не просто так. А потому что замечала многое. Она наблюдательная стерва. И если Ксюша нас сейчас поражает своей внешностью и формами. Чего уж правду таить. При правильном наряде девушка может привлечь внимание любого. А

этого Света не любит.

Из-за эгоцентризма моя сестренка была готова травить любого. Кто хоть как-то мог затмить ее.

Пышный верх Ксюши приковывал внимание. А платье без бретелек только придавал изюминку. Золотистый цвет действительно делал девушку принцессой, но флиртующий низ уделял заслуженное внимание и ее ногам. Стройные слегка загорелые. Сам цвет не пошлый, а такой невинный. Но весь образ создает впечатление точно не невинный.

Вывод: парням сегодня нужно удерживать штаны ремнями. И по крепче.

— Середина бедра, — проговорила Нина. — Как мне в этом ходить?

Красное платье с пышным низом с ажурным бежевым рисунком на груди и животе, а также по краю юбки бежевая линия. Высокая спортивная фигура Нины преобразилась. Я лично видела теперь девичий стан с шаловливым огненным характером девушки.

Была бы парнем, потекли бы слюни.

— На каблуках, — твердо ответила я и достала коробки с туфлями. — Ваши босоножки. Еще держите это.

Дала каждой по нужной паре и протянула вставки от натирания. Сколько мы будем ходить на празднике. Хоть туфли они до этого разношивали, но поберечь ноги нужно.

— Я думала, что платья будут все одного цвета. Примерно телесного формата, — поворчала Нина.

Понимаю ее недоумение. Для всех нас я взяла туфли примерно одинаковые. Цвет и стиль. Разные только по колодке. Мы ведь разные. По обуви можно было предположить, что и платья одни.

НО.

Нет.

— А теперь девочки я вас подретуширую. А то переодевались и помяли прически, — Арина посадила одну на стул и приступила к колдовству.

Остались два платья в пол. Один для меня и для Арины.

Я сильно рискую, делая Арину неземной. У нее данные настоящей красавицы. И если это все увидят... точнее Глеб. То он может заинтересоваться ею.

А разве я этого не добиваюсь?

Чтобы он отвлекся на другую. И я бы облегчила свой груз вины перед ним.

Потому что я трусиха. Я...

— А какое мое платье?

Арина подпрыгнула ко мне и в ожидании смотрела на меня.

Протягиваю руку и снимаю платье. Длинное в пол. Но я попросила в ателье это платье подрезать. Арина ниже меня, и чтобы платье не волочилось, а нежно прятало лодыжки девушки. Шелковый бежевый низ. Казался атласным издали. При походке юбка платья будет выделять ноги тем самым приковывая внимание к ним. Юбка расходится от ленты под грудью. А на груди яркая вышивка цветка с вкраплениями кристаллов. Держится наряд на одной широкой бретельке через одно плечо.

Арина сегодня будет настоящей принцессой. Нежной, красивой и притягательной.

— Оно прекрасно, Ксю.

Согласна, оно действительно прекрасно. И в начале я хотела взять его себе. Трогательный наряд для трогательного момента. Выпускной. Все девочки в этот день хотят быть принцессами.

Пока девочки переодевались и дополняли свои наряды аксессуарами, я пошла доставать кое-что для себя.

Обтягивающее платье цвета хаки. От бедер юбка немного расходилась, но в основном оно впритык обтягивало все тело. Для прически я выбрала укладку с объемными локонами и с начесом. Легкий макияж, с акцентом на глаза, но не яркий.

В этот вечер я не хотела выделяться. Для девчонок — это праздник. Для меня конец детства. И для меня это не праздник.

— Ксюш, а почему у тебя платье такое серьезное? — Нина оглядела всех, и снова вернулась взглядом ко мне. — Мы все блесим как звездочки, а ты как небо. На фоне, которого мы обязаны блеснуть.

Опускаю голову и смотрю на свое платье. И правда. В чем-то Нина незримо права.

Но не говорить им про мой тайный план.

Поднимаю голову и улыбаюсь девочкам. Они сегодня все очень красивы. Высокие прически, яркие платья и каблуки. Сегодня звезды они, а не я.

— Я устала привлекать внимание нашей школы, девчат. А вы не успели к этому привыкнуть. Поэтому сегодня звезды вы. А я... фон. Нина, правильно сказала.

Телефон пиликает.

«Я внизу».

А вот и Глеб.

— Нам пора.

Ксюша прерывисто вздохнула и схватила маленькую сумочку в руки. Нина крепко сжала кулаки, но увидев себя в зеркале, разжала их. Арина выглянула в окно и покраснела. Видимо она представила момент, когда ее увидят другие. Точнее он.

Открываю двери и пропускаю каждую девушку вперед.

Родителей Арины сегодня опять нет. Но в этот раз из-за праздника. Результаты экзамена дочери привели их восторг. И теперь они могли позволить себе немного отдохнуть.

— Может ты первая выйдешь? — спрашивает Арина, когда мы остановились около металлической подъездной двери.

Я открываю двери и пропускаю девчонок.

Первая вышла Нина. Она подняла головы и перешагнула через порог. Затем Ксюша, а последняя Арина.

Я наблюдала за реакцией Глеба из-за двери.

Он прищурил глаза. Он не узнал вначале своих одноклассниц. Спустя пару секунд он улыбнулся и помахал им рукой.

— А вас не узнать, девчонки.

И такая реакция на всех троих.

Но когда вышла я, он замер. Он опустил свой взгляд на мои ноги, а потом медленно поднял его вверх. Он не пропускал ни сантиметр моего тела.

И в конце наши взгляды встретились.

И я признаю. Я дура. Если думала, что смогу привлечь внимание парня другой. Когда он любит. По-настоящему. Он не отпустит.

Не отпустит...

Но как нам тогда быть?

Я обязательно об этом подумаю, но не сейчас. Сейчас у меня выпускной. Которым я обязана насладиться.

Наш приход произвел фурор в школе. Глеб в окружение красавиц... Мне кажется, ребята из школы поплыли от зависти к моему парню.

Незнакомые мне школьники проводили маслянистыми взглядами моих девочек. Но они молодцы. Вели себя так, как будто привыкли к этому. И потому не замечали выросшего тестостерона вокруг.

Ксюша шепнула мне, что она брала пример с меня. Как я хожу.

Мы прошли в концертный зал, чтобы забрать свои дипломы. В нашем классе красный корочки получили четверо: Саша Воропеев, Маша Снегирева, Глеб и, к моему удивлению, Света. Мне Маргарита Геннадьевна так и не поставила пятерку по литературе.

Мой парень стоял все время награждение со мной. Я держала его руку и не хотела отпускать. Я наслаждалась его теплом и чувством надежности. Он улыбался каждому, а я наблюдала за ним.

Я словно маньячка запоминала его лицо, его глаза, его улыбку. Как он поправляет галстук. Как лохматит волосы. Мне кажется мой взгляд говорил всё. Мои чувства. Мою боль. Мой страх.

А еще я чувствовала чужой проникающий взгляд. Который бдел за мной издалека. Оглядываюсь и вижу Матвея. Он не стесняясь уставился на меня. А когда я в ответ уставилась на него, он только усмехнулся.

Глебу не нравились наши переглядки. Поэтому притянул меня к себе и обнял за плечи.

В голове же появилась шальная мысль.

«А Глеб бы поверил, что я ему изменила? Он бы бросил меня?».

Мысль слишком безумная, чтобы думать о ней. И я ее выкинула.

— Проходите в спорт зал на празднование выпускного, — Валерия Ивановна подошла к нам и радостно захлопала. — Вот теперь вы выпускники. Такие взрослые.

Девушка в нарядном платье обнимала каждого. Она с нами один год, но ее сострадательное сердце приняло нас и капельку полюбило.

Перед нами шел Рустам. Классная заметно напряглась, когда потянулась к нему, чтобы обнять. А парень подхватил девушку и закружил.

Она испугано схватилась за плечи гиганта и зажмурилась. Когда Рустам поставил ее, он тут же наклонился к ее уху.

— ... не ваш ученик, — долетело до меня.

Рустам пошел дальше, а Валерия Ивановна окоченела. Она улыбнулась нам, но мыслями она была не с нами.

В спорт зале ярко светили по углам светильники. Шарик голубого, синего и белого цветов развешаны по стенам. В одном углу установлен ряд столов с закусками и напитками, а в другом установлена стереосистема для диджея.

— Как светло, — ворчу я. — Так будет всю вечеринку?

— Нет, только первый час. Пока учителя тут и проводят запланированную программу, — отвечает Глеб, здороваясь со знакомыми.

— А потом?

— Начнется веселье, — с улыбкой шепчет парень и уводит меня на танцпол.

Через час действительно стало значительно темнее. Учителя уходили и приходили, но основной контроль пропал. И медленно подступала выпускная вакханалия.

Музыка с мелодичной перетекла на электронную. Теперь ребята дрыгались под музыку, а не плавно танцевали. Еще я заметила, как кто-то организовал питье алкоголя под

прикрытием пепси.

Глеб заметил мое внимание и проговорил:

— Налили водку в пепси. Если хочешь, могу сходить?

Я отрицательно машу головой.

Натыкаюсь взглядом на Матвея. В его руках литровая кола, к которой он слишком часто прикладывался. Его движения становились с каждым глотком все более дерганными, и каждый кто подходил к нему, натывался на рык зверя.

К нему подлетела Света. Она шептала ему что-то и тянулась к бутылке. Видимо хотела отобрать.

Мрак грубо оттолкнул ее и даже сквозь биты я услышала:

— Да пошла ты!

Глеб тоже услышал рык раненого зверя. Матвей со злостью посмотрел на нас. И парни схлестнулись в зрительном контакте.

Мрак сделал еще один глоток и пошел на выход, подхватив незнакомую девчонку. Она сначала отпрянула, но потом согласно кивнула и пошла за ним.

На Свету без жалости смотреть невозможно. Сестрица пялилась в одну точку, пока к ней не подбежал паренек с колой. Он сначала пробежал мимо, но девушка его остановила и потребовала бутылку.

Видимо для Светы это несвойственно. Потому как парень не понял, что от него хотят. А когда отдал напиток, пожалел.

В литровой оставалась половина ядерной смеси. И ее почти всю, Света выпила.

— Глеб, ее нужно остановить, — зову парня.

— Сомневаюсь, что она позволит.

Света окосела тут же. Либо она действительно мало пила до этого, либо резкая ударная доза сбила ее. Сестра покосилась, но тут же попыталась выпрямиться. Она направилась к столам с закусками, по пути сшибая людей.

Около стола она врезалась в парня. Которого я не сразу узнала. Воропеев Саша в костюме выглядел горячо. Теперь понятно почему его караулит Аня. Света тоже не сразу узнала нашего ботаника. Она взглянула на него и потянулась к его губам.

Саша оторопел. И поцелуй бы был. Но Аня как тигрица успела зарычать на сестрицу. Гордеева отшвырнула Свету, а потом схватила за руку парня и повела за собой.

— С таким шоу телевизоры не нужны, — смеюсь я.

Глеб мельком взглянул на перебранку около закусок, но промолчал. Он только крепче обнял меня и поцеловал висок.

Между туманами в моей голове от близости Глеба, я заметила как Свету уводили из зала. Две высокие спортивные фигуры. Надеюсь это не два футболиста Антоны.

— Ксюша, — кричит Нина где-то рядом со мной. Поворачиваюсь на ее голос. — Спасибо, тебе. Ты оказалась права. Вот тот, — она указала на симпатичного милого паренька. Он вроде из параллельного класса. — Он весь вечер со мной. Мои ноги его притянули и не отпускают.

— Ты смотри, вдруг он только попользоваться тобой хочет, — предупреждаю ее.

— Попользоваться, — хмыкает баскетболистка. — Кто кем еще пользоваться будет. Я не хочу выпуститься из школы и остаться девственницей, — кашель Глеба прервал нас на секунду. Но он помахал рукой и отошел, продолжая кашлять. — Ты ведь уже не того? — поднимая брови, спрашивает Нина. — Или считаешь, что до брака ни-ни?

Хочу ответить, но не успеваю.

За Ниной приходит тот самый парень. И он наградил ее такими взглядами. Обжигающими, готовые на все. Мне от них даже стало неловко. Девушке они нравились, потому как она благодушно отреагировала на приход парня.

— Ксю, ты подумай о конце школы, — и тише добавила. — И девичьей чести.

Может она права, — задумалась я. Глеб разговаривал с Рустамом, а я задумалась о второй составляющей нашей близости. Возможно это последний шанс, чтобы моим первым стал Глеб.

Я бы этого хотела?

Задала этот вопрос сама себе, и поразилась его глупостью. Потому что именно Глеб заставил мое тело почувствовать себя живой. Настоящей. До этого я была оболочкой девушки, которой было наплевать на внимание противоположного пола.

Но он.

С ним я бы хотела стать женщиной.

— Малахит сделал из изгоя в королеву вечера, — бас Рустам шутил. Но казалось, что он больше издевался.

Я оглянулась и увидела как Бельковы охраняют двух девушек.

Олег крутился вокруг Снегиревой. Маша в нежно-голубом платье светилась от внимания близнеца.

А Ян окружил вниманием Ксюшу. Вокруг девушки сегодня действительно было очень много ухажеров. Они кружили как стервятники. Вот где они были, когда над ней издевались?! Едко заметила я. Но Ян выдернул из порочного круга Ксюшу и заботливо отвел в сторонку.

— А где Ден? — спросила я у Глеба.

Но вместо него ответил Рустам.

— Он ушел сразу после выдачи дипломов.

— Я бы удивился, если бы он остался, — заметил Глеб.

— Он настолько нелюдим? — поинтересовалась.

— Поэтому для нас было шоком, что он начал общаться с тобой, — Рустам закинул в рот тарталетку и с причмокиванием зажевал. — Хотя если подумать. Ты смогла отогреть сердце серебряного принца нашей школы. Для тебя и отшельник не проблема.

Одноклассник что-то заметил за моей спиной. Потому как он прищурился и, не прощаясь, ушел.

— Серебряный принц? — с улыбкой спросила я, когда гигант отошел за добычей.

— Малахитовая принцесса?

Нашли друг друга, со смехом отметила я.

Тины ходили от компании к компании и снимали все на телефон.

— Здесь прямой эфир с выпускного нашего класса!

— Ура! Мы больше не школьницы.

— Мы...

Они прервали запись, когда к ним подошли парни знакомиться. Блоггерши отрицательно замахали и пошли дальше снимать свои эфиры. Парни озадачено переглядывались и ушли.

Мда, онлайн намного важнее офлайна.

Но тут произошла заминка.

Двери спорт зала раскрылись и в них вошла девушка. Платье в пол, пурпурного цвета.

Она застенчиво оглянулась по сторонам и направилась к столам.

— Это кто?

Глеб прищурился, а потом в шоке распахнул глаза.

— Если меня не обманывает зрение, то это Клава.

Наша одноклассница улыбалась, но застенчивость была заметна издалека. Но выпускной всех сближает. Возможно в школе ты не был популярен и успешен. Но на выпускном мы все равны. Мне преодолели одиннадцать классов, экзамены и многое другое. И все мы заслуживаем веселье в этот день.

Девушку радостно приняли около столов и предложили напитки.

— Потанцуем?

Глеб не слушает моего ответа и ведет на танцпол. С нами выходят еще пары. Среди которых замечаю Сашу и Аню. Он недоволен, а она с улыбкой. Еще Рустам повел нашу классную в центр зал. Валерия Ивановна оглядывалась по сторонам, словно ждала, когда ее осудят. Но всем было наплевать. А парень прижал ее к себе. Без намека на расстояние между партнерами во время танца.

Мы плавно двигались по полу, а мое сердце било в такт. В объятиях Глеба было бы приятно уснуть.

— А Люся где? Ее разве можно одну на ночь оставлять?

— Люся у отца. Я кое-как уговорил его принять у себя на ночь дочь.

— А мама?

— Она в больнице. Ее пришлось госпитализировать. Врачу не нравятся ее анализы.

У моего парня реальные проблемы. Здоровье матери, будущее сестры. Ему не до личностных амбиций в карьере. У него жизнь. Чуть другая в отличие от меня, но тоже сложная. Со своими взлетами и падениями.

— Да что тебе от меня надо?

Саша отстранился от Ани и воззрился на нее. Воропеев возможно надеялся, что Гордеева на выпускном от него отстанет. Но местная хулиганка упрямо была рядом. На ней джинсы и рубашка на волосах длинный конский хвост. На лице ни грамма макияжа.

Парень не видит в ней девушку. А она не знает как нужно повести себя, чтобы привлечь внимание понравившегося парня.

— Ты такой придурок, — выкрикнула Аня и захватила шею Саши. Она притянула его к себе и жарко поцеловала посередине зала.

Несколько минут они не двигались. Саша прямой как палка только начал расслабляться. Как его Аня оттолкнула и гордо ушла. Наш ботаник стоял как памятник в центре и смотрел как удаляется хулиганка.

— Беги за ней, — кричат ему со всех сторон. И Воропеев подчинился. Он рванул за девушкой.

— Теперь моя очередь, — бас Рустам я услышала за спиной.

— Не вздумай, Исаев.

Мимо пробежала наша классная, а за ней проследовал одноклассник.

— Может прогуляемся, — прошептал на ухо Глеб.

Думаю его предложение — одно из лучших.

Я ему киваю, и мы уходим.

В дверях я оборачиваюсь и вижу не мигающий взгляд подруги. Арина заметила меня и улыбнулась одними уголками губ.

Еще только наступал вечер. Для создания темноты в спорт зале повесили плотные шторы. Мы вышли на улицу, а на асфальте блестят лужи после грибного дождя. Воздух свежий и легкий наполнял легкие, и я с облегчением вдохнула.

— Пойдем я тебе кое-что покажу.

Глеб повел меня в сторону домов ближе к морю. Через десять минут он открыл подъездную дверь и пропустил вперед.

— Куда мы?

— На крышу.

Он вывел меня на площадку, с которой открывался потрясающий вид на море и на горы. Они казались такими близким, словно до них можно дотянуться рукой, и в то же время между мной и природой был стена.

На крыше имелось место под навесом с удобными диванчиками и столиком. Глеб протянул мне пиджак, а сам нырнул в углубление. От туда он достал несколько пледов.

— Могу сходить в магазин за едой? — предложил парень.

Я только могла отрицательно помахать головой и позвать его к себе под тепло пледа.

Глеб аккуратно сел рядом со мной и обнял меня за плечи.

После легкого дождя появилась радуга. Она начиналась из моря. А кончалась неизвестно где.

— Интересно, — я смотрю вдаль на горизонт, а Глеб играет с моими волосами. — Где начинается радуга?

Молчание. Я поворачиваю голову и всматриваюсь в Глеба. Его серые глаза темнеют. И он приближает свое лицо к моему.

— В твоих глазах, — шепчет он.

Смеюсь. Больше от того, чтобы разрядить обстановку. Мы одни. Мы вместе. Мы влюбленны. Желание поцеловать нарастает во мне. А голос кричит, чтобы я перестала сомневаться.

— Глеб, я серьезно. А ты...

— И я, — касается горячими ладонями моих щек. — Для меня радуга начинается отсюда, — большим пальцем он проводит по правой скуле. — Досюда, — теперь другой рукой по левой скуле. — Ксюш, я люблю тебя. И для меня важно, чтобы радуга в твоих глазах не исчезла.

И Глеб на этих словах поцеловал меня.

Крепко. Надежно.

После его слов я не могла начать разговор про свой отъезд.

Он раскрыл свою душу. И я струсилась. Промолчала вместо того, чтобы признаться.

«Глеб, я уезжаю».

Поэтому я поцеловала его в ответ. Чтобы не говорить. Чтобы показать свои чувства без слов.

Отвечала ему пылко: на его поцелуи, слова, прикосновения. Я не могла отдать свою душу навсегда, как Глеб этого заслуживает. Но могла отдать свое тело на эту ночь. И оставить для себя крупицу теплых воспоминаний о нем. И возможно ему.

Я этого хотела.

Я в этом нуждалась.

— Ксюш, — Глеб отодвинулся, жадно делая глотки воздуха. — Нам нужно остановиться. А то... я с трудом себя сдерживаю.

— Хорошо, — киваю его словам.

А внутри насмехаюсь над его растерянным видом и немного расстроенным. Но в моей памяти останется другое его выражение. Как его глаза распахиваются, когда я стягиваю с себя бретельки выпускного платья и перекидываю распущенные волосы за спину.

Восхищение, страсть и капля страха.

— Ты уверена? — хрипло прошептал Глеб осторожно касаясь ключиц.

Вместо слов я его поцеловала.

Крепко. Но не надежно.

«Вам новое письмо».

Смотрю на уведомление, которое пришло так не вовремя. Длинная очередь на почте не особо радует, а еще жаркий день. Мне не привычен. Пока шла до прохладного помещения чувствовала как у меня подкашиваются иногда ноги от жары.

Я сегодня ночью с открытым окном пропотела, потом поссорилась с теткой, которой муж своим равнодушием испортил настроение, дальше еще раз пропотела, потом отстояла несколько часов на улице для съемки. Единственное, что нас спасало — это старенький советский вентилятор. И то, только потому что у бабушки Ромы другого не было. Как я не упала в обморок? Для меня самой поразительно.

Я снималась на фоне дворов. Платье шестидесятых мне шло, а убранные волосы в аккуратную шишечку придавали мне шарма. Но наша съемка обращена на социальную проблему города. На фоне старые дворы, бабушки и дедушки, дети, машины, которые стоят в не положенном месте. Потому что нет парковки. Выйдешь из двора — двадцать первый век, а войдешь — середина двадцатого.

Мне все чаще стали попадаться работы связанные с безвозмездной помощью. Как оказалось, когда помогаешь, то внутренние тиски спадают у меня. Возможно я задумаюсь о более масштабной благотворительной помощи другим. Но мне действительно становится легче. Когда от моих действий другим становится проще жить.

Опускаю вновь свой взгляд на телефон, и чувствую как кончики пальцев покалывает. Мне пришло письмо на почту от незнакомого отправителя.

— Девушка, вы собираетесь двигаться?

Тетка позади меня, грубо толкается. Но я в ответ только улыбаюсь с извинениями в глазах. Словно я неловкая девушка, которая не умеет конфликтовать. Настроение спорить: нет.

Делаю шаг и нажимаю на уведомление.

«Уважаемая, Ксения Малахова!

Отправляем вам приглашение на кастинг в модельное агентство «Бон вояж». Отправить заявку вы можете до 25 августа. Мы предоставляем...».

— Девушка, вы подойдете к окну? Или освобождаете место?

Отвлекаюсь и подхожу к свободному окну.

— Мне посылка должна прийти, — хрипло проговариваю и трясую руки.

Они у меня онемели. Последняя посылка от человека не поднимают настроение. А словно вытягивают силы.

— Фамилию и номер трекера.

— Малахова, номер — проговариваю четко цифры с бумажки.

Женщина за стойкой вбивает номер и ищет по базе посылку. Потом кивает своим мыслям и встает со стула.

«... учителей моделинга, фотографов и возможность. Кастинг с конкурсной основой. Победитель получает...».

— Ваша посылка. Она задержалась в городе отправления.

Согласно киваю ей. Дядя Миша отправил прямо перед смертью. И там произошла накладка. Из-за этого посылка пришла почти спустя три месяца.

— Держите и подпишите.

Подписываю бумаги и забираю объемную коробку со стойки.

А она тяжелая!

Изгибаюсь как ива и оттаскиваю ее к свободному месту, усаживаюсь.

Посмотреть, что в коробке или дочитать письмо?

Проще сначала дочитать, — сама себе отвечают и разблокировываю телефон.

«... Победитель получает место в агентстве «Бон Вояж», а так же поездку с куратором на дефиле в Париж...».

От шока я выдыхаю слишком резко. Мои руки от волнения затряслись.

Это разве не шанс? Или обман?

«... От вас требуется подать заявку. И в течение полугода пройти обучение у именитых кураторов агентства. Последний этап конкурса: с решением жюри. Оплачивается моделями только проживание...».

Одно проживание? И бесплатное обучение у кураторов. У меня должно хватить моих накоплений. Я столько работала и дядя Миша столько прислал, пока он был живой. Уж, на проживание у меня должно хватить.

А если это обман?

Там написано, что кураторы именитые. Скорей всего кураторы в своих соц сетях пиарят свое участие в кастинге.

«... Наши кураторы:

— Алиса Ловкач

— Ануш Бахтамян

— Светлана Белова

— Ирина Янковская...».

Дальше читать не стала. Всех этих моделей я знала. Забила в инстаграм их ники и нашла. Они действительно в постах и сторисах пиарили свое участие в кастинге в роли кураторов.

Значит это мой шанс.

Убираю телефон и теперь мой взгляд падает на коробку. Что же мне отправил дядя Миша перед смертью.

Чувство вины колет прямо в сердце. Особенно такие мысли как вдруг он из-за меня надорвался. Но капитан полиции в разговоре упомянул болезнь, которая давно прогрессировала. А дядя Миша не лечил ее почти пять лет.

Поэтому в какой-то степени он надорвался из-за меня. Но и из-за своей упрямой натуры. Про свое здоровье ни в коем случае нельзя забывать.

Я бы его отругала за халатное отношение к себе.

НО.

Я не успела это сделать. И за это я буду себя корить.

Отлепляю со шумом скотч, и раскрываю картонку.

Он отправил мне память. Первый фотоаппарат мамы, наши семейные снимки, мой первый кукольный наряд, некоторые мои вещи и шкатулку. Она закрывалась на ключ, который я нашла в конверте.

Достаю простую деревянную шкатулку. Без резьбы и краски. Один только крепкий замок.

Вставляю и поднимаю крышку. И тут же закрываю.

Он не мог. Он не мог так поступить.

Оглядываюсь по сторонам и снова поднимаю крышку.

И вижу две пачки. С тысячными купюрами. На вид там денег почти триста тысяч. Может даже больше.

Он отправил все свои накопления, которые он копил всю жизнь. Дядя Миша решил не рисковать с наследственными документами. Он просто взял и отправил свои деньги по почте.

Так поступить мог только мой дядя.

Складываю шкатулку в свою сумку, туда же закидываю все, что пришло в коробке. Телефон в руках, а пустую картонку я отдаю в приемку.

Выхожу из прохладного помещения почты в жаркое марево. Я тут спарюсь.

Но мне нужно подумать.

У меня есть деньги.

У меня есть предложение от агентства.

Там я получу жилье.

И теперь все зависит от моего решения.

Или да, и я еду в Москву за своей мечтой. В след за своими амбициями.

Или да, и я остаюсь. В этом городке. Поступаю в государственный университет на факультет какого-нибудь будущего офисного менеджера. Останусь с любимым.

НО.

И это «но» перечеркивает все плюсы остаться. А не возненавижу ли я его? Когда пройдет лет двадцать. Наши дети вырастут. У них будут мечты, а я свою так и не исполню. Они спросят меня: «Мама, а какая у тебя была мечта?»

«Стать моделью».

«А почему ты не стала моделью?».

И в этот момент я не посмотрю ли на Глеба?

Руки трясутся от тяжести выбора. Ведь сейчас я принимаю решение. После которого моя жизнь не станет прежней. Либо да, либо, да.

Но последствия...

«Ты меня динамишь?»

Сообщение от Глеба.

Динамлю. Потому что принимаю решение. Потому что я уже приняла решение. И давно. Но ты сбил меня и заставил желать того, чего я никогда не хотела. И сейчас мне нужно решиться и начать действовать.

— Милочка, аккуратнее, — женщина темноволосая и смуглая потирала ушибленное плечо. Она с укоризной на меня посмотрела, и даже покивала головой.

Я ее не заметила. И ударила сумкой, когда проходила мимо.

А вдруг она украла деньги?!

Резко раскрываю сумку, чтобы проверить.

— Не брала я твои деньги, — с обидой прошептала женщина и вновь покачала головой.

Я торможу.

Откуда она узнала?

Я как раз коснулась шкатулки и приоткрыла ее. Деньги на месте. Но откуда она про них узнала, если не брала?

— Дар у меня. Вот и узнала. А ты правильные вопросы себе задаешь, девочка. Что ты

будешь испытывать этому человек через год, когда влюбленность пройдет? Займет ли в твоём сердце настоящая любовь или вспыхнет ненависть. Будешь ли счастлива завтра? Может тебе нужно подумать о вас через год? Когда преодолете препятствия в виде проверки доверия. Молодость она для чего дана? Разве не для совершения ошибок. И для попыток выбраться из трясины. А ты на верном пути. Ты будешь счастлива лет так через тринадцать. К тому моменту ты будешь готова к истинному счастью. Тебе нужно вырасти.

Когда гадалка отошла от меня, я заплакала. Я ведь сама понимала, что сказка не может длиться вечно. Я перед собой ставила цель — свобода. А она может быть достигнута только совместно с профессиональным успехом. Мне нужно стать той, кем мечтала. Ещё с тех времен, когда была жива мама.

Я стану популярной и успешной, но будет ли ему место рядом со мной. К тому же есть это чертово «НО».

Это моя любовь к нему. Я люблю его так сильно, что готова отказаться от мечты всей своей жизни. Я могу ради него отказаться от свободы. Я готова прожить ради него в аду, который именуется мой нынешний дом. Я готова стать его женой, матерью детей. Хотя никогда не имела тяги к быту.

Я люблю его.

Но есть ли место для меня в его мире. Где мать — ревнивая истеричка. Где ему пришлось давно стать мужчиной и взять на себя ответственность за мать и маленькую сестру. Где ему школьнику приходится зарабатывать и вести переговоры с отцом по поводу алиментов. Потому что отец не хочет видеть жену истеричку, подарившую ему детей.

Так где мое место? И что выбрать.

Цель, но остаться без своей любви.

Или остаться с любовью. Правда без денег, цели и возможно карьеры.

Сомневаюсь, что гадалка действительно имеет дар к прорицанию. Но она смогла задать вопрос, который я боялась произнести. Она верно подметила, что я не могу выбрать оба варианта. Нужно выбрать что-то одно.

И ведь остается еще моя семья. Тетя с ее мужем и двумя дочерьми. Я словно золушка бегаю по делам, а они недоумевают, почему я им грублю. Они забрали у меня наследство моих родителей. Они относятся ко мне, словно я ничто. И мне приходится работать, чтобы заработать себе на будущее. Ведь в моих планах стоит пункт о переезде в столицу. Время на вежливость не остается.

Благо на юге работы много. Особенно летом. Тогда я бы не смогла накопить столько. И радует то, что выплаты сиротам приходят мне. Сомневаюсь, что я бы их получала. Не при таком отношении.

Так что я рискну выбрать? Цель или любовь?

Или найти третье решение? Которого нет.

Какой мой выбор? Это должна сделать я. И только я. Что для меня важно?

Это мой поворот. Это моё судьбоносное решение. От которого зависит всё мое будущее.

Так что: цель или любовь?

Нажимаю на письмо и спускаюсь в самый низ. Там есть ссылка для онлайн заявки. Стою, а мимо меня проходят люди. Они приехали сюда для отдыха.

А я стояла как каменное изваяние и вбивала свои данные.

Потому что я сделала выбор.

Прости, Глеб. Но этот выбор не в пользу тебя.

— Арина!

Кричу я. Когда вижу, как девушка выходит из подъезда.

— Ксюша? — с удивлением произнесла она и остановилась. — Что с тобой? Ты словно... — девушка замолчала, чтобы подобрать слова.

Но покивала головой и махнула руками.

Словно найти подходящих слов моему взбудораженному состоянию никак.

— Ты ведь готова помочь?

Без предисловий спрашиваю и увожу в тень подъезда подругу.

— Если только это не противозаконно, — проблеяла она. — Ты ведь не собираешься прибить свою тетюшку?

Ее наивность в глазах цепляет. Я ей только загадочно улыбаюсь, но это вводит мою подругу в заблуждение.

— Ксю, я понимаю, что жить с твоей тетей не самая радостная вещь. Но может как-нибудь, обойдется?

— Ариш, мне нужна помощь. И это не убийство и не кража, — сразу отмечаю криминал. А то по глазам вижу, как неправильные мысли роятся в девичьей головке. — Но мне нужна помощь. И это сможет сделать только ты.

— И что от меня потребуется?

— Тебе нужно соврать, — твёрдо произношу глядя на подругу.

Она, как обычно, засмузилась и слегка порозовела.

Ее стандартная реакция на просьбу соврать. Именно то, что нужно. Она произнесет ложь и покраснеет. И человек поймет, что его обманывают.

— Ты ведь знаешь, я плохо вру.

— Ты не умеешь это делать от слова совсем, — подтверждаю ее слова. И она жалко вздыхает.

— Я конечно попробую. Но кому нужно... соврать?

— Глебу.

Она вскидывает свой взгляд на меня и отступает.

Понимаю ее.

Ей в принципе сложно говорить неправду. А любимому вдвойне.

Но без нее никак.

Если Глеб спросит ее где я.

А я буду в запланированном месте.

Лучше всего подойдет Арина. Она скажет, что не знает где я.

И выдаст себя за секунду.

Тогда Глеб пойдёт туда, куда нужно. И увидит то, что нужно.

— Я не смогу, — шепчет Арина. — Я не смогу, Ксюш. Я только тебя подставлю. Он поймёт, что я вру.

Опускаю свои руки на ее плечи и слегка встряхиваю.

Она не хочет смотреть мне в глаза. Но я заставляю.

Она с виноватым видом, что не сможет помочь, стоит с опущенными плечами. Как будто на ее спине огромный камень, который придавливает ее сверху.

Примириительно улыбаюсь. Хочу, чтобы она взбодрилась. Но Арина не отвечает. Она кусает губу, и маленькая слезинка скатывается по щеке.

— Мне это и нужно, — проговариваю твердо, но сомнение проскальзывает в конце.

Мой голос немного срывается и, чтобы продолжить, мне приходится отпить из бутылки воды. Которую я достала из сумки.

— Что?

— Мне нужно, чтобы ты соврала так. Чтобы он понял, что это ложь.

Повторяю и в голосе больше уверенности. Я должна так поступить. Иначе никак.

— Я не понимаю, — она крутит головой.

Мне приходится ее обнять, чтобы не вертелась.

И быстро произношу ей на ухо свой план.

У нее расширяются глаза от паники, недовольства и крупицу разочарования.

— Может вам просто поговорить, Ксюш. Он поймет. Он умный, добрый. Он все поймет. Только расскажи как обстоят дела.

— Он не отпустит.

— Конечно сразу не отпустит. Но он сможет понять, что для тебя это важно.

Минуту молчу, чтобы подумать.

НО.

Нет.

Может он и поймет в начале. И даже отпустит. Но мы с ним расстанемся. Со ссорами и с обвинениями.

И тогда от нашей любви даже не останется теплого ветра воспоминаний.

И только прах и пепел будут сопровождать память.

— Арин...

— Почему ты не хочешь ему рассказать? У тебя кто-то есть в Москве? Ты поэтому хочешь расстаться?

Вскипаю.

— Если бы у меня кто-то был, не проще ли мне прямо сказать об этом Глебу. А не придумывать многоходовку, а?

Арина оглядывает меня и приходит к выводу.

Я бы давно бросила парня будь у меня любовник в столице. И переехала туда сразу после выпускного.

— Тогда почему...

— Не скажу просто «давай расстанемся»? — уточняю и попадаю в десятку. Да, это тот самый вопрос, который крутился в голове подруги. Выдыхаю. И мои эмоции: отчаяние, страх и боль — прорываются. — Да как ты не понимаешь! Если я пойду и скажу что нам нужно расстаться. То Глеб начнет выяснять причины. И если их не услышит. А для него не покажутся вразумительными мои слова. О будущем, о карьере. Он....

— Будет прав, — уверенно проговорила Арина.

— Арин, — тихо позвала я. — Он, вместо того чтобы начать учебу, продолжить заботиться о семье: будет думать обо мне. Как я там. Что делаю. Будет созваниваться со мной.

— И что в этом плохого?

— Вспомни мои съемки. Что ты там видела?

— Ну ты переодеваешься и позируешь, — с непониманием перечисляет девушка, и

поправляет волосы.

— А позирую я как? А как мне приходится работать с фотографом. А если съемки будут партнерские. А если с некоторым обнажением.

Арина перевела взгляд на меня и ее глаза расширились.

Она стала понимать.

Как Глеб реагировал на Матвея. Он может быть и степенный парень на людях. Но собственник и ревнивец. В начале он промолчит о теме того, как я снималась. Но потом он начнет озвучивать свои мысли. Сначала в мягкой форме. Но потом начнутся просьбы, чтобы я отказывалась от таких видов съемок.

А я не буду отказываться.

По крайней мере до тех пор, пока не займу вес в моделинге. Пока мое имя не начнет появляться в журналах. Пока меня не начнут звать именитые модельеры и фотографы.

Будет ли съемка в полуобнаженной позе. Или страсть на камеру. Или ... много ли надо для ревнивого парня, который месяцами не видит свою девушку. И сколько пройдет до первой ссоры. А до второй.

Потом мы будем по месяцам молчать. Потом я приеду, и мы помиримся.

Но ведь в какой-то из дней. После какой-то ссоры. Я могу не приехать.

Я могу не ответить на звонок от Глеба.

Я могу проявить каменную гордость, а он лишнюю степенность.

И тогда начнется крушение.

Крушение наших отношений. Нашей любви. И всего того, что нас объединяет.

То что я планирую — это подло. Я собираюсь воспользоваться слабостями подруги, Глеба и Матвея. Ради своего блага.

Но тем самым мой поступок может заставить отпустить этих троих одну меня.

— Когда будешь реализовывать план?

С готовностью спрашивает Арина.

— Сегодня вечером.

Подруга кивает и уходит.

Сегодня класс устраивает вечеринку перед поступлением в университеты. До сентября осталось почти три недели. И это время все собираются потратить на последние приготовления.

А я...

Мне ответили вчера на заявку, отправленную месяц назад. Меня ждут там хоть завтра.

А еще мне сегодня исполнилось восемнадцать.

А еще моих родителей нет уже год.

И опять этот день становится отправной точкой для новой вехи моей жизни.

**

— Ты уверена?

Арина в третий или даже в четвертый раз спрашивает меня.

Я кошу взгляд на нее. Но она уже не смотрит на меня. Она не одобряет мой поступок. Но помогает мне. Может потому что она верная подруга. Или она имеет свои корыстные мысли на мой план.

Возможно ее корысть даже поможет мне.

— Я его вижу, — говорю я и поворачиваюсь к Арине. — Глеб придет через двадцать минут. Он редко опаздывает, но все же. Я поведу его за три минуты до прихода Глеба. А ты

должна стоять почти около входа. Чтобы Глеб заметил тебя сразу. И когда он не найдет меня. Он подойдет к тебе.

— А откуда ты знаешь, что он придет?

— Я его позвала. И он сказал когда будет.

— Но вдруг он поймет, что это подстава?

— Когда он это поймет, меня уже не будет. И тогда он еще больше разозлится.

Пытаюсь себя взбодрить этими словами, но не получается. Почувствовать ненависть от близкого, так себе ситуация.

Но выбор сделан.

Меня ждут. Нужно только ампутировать чувства. А это будет проще если с одной стороны будет ненависть.

Арина встала около кадки с цветами. Ее отлично видно со входа, но в то же время с общего зала — не заметно. Ее волнение проявляется розовыми щеками и расширенными зрачками. То что нужно для плана. Девушка не привлекает внимание главного героя, который еще не знает, что важен для сцены.

Подхожу к нему со спины и провожу по спине.

— Ты совсем пропал из моей жизни.

— Малахит, — Матвей оглядывается по сторонам в поиске причины, но не находит ее. С чего появилось мое игривое настроения? Я встаю напротив него и плавно двигаюсь под музыку. Глаза парня загораются, а я ему улыбаюсь. Он повторно оглядывается, словно его что-то напрягает. Арина к счастью глубоко прячется за цветком. И ее не видит Матвей. Но возможно из-за ее проникающего взгляда, он чувствует нереальность ситуации. — Ты перепила?

— Скорее осознала, — прошептала я.

— И что же.

Кадык Мрака нервно дергается, а я приближаюсь к нему. Я губами касаюсь его уха, а пальцами груди, скрытой футболкой. Его сердце гулко бьется, почти так же как мое. Но его тело возбужденно. А мое наполнено адреналином. К н и г о е д . н е т

Мне впервые приходится играть на чувствах других. Используя их как марионеток.

— Что ты во многом прав.

Мои слова расслабляют парня. И теперь его руки опускаются на мою талию.

Я заставляю себя не думать. Но мое тело не отвлекается на касания другого. Ему холодно от касаний. Ему не охота оживать.

Включаю маску игривой куклы, и расслабляюсь. Видимо иначе никак. Только игра. С фальшью.

Арина подает знак. Глеб должен прийти через пять минут.

Пора.

— Мрак...

— Для тебя я только Матвей.

— Матвей, пойдём наверх.

Двухуровневая квартира позволяет произвести такую рокировку. Мрак оглядывается. Он не верит мне. Но я всем телом касаюсь его, а глазами создаю эффект нетерпения. Я один раз до этого пробовала делать такую позу. Во время тренировки в парной съемки.

Надеюсь у меня получается.

Матвей медленно проводит по моей спине. Словно проверяя на мою реальность, а

потом опускает голову в изгиб моей шеи и громко вздыхает.

Придется действовать мне.

Беру его за руку и веду его на второй этаж. Стараюсь скрыть на своем лице решимость. Иначе Матвей поймет, что что-то не так.

На лестнице Мрак уже ведет меня, а не я его.

И вот мы уже в комнате.

Осталось две минуты до прихода Глеба.

— Малахит, — говорит Матвей около двери и прижимает меня всем телом. — Я так долго этого ждал.

Он хочет поцеловать меня в губы, но я уворачиваюсь и открываю ему шею. Он нежно касается меня. И чувствует губами мой пульс.

Но он не от возбуждения.

От адреналина.

Сейчас... вот сейчас... наступит конец....

— Ксюша...

Я толкаю его на кровать и нагибаюсь над ним.

Глеб должен быть на вечеринке. Сколько ему нужно времени, чтобы понять что меня там нет. А сколько, чтобы решить спросить про меня у Арины.

И справится ли подруга.

Касаюсь плеч, груди и провожу еще ниже. Матвей не выдерживает и сам снимает футболку.

А он мускулист. Крепкие мышцы, пресс. Он притягивает взгляд. И я впервые с ним не играю. Потому что разглядываю его.

Мрак тянется ко мне за поцелуем. И я слышу шорох. Шорох, открываемой двери.

— Какого черта?

Грубо говорит Матвей и поворачивает голову.

Я знаю кто там. И Мрак ждет, когда я что-нибудь скажу.

Но меняюсь в лице. Делаю равнодушную морду кирпич и оборачиваюсь.

Глеб растерянный перекидывает взгляд с меня на Мрака и обратно. Позади него плачущая Арина.

Секунда, вторая, на третьей Глеб закрывает дверь. Слышу топот его ног и мой выдох.

Он поступил так, как я и планировала.

— Теперь можем продолжить, — с изгибом бровей спрашивает Матвей.

И он понимает что нет.

Я его отталкиваю и с моих губ слетает.

— Вот и конец.

Выхожу из комнаты. Поскорее прочь ото всех. Я справилась. Мой план сработал. Но почему в душе так гадко. словно я не совершила нужное дело, а предала саму себя.

— Хей, я не понял!

Матвей бежал за мной всю дорогу. Он запыхался, но успел схватить меня за плечи и развернуть к себе.

— Малахит, ты офонарела? Что это только что было?

Он рассержен. Матвей крепко удерживает меня и трясет. Словно я кукла.

Но я только что выжгла в себе чувства коленным металлом. Во мне не осталось чувств.

Поэтому в данную секунду я действительно кукла.

— Не только что, — возражаю и скидываю его руки.

— Плевать, — Мрак сует свои руки в карманы джинс и прямым взглядом уставился на меня.

Не уйдет пока не разъяснит ситуацию. Он не дурак. Хоть умело притворяется.

Он понял, что его только что нагло использовали.

— Что тебе нужно, Матвей?

— Как минимум объяснений, — потребовал парень. — Ты видела Алмазова, как и я. Когда мы были в одной комнате. Он гордый и бить морду не будет. Особенно прилюдно. По крайней мере, когда не видит прямой опасности. Но я уверен, что он ждет меня около подъезда. Он потребует разговора от меня. А я сам не понимаю, что за хрень происходит.

— Была вечеринка, — равнодушно поясняю я. — Мы поцеловались. Я изменила своему парню. Вот и вся история.

Обхожу его. Но Марков перехватывает меня.

— Что? Ты динамила меня в течение года. Ты ведь знала, что я хочу тебя. С первой встречи. В аэропорту. Так почему, когда у вас на мази, ты тянешь меня в пустую комнату. Словно тебя приспичило. Словно тебе срочно нужно переспать. А потом бежишь, когда твой парень увидел нас. Но не за ним. А домой. Я не дурак, Ксю. К тому же, не было поцелуя.

Он ухмыляется, но в его глазах просьба.

Он хочет услышать от меня правду.

Но какую?

— Ты чего от меня хочешь?

— Малахит, я не враг тебе. Но ты странная, — Матвей оглядел меня и отошел. Из кармана он достал пачку и закурил. — Что мне ему сказать?

— Что хочешь.

Прикрываю глаза, чтобы не выдать себя. Потому что мне черт возьми больно. И эта боль будет со мной еще очень долго.

— А если я ему совру? Скажу, что спал с тобой весь этот год, — ухмыляясь уточнил он.

— Можешь сказать и так.

— Ксюш, у тебя что-то произошло, — выдыхая дым, спросил Матвей.

— Нет, — с улыбкой ответила я. — Матвей, скажи ему правду. Хотя можешь и ложь. Мне пофиг.

Махнув рукой, я обошла опешившего парня. Он не остановил меня. Но около подъезда я услышала его.

— Малахит, надеюсь ты сделала правильный выбор.

Он и правда не дурак.

Он знает меня. Как ни странно. Он знает, что мне дорог мой выбор. Моя цель.

Он насмеялся над моей любовью к моделингу. Когда предлагал будущее с ним, хотел, чтобы я забросила моделинг спустя время.

Но я выбрала себя. Не Глеба. Не Матвея. А моделинг.

И он догадался.

Надежда на Глеба. Что его мой поступок оскорбит. Арина промолчит. А Мрак?

Мой самолет завтра утром. До него мне нужно продержаться. А потом исчезнуть из этого города. Как будто меня никогда не было.

— Сегодня ты должна исчезнуть из моей квартиры, — грубые слова моей тети меня уже не брали.

Я залетала в комнату и запнулась о собранный чемодан. Нужно забрать только кое-что из ванной.

Выхожу, но меня встречают двое.

— Ты сегодня должна...

— Теть, — зову ее я. — Заткнитесь. Я вас услышала в первый раз. Утром меня не будет. Так что не беспокойтесь. В ночь же не будете выгонять?

— И куда же ты пойдешь, — Света скрестила руки на груди. И выжидательно смотрит.

Гляжу на нее и ничего не чувствую.

Я только что вырвала из своей груди живое сердце. И вместо него с трудом забилося мое каменное.

Мне может немного жалко сестрицу. Но немного. До тех пор, пока она не раскрывает свой рот.

— Это не твое дело.

Проговариваю я и прохожу в ванную. Быстро ополаскиваюсь и забираю все свои принадлежности.

Сон не приходил.

Я легла на один бок, потом на другой. Но я волновалась. Что Глеб окажется более здоровым. Что ему кто-нибудь оговориться, что все это была подстава.

Утром у меня самолет.

Осталось пару часов. И я наконец забываюсь в тревожном сне.

**

— Кто?

Сонный голос подруги из-за двери создает привкус ностальгии. Скоро у меня и этого не будет. Знакомого милого голоса из-за двери.

— Это я, Арин.

Она тут же открывает, и я прохожу с чемоданом на перевес.

— Ты... куда?

— Улетаю, — проговариваю я. Этого пункта моего плана она не знала.

— Но ... я думала.... Надеялась... что вы можете...

Наивная девчонка.

Она решила помочь мне, но в то же время надеялась, что мой план не удастся. Или то, что я останусь здесь, и мы помиримся с Глебом.

— Как вчера все прошло?

Арина опускает взгляд в пол. Так и думала, что она побежит за ним. Она бы не оставила его одного в таком состоянии.

— Он сильно разозлился. Он хочет понять почему ты так поступила.

Наклоняюсь и сравниваюсь с ней на один уровень. Со зрительным контактом я словно заклинаю и четко проговариваю:

— Ты ему ничего не говоришь. Хорошо, Арин? Ни-че-го.

— Но он сейчас остынет и пойдет искать тебя. Или Матвея.

Она пытается вразумить меня. Но я только отрицательно машу головой и распрямляюсь.

— Матвей из-за гордости промолчит. И я... поэтому уже уезжаю в аэропорт. Останешься только ты. Если ты ему расскажешь как обстоят по-настоящему дела. Он захочет объяснений еще больше. А так ревность и обида сделает свое. А ты..., — про себя добавляю. — Для тебя это тоже шанс.

Арина вздыхает и отворачивается от меня.

Так лучше.

Пусть лучше на меня обидится.

— Прощай, Арина. Ты была очень хорошей подругой.

Выхожу из квартиры и слышу плач. Все пройдет. Все обязательно пройдет. Выбираюсь из подъезда и вижу знакомую белую инфинити.

Он что тут делает?

Водитель выбрался из машины и не здороваясь подошел.

Матвей забрал мой чемодан. Как в первый день, но наоборот. Он спрятал его в багажное отделение и сел на водительское место.

Молча сажусь рядом с ним.

Всю дорога между нами молчание. Я не знаю, как он понял, когда должна была поехать. Но и он не спрашивает куда я и зачем.

Мы и так понимаем все без слов.

Около аэропорта мне на телефон поступает звонок. Затем второй и третий. И все от Глеба. Слишком рано ты опомнился. Сбрасываю все его звонки и пишу одно лишь сообщение. Которое должно добить его чувства. И сжечь их дотла.

«Прости. Я улетаю. Не ищи и не жди меня».

Закидываю его в черный список, а из телефонной книги удаляю его номер. У меня не должно возникнуть желания позвонить.

— Надеюсь ты все окончательно решила.

Матвей говорит и выходит, чтобы достать мой чемодан.

Он остается у машины, а я ухожу. Так правильно. Я должна так поступить. Это правильно.

Но почему так больно? Почему внутри меня умирает маленькая девочка, которая верит в чудо. Почему меня изнутри убивают. А убийца я сама. Внутри меня появился червяк глотающий меня и сжирающий мой свет.

Оставляя только тьму.

Прохожу через терминал. И уже ухожу в зал для посадки.

И мне кажется. Что слышу голос. Голос Глеба, который зовет меня.

Но это мои галлюцинации. И с ними мне нужно начать бороться.

Поднимаюсь на борт самолета, не оглядываясь.

С самолета началась моя история в этом городке. С него все и закончится.

POV Глеб

Этого не может быть!

Я не могу поверить в то, что видел. Я не мог этого увидеть.

Зачем она тогда звала меня? Чтобы я посмотрел, как они развлекаются?

А сейчас я нахожусь тут, а они тем временем занимаются любовным спортом!

Получается так?

Сжимающиеся слишком крепко руки ломают деревянные перила. Я бы сейчас с удовольствием выбил кому-нибудь дурь. Как бесплатное лечение. Только каким должен быть диагноз, чтобы его лечили чужие кулаки. Возможно дурость другого парня, который посмел прикоснуться к чужой девушке.

Пытаюсь совладать с яростью, но не могу.

Мне нужно взять себя в руки и вернуться туда. Выдернуть из рук Мрака Ксюшу и поговорить. Это будет правильно.

— Глеб!

Нет, черт возьми, рано! Никто не должен ко мне подходить сейчас. Я слишком зол. Ревность во мне слишком велика.

Я хочу убить Мрака своими руками. За то что касался моей Ксюши. За то что смотрит на нее постоянно. За то что хочет мое.

Он не смеет!

— Глеб, — тоненький голосок влюбленной в меня девчонки бесит. Арина должна уйти от меня. Я слишком зол.

— Глеб, — Арина затравленно посмотрела на меня и виновато опустила голову. — Ты не должен был видеть этого. — А то я не знал. — Но Ксюша... она обманывала тебя. Часто виделась с Матвеем за твоей спиной. Она говорила, что с тобой ей уютно. А с ним удобнее. Но сейчас он заставил ее сделать выбор между вами.

Меня захлестывает ярость.

Гребаная ревность сжирает все. Оставляя лишь прожженную тропу к самому сердцу.

Слова Арины наполнены сочувствием и не верить мне: нет причины.

Но ревность... разве не это чувство раздавило отношения моих родителей. Моя мать своей истеричностью и чрезмерной ревностью убила чувства отца. Ее дочь не получила любви, потому что она ревновала дочь к мужу. А потом перенесла все на сына. Она сменила объект своей привязанности.

Истеричность. Ревность. Отсутствие здравомыслия.

Они уничтожили мою семью.

И я что ли сейчас позволю — этой убийственной ревности, все разрушить.

Думай, Глеб! Думай!

Где не сходится?

Матвей не стал бы ждать. И первый бы переспал с Ксю. А тогда я был первый у девушки.

И Ксю...

Почему такое чувство словно меня повели за веревочку. И до сих пор ведут.

Черт, как болит голова!

Сжимаю руками виски и чувствую как к плечам прикасаются маленькие ладошки.

— Глеб, отпусти ее. Ты заслуживаешь ответную любовь. Ты умеешь так сильно любить, что не видишь пороков. Я могу...

Она замолчала.

Ее слова сломали что-то внутри меня. Сомнение.

Но в чем?

Чему я могу сейчас доверять?

Себе? Ксюше? Или Арине?

Где я облажался, чтобы такое вообще произошло в нашей жизни.

— Иди домой!

— Но?

— Иди домой, — твердо произношу и встаю.

Ей не нужно этого видеть.

Захожу в квартиру, где вечеринка не угасает. А наоборот набирает обороты.

Подхожу к комнате, и слышу — стоны.

Женские и мужские. Скрип кровати.

Это Ксюша?

Хочу ворваться и убить всех... но тогда я стану сыном матери. Позволю ревности возобладать надо мной. Управлять мной.

Отхожу и жду. Они закончат и тогда посмотрим. И поговорим. Тогда факт измены будет на лицо.

Проходит час.

Я в недоумении, но держусь. Вижу как открывается дверь и замираю.

И оттуда выходят Бельков со Снегиревой. Что за...?

— Олег?

— Оу, Глеб. Ты в очереди что ли? А с кем собираешься? Только не говори что с рукой?

— А Мрак где?

— Не знаю. Я давно его не видел.

Срываюсь.

Что это значит. Либо они за десять минут устроили марафон пока меня не было. Или...

Останавливаюсь около Рустама. Он мог заметить.

— Рус, ты видел Ксюшу?

— Твою что ли? — лениво поворачивается ко мне и ждет ответа.

— Видел или нет?

— Больше часа назад. Уходила с мертвым лицом. Бледная. Подумал еще, что заболела.

— А Марков?

— Он вроде за ней бежал. Но злой.

Выбегаю на улицу. Куда бежать за Ксюшей или к Матвею на разговор.

Но звонок, который пропускать нельзя, прерывает мои метания.

— Доктор, вы почему так поздно?

Спрашиваю, а сам расхаживаю в разные стороны от нетерпения.

— Глеб, здравствуйте. Но ваша мама наконец-то пришла в сознание.

— Она начала разумно понимать где находится? — торможу.

— Она стала осознавать: кто она и кто вы, — подбирая слова комментирует он.

— Это ведь хорошо? Это значит что лекарства работают?

— Я думаю вам Глеб нужно приехать и пообщаться с ней.

— Но сейчас почти ночь, — возражаю.

— Понимайте, — со вздохом произнес доктор. — Мозг вашей матери почти превратился в кашу. Даже МРТ стало показывать это.

— Но она в сознании...

— Иногда такое происходит, если...

— Если что?

— В предсмертные часы сознание психически больного человека может временно восстановиться. Словно он выздоровел. Но потом... резко возвращается в прежнее состояние. Быстро перерастая в острую стадию. Доходит до точки кипения и... умирает.

— И каковы шансы у мамы?

— У вас есть возможность попрощаться. Возможно один-два часа.

Я не люблю мать. Точнее перестал любить, когда мама позволила своему сумасшествию возобладать. Когда отец ушел, она перекинула свою ревность на меня. Был период, когда она запрещала мне подходить к Люсе. Малышка надрывалась в слезах на ее руках. Успокоить мог только я. Мне пришлось вырвать из рук матери ребенка и почти уйти.

И только тогда она смогла кое-как справиться со своим приступом. Она позволила лечить себя. Она позволила увести себя к доктору.

Почему она раньше не соглашалась, я не понимаю. Почему отец не смог заставить ее отправиться к доктору, ради безопасности детей, я тоже не понимаю.

Но в итоге в те дни я лишился двух родителей сразу. Отец ушёл буквально, а мать фигурально.

У меня осталась только одна сестра, как у нее я.

Проститься с матерью все же нужно. Особенно, если она временно в сознании и осознает реальность.

Но буду ли я испытывать поглощающее горе после ее кончины... я сомневаюсь.

Такси приехало почти через пятнадцать минут и ехали до психбольницы — двадцать.

У ворот меня поджидал курящий доктор.

Темень вокруг и только свет фар. Бывать в больницах неприятно, а в психушке еще тяжелее. Но если днем, свет приятно окутывает, и создает эффект безопасности. То ночь, забирает этот флёр. К тому же добавляет напряжение и ощущение подстерегающей опасности.

Вышел из машины и попытался скинуть с плеч напряжение.

Доктор сразу понял, кто подъехал и помахал мне.

— Как она?

— Пока с нами.

Этого было достаточно.

Больничной запах впился в меня. Он привычен мне за последние пять лет. С матерью приходилось ходить сюда как минимум раз месяц на прием, а иногда и на процедуры.

С Люсей на стандартные приемы я ходил гораздо реже.

— Я предупреждаю, — доктор остановился у палаты и с жалостью взглянул на меня. — У нее в любую секунду может случиться рецидив. В любую секунду она может перестать быть нормальной. Поэтому не снимайте с нее повязки на руках. И не давайте ей ничего.

Говорить мне было нечего. Последние полгода у матери участились приступы. Мы чаще ходили к докторам. А потом разговор встал о госпитализации.

Я был готов к этому.

В ответ я кивнул и первый вошел в палату.

Мама лежала на кровати. Ее руки и скорей всего ноги были привязаны мягкой тканью, чтобы не повредить запястье. Покрывало скрывало большую ее часть, но исхудавшее тело прокрадывалось под простыней.

Серый цвет лица. Спертый запах с примесью медикаментов. Одинокая кровать и окно.

Врагу не пожелаешь оказаться в таком месте.

Можно сойти с ума только от обстановки, а не от диагноза.

— Мама...

Она подняла голову и приоткрыла глаза. Она не узнала меня. Она прищурилась, и нахмурилась.

Неужели я опоздал?

— Это твой сын, — сзади поддакнул доктор и тоже с напряжением ждал реакцию пациентки.

— Глеб?

Ух, я сам не заметил, как задержал дыхание. Значит в сознании.

— Мама, — подхожу к ней и прошу выйти доктора. — Давно не виделись.

С улыбкой проговариваю, но сомневаюсь, что она была настоящей.

Потому что мы по-настоящему не виделись очень давно.

— Глеб, — неверяще проговорила она. На ее щеках я заметил слезы, но для меня они перестали быть чем-то важным. Потому что каждый ее приступ заканчивался слезами и уговорами, что она будет больше стараться, чтобы побороть истерию.

Эта болезнь не лечится полностью лекарствами. Можно только облегчить давление на мозг, и уменьшить приступ. Но основа лечения это психотерапия. Но для этого нужно, чтобы сам пациент хотел избавиться от болезни. И прикладывал усилия для этого. Как минимум, не забывал принимать лекарства.

Чем грешила постоянно мама.

Своим не желанием.

Забывчивостью.

И не умением контролировать себя.

Как она к примеру напала на Ксюшу. Не успела сказать «привет», как схватила лопатку и накинулась.

Она даже не старалась контролировать себя. А потом весь вечер проплакала и молила меня не уходить.

Как нами соц службы не заинтересовались. Для меня загадка.

— Глебушка, так сожалею, — морщусь на своем имени. — Я должна бороться. Должна остаться с тобой. Должна помогать тебе.

— Люсю даже не вспомнишь?

Имя сестры колеблет ее. Она не срывается, что хорошо. Но замолкает на ее имени.

— Глеб, я...

— Мам, давай я тебе лучше расскажу как у нас дела?

Она улыбается и кивает.

Мой рассказ довольно сух, но мама словно не замечает моего уставшего вида. Она с улыбкой прислушивается к моим словам, и иногда морщится на Люсе.

Без откровенной ненависти.

Прошёл час, когда ее черты лица стали меняться. Они перестали быть расслабленными. Они заострились. А глаза остекленели, при этом зрачок медленно расширился.

— Прощай, мама, — прошептал я. И громче добавил: — Доктор!

Мужчина врывается и в ту же секунду комнату оглушил вопль.

Приступ истерии. Мощност, которого мне не приходилось видеть.

Женщина вырывалась из веревок и истошно кричала. В палату вбежали несколько санитаров и сестра, а я вышел.

Смотреть как в огненных муках умирает человек я не хотел.

Ей вкололи успокаивающее, но оно не помогло. Об этом и предупреждал доктор. Приступ, который остановить невозможно.

Прошел час, второй. И к концу третьего часа крики смолкли.

По очереди из палаты вышли санитары и медсестры. Последний вышел доктор.

— Всё?

Доктор устало уселся рядом со мной.

— Доктор, я тоже могу сойти с ума? И Люся?

Никому не охота стать психом. Но если есть кто-то в родне псих, каковы шансы сойти с ума самому.

— Можешь. От этого никто не застрахован, — флегматично отозвался доктор. — Но ваша мать сошла с ума потому что не справилась с проблемой из прошлого. У неё был стресс, который она не смогла преодолеть. Давление на мозг плюс паранойя. Она заиклилась на твоем отце. И ей это в начале помогало быть нормальной. Но болезнь прогрессировала. И когда по ней стукнул новый стресс. Ее это сломало.

— Значит я не стану вашим пациентом?

— Решай свои проблемы до конца. Не оставляй вопросы без ответа. Тогда да. Ты не сможешь стать психом.

Вопросы без ответа.

У меня как раз есть одна проблема, которую нужно решить. И нужно узнать ответ. Почему она так поступила.

— Спасибо, доктор.

Пожал мужчине руку и пошел на выход. Эхом раздавался стук моих шагов. Мысли вихрем вертелись в голове составляя план.

Мама — похороны.

Люся — опека.

Ксюша — разговор.

Я бы поехал сейчас же к Ксюше или к Матвею, чтобы набить ему морду.

Но в начале нужно к отцу. Предупредить его о смерти матери и о нашем будущем.

Такси приезжает с задержкой, но уже через двадцать минут я стоял перед дверью.

— Глеб, — удивился отец ночному визиту. — Ночь на дворе.

— Мама умерла.

Без предисловий и приветствий.

Отец в шоке. На его лице присутствует горе и облегчение. Он любил мать, но в то же время его душило само ее существование.

Какого это жить не своей жизнью. А со страхом и с оглядкой на другого.

— Нужно поговорить.

Вхожу в комнату Люси и с улыбкой наблюдаю как сестренка сопит. Ее рука болталась и

почти касалась пола. Я тихонько подошел и поправил ее положение, а затем оделю.

На кухне меня ждал отец, перед ним стояла бутылка водки.

— Ты, надеюсь, нечасто прикладываешь к ней.

Киваю на бутылку. Но отец вроде как отрицательно машет. И внешне не видно побочных эффектов напитка. Но то что она у него находилась, напрягало.

— Сегодня можно. Помянем?

Отец разливает и ставит передо мной стопку. Он тут же закидывает ее в себя, а я отодвигаю.

Не могу.

— Пап, по документам я и Люся будем с тобой.

— Ты? Разве тебе нет восемнадцати?

— Только через месяц, — кривлюсь я. — Так вот, сходишь я скажу куда и возьмешь все документы о смерти матери. Что ты отец одиночка. Ну и возможно нам нужно будет прописаться в одном месте.

— А жить, что? Со мной будете?

Отец напряжен. Он ждет ответа. Ему не хочется жить с нами.

Почему? Неужели боится нашего «дружеского» сумасшествия?

— Нет, — резко отрезаю я. — Тебе нужно только получить необходимые бумаги. Постоять с нами на похоронах. И иногда приходить на собрания. Но я и Люся будем жить на нашей квартире. И я буду о ней заботиться сам.

— Глеб, я понимаю, что это не правильно. Перекладывать на тебя ответственность в виде сестры и это для тебя лишения в свободе. У тебя ведь молодость. И...

— Лишения? В свободе? — Закипал я от слова отца. Как он смеет называть мою сестру лишением. Слово она обуза. — Отец, она для меня не обуза. Она не причина моих лишений. Я ради нее любого сотру в порошок. Даже если это будет наш отец.

На этих словах я встаю и забираю бутылку из его рук. Он собирался налить уже пятую стопку. Без сожаления я вылил напиток в раковину, а стекло выкинул в мусорный бак.

— В квартире ребенок. Не смей напиваться.

Снова зашел в комнату к Люсе, но она сладко спала. На часах пять утра. Ложиться спать нужно бы. Но мне казалось, что это неправильно. Что-то во мне противилось лечь в кровать. Но и мчаться к Ксюше сейчас слишком рано.

Чтобы не сманиться вторым, отправился в душ. От меня пахло больницей. И, чтобы отмыть от себя этот запах, мне пришлось натереться несколько раз.

И только спустя полчаса весь в паре я вышел.

Отец спал. А я не мог.

Посмотрел на телефон, а на экране последняя смска от Ксюши.

Она просила прийти. Сначала она уточняла про планы, спустя почти месяц игнора. Она иногда отвечала в июле, но очень односложно. А тут такой поток слов. У меня от облегчения чаще сердце застучало.

Потом поднялась тема вечеринки. И как я хотел пойти с ней на море. На свидание вместо «провождения школьной поры». А она воспротивилась. И яро доказывала, что мы обязаны появиться там.

А потом такое.

Матвей и она. В одной комнате.

Почему я вместо того, чтобы сразу набить морду Мраку, ушел?

Потому что не хотел, чтобы меня охватывало безумие. А Ксюша это знала?

Почему столько вопросов. И почему я сомневаюсь в Ксюше. Не могла она так поступить. Не могла она мне изменить. Тем более со Мраком. И даже ее отстраненное лицо не доказало мне ее безразличие.

Я сомневаюсь не в ней. А в ситуации. Если бы мне кто-то рассказал, что видел их вдвоем в одной комнате, я бы не поверил.

Но видел я.

И все равно не верю.

На часах половина седьмого. Беру телефон в руки и звоню Ксюше. Она должна уже проснуться.

Первый звонок. — Сбрасывает.

Второй звонок. — Сбрасывает.

Меня это напрягает. Предчувствие не было моей сильной стороной. Но сейчас. Когда моя любимая девушка, от которой мне иногда даже отходить не хотелось. Словно от меня отрезает кто-то мою часть. И она не отвечает. А точнее сбрасывает мои звонки.

Мне становится страшно. И это впервые.

Даже когда мама впервые в приступе снесла весь хрусталь с полки. Мне не было так страшно. Ни тогда, когда отец ушел. Я был в квартире один. Он стоял с чемоданом около входа. Он извинялся за свой поступок, но не хотел даже брать своих детей. Я бы понял, почему он бросает мать. Но детей.

Не понимаю.

А сейчас мне страшно. Что она задумала. Малахитовой принцессе пришла в голову плохая идея?

Мой третий звонок так же скидывают. И следом прилетает смс.

«Прости. Я улетаю. Не ищи и не жди меня».

Что за х...!?

Ненавижу матерится. Мама часто в приступах использовала нецензурную речь. Но сейчас... Что происходит?

Звоню ей. Но меня уже не сбрасывают. Меня успели занести в черный список. Хочется рушить все вокруг.

Но отвлекает от крушений звук уведомления.

Рустам сегодня улетаю на соревнования, но чтобы он перед отлетом писал. Ненавистник сообщений. Должно случиться важное. Равное крушению самолета.

«Я чего-то не знаю? Но Ксюша с чемоданом и в аэропорту».

Нет, друг. Это я чего-то не знаю.

Куда моя девочка отправилась. И не связано ли это со вчерашним спектаклем.

Вызываю такси, а сам бегу одеваться. Пять минут и машина под окнами. И я тут же вылетаю из подъезда.

Держу в руках телефон и не знаю что делать. Куда она поехала? Неужели в Москву. А как же мы? Или для нее это пустой звук?

Я должен успеть.

Пробегаю через двери и влетаю в здание аэропорта. И окунаюсь в хаос.

Буквы мелькают на экране с сообщением прилета и отлета самолетов.

Моя Ксюша модель. И она скорей всего полетела в Москву. Рейс на Москву один в ближайшее время. И он улетаю через десять минут!

Хочу сорваться к нужному терминалу. И если придется прорываться через охрану. Но вижу того, кого не должен.

Того, кто весь год пытался отобрать у меня мою девочку.

Того, кто вчера касался ее.

— Ты что здесь делаешь?

Мрак не смотрит на меня. Но он знает, что я тут. Он равнодушно смотрит на взлетающий самолет. И подзывает меня пальцем.

— Она улетела. Ты опоздал.

Не понимаю.

Оглядываю на экран с объявлениями и вижу.

Самолет на Москву только что взлетел.

Я действительно опоздал.

— Почему ты ее не остановил. Ты ведь ее тоже любишь. Почему не остановил?

— Почему? — отрешенное лицо у Мрака редкое зрелище. Он поворачивается ко мне и смотрит на меня. Но кажется, что он не тут. Он словно тут и не тут. — Ты не понимаешь, да?

— Ты о чем?

— Она нас обоих обставила. Она выбрала не тебя и не меня. Она выбрала себя. Нет смысла ее держать. Она не останется. А если удерживать, то она будет несчастна. Отпусти ее.

— Как это сделал ты?

— Я ее никогда не держал. Потому что я не смог ее поймать. А ты смог. Но она и от тебя улетела.

Матвей ухмыльнулся знакомой с первого класса улыбкой. Которая всегда бесила меня. Всегда в противовес мне ставили его. Как обаятельного засранца. Что нужно быть проще и брать от жизни все, что дают. Но мне давали не так много, поэтому не мог стать рубахой парнем как Мрак.

Я смотрю на небо, которое недавно поглотило самолет.

И мне ничего не остается как уходить.

Смотрю на телефон, где еще открыто приложение. С последним сообщением.

«Прости. Я улетаю. Не ищи и не жди меня»

Пролистываю вверх. И выхожу.

Не могу пока смотреть на это. Мне нужен воздух.

Набираю номер Ксюши, но мне говорят, что абонент не в зоне.

И когда она будет в зоне для меня. Я не знаю.

Остается ждать.

Может когда-нибудь моя Ксюша окончательно станет моей. Позволит стать мне ее смыслом. Как она стала моим.

Если позволит.

Мне нужно подождать, когда моя птичка налетается и вернется ко мне. А я дождусь. Я смогу. Главное, что бы мне хватило сил дожидаться.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net